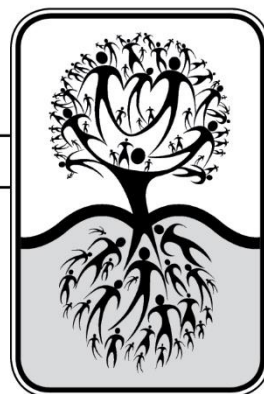

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Живая ПСИХОЛОГИЯ

ISSN 2413–6522

Том 10 №5,
2023

Russian Journal
of Humanistic Psychology

- » Журнал издается с 2014 года
- » Издание рекомендовано для публикации результатов научных исследований, согласно паспорту специальностей Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования РФ
- » Входит в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

РОСТОВ-НА-ДОНУ

Научно-практический рецензируемый журнал ЖИВАЯ ПСИХОЛОГИЯ создан в 2014г., ставит своей целью стать экспертным и информационным центром в области практической психологии в рамках гуманистического подхода. В журнале публикуются материалы различного характера из следующих научных разделов психологии: клиническая психология, спортивная психология, социальная, семейная и прикладная психология, педагогическая психология, медицинская психология, психология труда. Приоритетное внимание в журнале уделяется вопросам психологии развития и исследованиям в области образа жизни человека и его жизненных ориентиров. Рассматриваются методологические вопросы, касающиеся технология построения концепции педагогической деятельности, учебно-воспитательного процесса, его практической концепции, а также методика обучения и воспитания и ее применения в науке.

Основное содержание журнала составляют результаты исследований и аналитические обзоры. В журнале также публикуются дополнительные материалы, включающие в себя анонсы мероприятий, рецензии, письма и подборки практических рекомендаций по применению.

Согласно паспорту Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, журнал рекомендован для публикации результатов научных исследований, выполняющихся в рамках подготовки диссертационных работ по следующим специальностям:

- 3.2.5. «Медицинская психология» (медицинские науки);
- 5.3.1. «Общая психология, психология личности, история психологии» (психологические науки);
- 5.3.3. «Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика» (психологические науки);
- 5.3.4. «Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред» (психологические науки);
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования).

Язык издания: русский, английский.

Количество статей в выпуске: до 25

Периодичность выхода: восемь выпусков в год.

Международный стандартный серийный номер (ISSN): 2413-6522 (печатная версия).

Свидетельство о регистрации: серия ПИ № ФС77-83669 от 05 августа 2022 г.

Учредитель и издатель журнала: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт" (ОГРН 1226100004679)

Адрес: 344114, РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, Г.О. ГОРОД РОСТОВ-НА-ДОНУ, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, УЛ БОРЯНА, Д. 20, 24

Сайт издательства: <https://naukavak.ru>, **E-mail:** VAK-info@yandex.ru

**ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
К АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ
«ЖИВАЯ ПСИХОЛОГИЯ»**

Дорогие друзья!

Научная деятельность в наши дни предполагает обязательную вовлеченность ученого в международный информационный обмен, свободную ориентацию в актуальной проблематике избранной предметной области, тщательный выбор медиаплощадки для презентации результатов своей работы.

Научно-практический журнал «Живая психология» относится к разряду качественной научной периодики. Издание выходит в свет с 2014 года, выступая трибуной и одновременно экспертным медиаресурсом как для молодых ученых – представителей вузовских научных школ, так и для независимых исследователей. На страницах журнала традиционно размещаются статьи, раскрывающие отдельные аспекты истории психологии, теории и практики медицинской психологии, психологии личности, акмеологии, инженерной психологии, педагогической психологии и др.

Авторские материалы, представляющие собой оригинальный научный труд исследователя, проходят процедуру предварительного рецензирования и проверки на уникальность. Тщательный отбор редакционной коллегией рукописей, составляющих редакционный портфель журнала, выступают залогом высокого научного уровня журнала. Особый статус журнала «Живая психология» отражен в решении Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации рекомендовать наше издание для публикации результатов диссертационных исследований по ряду специальностей психологического профиля.

«Живая психология» имеет давние партнерские отношения со многими российскими вузами, научными школами и зарубежными образовательными центрами, что доказывает исключительную эффективность избранного курса редакционной политики, который выражается в формате работы с авторами и способах подачи научной информации.

Мы постоянно совершенствуем наши издательские технологии, стремясь сделать сотрудничество с «Живой психологией» максимально комфортным для научного сообщества.

Надеемся, что усилия, предпринимаемые коллективом нашего издания, будут по достоинству оценены нашими коллегами и благодарной читательской аудиторией.

С Уважением,
главный редактор научно-практического журнала «Живая психология»,
Осипова Алла Анатольевна.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

ОСИПОВА Алла Анатольевна - доктор психологических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии, Академии психологии и педагогики, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АВАНЕСЯН Грант Михайлович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Ереванского государственного университета

АГАПОВ Валерий Сергеевич – доктор психологических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

АНИСИМОВ Олег Сергеевич – доктор психологических наук, профессор, Академик Международной академии акмеологических наук, Российской экологической академии, Академии социальных технологий и местного самоуправления, Академии социальных и педагогических наук, Международной академии наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

БУТОВ Александр Юрьевич – доктор педагогических наук, Академик Международной академии наук высшей школы

ВОЛКОВ Александр Кузьмич – доктор медицинских наук, профессор, директор Научно-образовательного медико-технологического центра МГТУ им. Н. Э. Баумана

ГИЛЕВ Геннадий Андреевич – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник физической культуры РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, Мастер спорта СССР, академик МАНПО, Московский педагогический государственный университет, профессор кафедры Спортивных дисциплин и методики их преподавания

ГОРДЕЕВ Михаил Николаевич – доктор медицинских наук, кандидат психологических наук, профессор, Ректор института психотерапии и клинической психологии

ГУЗНЕНКОВ Владимир Николаевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры «Инженерная графика» ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», академик Российской Академии Естествознания

ДЖАНЕРЬЯН Светлана Тиграновна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и консультативной психологии Академии психологии и педагогики, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»

ДЖИГА Надежда Дмитриевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики экономико-правового факультета «БИП – Институт правоведения», Республика Беларусь

Кагермазова Лаура Цраевна - Доктор психол. наук, доцент, профессор РАО, академик РАЕН, "Заслуженный деятель науки и образования». Чеченский государственный педагогический университет

КОЛЕСОВ Владимир Иванович – доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, профессор, Лужский институт (филиал) кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заслуженный деятель науки и образования РАЕ, академик РАЕ, магистр образования

КРУГ Владимир Михайлович – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник учебно-методического центра «Здоровьесберегающие технологии и профилактика наркомании в молодежной среде» МГТУ им. Н. Э. Баумана

ЛЮБОВ Евгений Борисович – доктор медицинских наук, профессор, заведующий отделом суицидологии Московского научно-исследовательского института психиатрии – филиала Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации

ПОЛЫНСКАЯ Ирина Николаевна – доктор педагогических наук профессор кафедры изобразительного искусства, доцент, ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», Член Международного союза педагогов-художников, член-корреспондент Российской Академии Естествознания

РЮМШИНА Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»

САМУСЕНКОВ Олег Иосифович – заведующий кафедрой физвоспитания, доктор педагогических наук, профессор, РГХПУ им. С. Г. Строганова, Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова

СВЕЧКАРЁВ Виталий Геннадьевич – доктор педагогических наук, профессор, Майкопский государственный технологический университет

СИНЯГИН Юрий Владимирович — доктор психологических наук, профессор, заместитель директора Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

СИНЯГИНА Наталья Юрьевна — доктор психологических наук, профессор, президент Межрегиональной общественной организации содействия воспитанию «Содружество организаторов воспитательного процесса»

ХАРЧЕНКОВА Людмила Ивановна — доктор психологических наук, профессор, Российский гос. Гидрометеорологический университет

ХАСАНОВ Навруз Баратович — доктор педагогических наук, и.о. профессора кафедры «Организация работы с молодежью и развития русского языка» Кыргызского государственного технического университета имени И. Раззакова

ЧЕРНАЯ Анна Викторовна — доктор психологических наук, зав. кафедрой психологии развития Академии психологии и педагогики, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»

ШКУНОВ Владимир Николаевич — Российский историк, востоковед, педагог, Заслуженный учитель Российской Федерации, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии естествознания. Глава муниципального образования «Инзенский район», член Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации. Автор более 30 монографий, 5 учебных пособий и 180 статей по актуальным проблемам истории педагогики и образования, сравнительной педагогики

ЮСУПОВ Владислав Викторович - доктор медицинских наук, профессор, начальник НИО (медико-психологического сопровождения) НИЦ Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова

EDITOR-IN-CHIEF:

OSIPOVA Alla Anatolyevna - Doctor of Psychological Sciences, Professor of the General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

EDITORIAL BOARD:

AVANESYAN Grant Mikhailovich – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the General Psychology Department of Yerevan State University

AGAPOV Valery Sergeevich – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Acmeology and Psychology Department of Professional Activity of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

ANISIMOV Oleg Sergeevich— Doctor of Psychological Sciences, Professor, Academician of the International Academy of Acmeological Sciences, the Russian Ecological Academy, the Academy of Social Technologies and Local Self-Government, the Academy of Social and Pedagogical Sciences, the International Academy of Sciences, Professor of the Acmeology and Psychology Department of Professional Activity of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

BUTOV Alexander Yurievich – Doctor of Pedagogical Sciences, Academician of the International Academy of Sciences of Higher Education

VOLKOV Alexander Kuzmich – Doctor of Medical Sciences, Professor, Director of the Scientific and Educational Medical and Technological Center of the Bauman Moscow State Technical University

GILEV Gennady Andreevich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Worker of Physical Culture of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Master of USSR Sports, MANPO Academician, Moscow Pedagogical State University, Professor of the Sports Disciplines and Methods of their Teaching Department

GORDEEV Mikhail Nikolaevich – Doctor of Medical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Rector of the Institute of Psychotherapy and Clinical Psychology

GUZHENKOV Vladimir Nikolaevich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Engineering Graphics Department, Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

Svetlana Tigranovna DZHANERYAN – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Personality Psychology and Counseling Psychology Department of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

DZHIGA Nadezhda Dmitrievna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of the Faculty of Economics and Law Institute of Jurisprudence, Republic of Belarus

Kagermazova Laura Tsraevna - Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, "Honored Worker of Science and Education". Chechen State Pedagogical University

KOLESOV Vladimir Ivanovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Economic Sciences, Professor, Luga Institute (branch) Department of Humanities and Natural Sciences, Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honored Worker of Science and Education of the RAE, Academician of the RAE, Master of Education

KRUG Vladimir Mikhailovich – Doctor of Psychological Sciences, Professor, leading researcher of the educational and methodological center "Health-saving technologies and prevention of drug addiction among young people" of the Bauman Moscow State Technical University

LYUBOV Evgeny Borisovich – Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Suicidology Department of the Moscow Research Institute of Psychiatry, a branch of the V. P. Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Russian Federation Ministry of Health

POLYNSKAYA Irina Nikolaevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Fine Arts Department, Associate Professor, Nizhnevartovsk State University, Member of the International Union of Art Teachers, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences

RYUMSHINA Lyubov Ivanovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Social Psychology and Personality Psychology Department of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

SAMUSENKOV Oleg Iosifovich – Head of the Physical Education Department, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, S. G. Stroganov Russian State Art and Industrial University named after S.G. Stroganov

SVECHKAREV Vitaly Gennadievich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Maikop State Technological University

SINYAGIN Yuri Vladimirovich – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Deputy Director of the Higher School of Public Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

SINYAGINA Natalia Yuryevna – Doctor of Psychological Sciences, Professor, President of the Interregional Public Organization for the Promotion of Education «Commonwealth of organizers of the educational process»

KHARCHENKOVA Lyudmila Ivanovna – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Russian State University. Hydrometeorological University

HASANOV Navruz Baratovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Acting Professor of the Department "Organization of work with youth and development of the Russian language" of the Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov

CHERNAYA Anna Viktorovna – Doctor of Psychological Sciences, Head of the Developmental Psychology Department of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

SHKUNOV Vladimir Nikolaevich – Russian historian, orientalist, teacher, Honored Teacher of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences. Head of the municipal formation "Inzensky district", member of the Expert Council under the Government of the Russian Federation. Author of more than 30 monographs, 5 textbooks and 180 articles on topical issues of the history of pedagogy and education, comparative pedagogy

YUSUPOV Vladislav Viktorovich - Doctor of Medical Sciences, Professor Head of the Research Institute (medical and Psychological support) SIC of the Military Medical Academy named after S.M.Kirov

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ (МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ)

Багненко Елена Сергеевна, Богатенков Алексей Игоревич, Гриненко Анна Олеговна. ДИНАМИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПАЦИЕНТОК КОСМЕТОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ В ПРОЦЕССЕ НЕХИРУРГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ 16

Марченко Илья Викторович, Дорофеев Иван Иванович, Назаров Сергей Сергеевич, Ятманов Алексей Николаевич. ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 26

Нещадим Дмитрий Владимирович. ТЕМАТИЧЕСКИЙ АППЕРЦЕПТИВНЫЙ ТЕСТ ПРИ ОЦЕНКЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ К ЧЛЕНАМ СЕМЬИ У ЖЕНЩИН БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИИ 33

Тактаракова Софья Сергеевна, Логинова Ирина Олеговна. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ В РАБОТЕ С ПАЦИЕНТАМИ С АТОПИЧЕСКИМ ДЕРМАТИТОМ 41

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Воробьева Клариса Ивановна, Бадерко Алексей Викторович. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕЛИГИИ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ ВОЦЕРКОВЛЕННЫХ И НЕВОЦЕРКОВЛЕННЫХ ЛЮДЕЙ 53

Киселева Евгения Сергеевна, Дворцова Елена Валерьевна. ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И МОТИВАЦИИ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ВЫГОРАНИЕМ У КОНТРОЛЁ-РОВ ФСИН РОССИИ 62

Лаврентьева Анна Вячеславовна. КОПИНГ-СТРАТЕГИИ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ 69

Масляков Владимир Владимирович, Полиданов Максим Андреевич, Сюсюкина Анна Владимировна. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В ЗОНЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ 78

Роднина Кристина Андреевна. СОПОСТАВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ТРУДОВУЮ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН 86

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА
ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД
(ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Ильичёв Иван Владимирович, Аксенов Александр Александрович, Воронина Наталья Валерьевна, Аксенова Александра Андреевна. ОСОБЕННОСТИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ 91

Соболевская Татьяна Викторовна, Ткач Елена Николаевна. ДИАГНОСТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ БАРЬЕРОВ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА 98

Яро Абубакар. ТРЕНИНГ КАК В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ АДАПТИВНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ 108

**ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА
(ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Зорина Татьяна Владимировна. ДОВЕРИЕ КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРАКТА В ОРГАНИЗАЦИИ 115

**СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ,
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
(ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Бакиров Рамиль Равилович, Валиахметов Ильдар Ринатович. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗОВАННО- ПРЕСТУПНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ 122

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА,
ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ**

Фидря Анна Валерьевна, Южакова Татьяна Леонидовна. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕЙ А. С. МАКАРЕНКО В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ 130

Чеботарева Ольга Владимировна. РОЛЬ ЦЕННОСТНО-КОГНИТИВНОГО КОМПОНЕНТА ИНКЛЮЗИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ В УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ИНКЛЮЗИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ 136

**ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ
(ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)**

Залужная Мария Васильевна, Байер Елена Александровна, Арутюнян Рузанна Левоновна. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС 141

ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ЦЕНТРОВ ПОМОЩИ ДЕТЯМ И
ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ К ТРУДОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Кулезенина Екатерина Викторовна, Ткаченко Елена Сергеевна.
РАЗВИТИЕ ФОНЕМАТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ДИЗАРТРИЕЙ ПОСРЕДСТВОМ
ЛОГОПЕДИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

149

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

MEDICAL PSYCHOLOGY (MEDICAL SCIENCES)

- Elena S. Bagnenko, Alexey I. Bogatenkov, Anna O. Grinenko.** DINAMICS OF EMOTIONAL STATE OF FEMALE PATIENTS OF A COSMETOLOGICAL CLINIC IN THE PROCESS OF NON-SURGICAL CORRECTION 16
- Marchenko Ilya Viktorovich, Dorofeev Ivan Ivanovich, Nazarov Sergey Sergeevich, Yatmanov Alexey Nikolaevich.** INFLUENCE OF VALUE ORIENTATIONS ON PSYCHOLOGICAL STABILITY OF MILITARY SERVANTS 26
- Neshchadim D.V.** THEMATIC APPERCEPTIVE TEST IN ASSESSING THE FEATURES OF EMOTIONAL ATTACHMENT TO FAMILY MEMBERS IN WOMEN WITH SCHIZOPHRENIA 33
- Taktarakova Sofya Sergeevna, Loginova Irina Olegovna.** THE EFFECTIVENESS OF THE PSYCHOLOGICAL CORRECTION PROGRAM IN WORKING WITH PATIENTS WITH ATOPIC DERMATITIS 41

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- Vorobyova Klarisa Ivanovna, Baderko Alexey Viktorovich.** RECONSTRUCTION OF IDEAS ABOUT RELIGION IN THE EVERYDAY CONSCIOUSNESS OF CHURCH-GOING AND NON-CHURCH-GOING PEOPLE 53
- Kiseleva Evgenia Sergeevna, Dvortsova Elena Valerievna.** INTERRELATION OF VALUE ORIENTATIONS AND MOTIVATION WITH PROFESSIONAL BURNOUT AMONG INSPECTORS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA 62
- Lavrentieva Anna Vyacheslavovna.** COPING STRATEGIES AND PURPOSE-IN-LIFE ORIENTATIONS AS PERSONAL FACTORS OF EMOTIONAL BURNOUT AMONG MEDICAL STUDENTS 69
- Maslyakov Vladimir Vladimirovich, Polidanov Maxim Andreyevich, Syusyukina Anna Vladimirovna.** ORGANIZATIONAL PRINCIPLES FOR IMPLEMENTING PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE IN AN EMERGENCY ZONE 78
- Rodnina Kristina Andreevna.** COMPARISON OF GENDER STEREOTYPES IN DIFFERENT CULTURES AND THEIR IMPACT ON WOMEN'S LABOR ACTIVITY 86

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY PSYCHODIAGNOSTICS DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

- Ilyichev Ivan Vladimirovich, Aksenov Alexander Alexandrovich, Voronina Natalia Valeryevna, Aksenova Alexandra Andreevna.** FEATURES OF STRESS RESISTANCE OF STUDENTS OF VARIOUS SPECIALTIES 91

Sobolevskaya Tatyana Viktorovna, Tkach Elena Nikolaevna. DIAGNOSIS OF PSYCHOLOGICAL BARRIERS EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL ACTIVITIES UNIVERSITY STUDENTS 98

Yaro Aboubakar. TRAINING AS IN THE SYSTEM OF INCREASING THE ADAPTABILITY OF FOREIGN STUDENTS 108

**LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING
PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS**

Zorina Tatiana Vladimirovna. TRUST AS THE BASIS OF AN EFFECTIVE PSYCHOLOGICAL CONTRACT IN AN ORGANISATION 115

**SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY
(PSYCHOLOGICAL SCIENCES)**

Bakirov Ramil Ravilovich, Valiakhmetov Ildar Rinatovich. SOCIO-PSYCHOLOGICAL MODELS OF MANAGEMENT OF ORGANIZED CRIMINAL COMMUNITIES 122

PEDAGOGICAL SCIENCES

**GENERAL PEDAGOGY,
HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION**

Fidrya Anna Valeryevna, Yuzhakova Tatiana Leonidovna. INTERPRETATION OF A. S. MAKARENKO'S IDEAS IN MODERN RUSSIAN EDUCATION 130

Chebotareva Olga Vladimirovna. THE ROLE OF THE VALUE-COGNITIVE COMPONENT OF INCLUSIVE TEACHER COMPETENCE IN THE SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF INCLUSIVE EDUCATIONAL PRACTICES 136

**THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING AND UPBRINGING
(BY REGION AND LEVEL OF EDUCATION)**

Zaluzhnaya Maria Vasilievna, Bayer Elena Aleksandrovna, Harutyunyan Ruzanna Levonovna. PEDAGOGICAL PROCESS OF PREPARING GRADUATES OF CHILD CARE CENTERS AND SUBSTITUTE FAMILIES FOR LABOR SOCIALIZATION 141

Kulezenina Ekaterina Viktorovna, Tkachenko Elena Sergeevna. DEVELOPMENT OF PHONEMATIC PERCEPTION IN SENIOR PRESCHOOL CHILDREN WITH DYSARTHRIA THROUGH LOGO-PEDIC ACTIVITIES 149

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ (МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ)

УДК 159

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_16

ДИНАМИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПАЦИЕНТОК КОСМЕТОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ В ПРОЦЕССЕ НЕХИРУРГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ

Багненко Елена Сергеевна

Кандидат медицинских наук, ассистент кафедры пластической хирургии,
ФГБОУ ВПО «Первый Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России.
Врач дерматолог-косметолог Института красоты "Галактика"

E-mail: e_bagnenko@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4584-7005

Богатенков Алексей Игоревич

Главный врач Института красоты "Галактика", г. Санкт-Петербург

Гриненко Анна Олеговна

Студентка ПСПБГМУ им. акад. И.П. Павлова

E-mail: 5814411@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4453-8879

Актуальность исследования определяется практическим отсутствием психологических исследований пациенток косметологической клиники при очевидной стрессогенности и значимости дефектов кожи для психоэмоционального и психосоциального статуса женщин. Цель исследования состояла в изучение динамики эмоционального состояния женщин с косметологическими проблемами кожи лица в процессе нехирургической коррекции. С помощью стандартизованных методов психологической диагностики «Уровень невротизации» (УН) [7], «Шкала воспринимаемого стресса-10» (ШВС-10) [1], «Опросник удовлетворенности качеством жизни» (КЖ) (Водопьянова Н.Е., 2005), а также авторского клинико-психологического интервью исследовано 193 пациентки косметологической клиники (средний возраст 39,19±0,80 лет) в периоды до и после нехирургической коррекции, длящейся в среднем 3 месяца. Данные обработаны с помощью SPSS v. 25.0 с использованием χ^2 Пирсона и Z-критерия Уилкоксона. Результаты показали статистически значимое снижение (увеличение положительного значения показателя УН) уровня невротизации ($p=0,034$), общего показателя ШВС-10 ($p=0,007$), отражающего уровень субъективно переживаемого эмоционального стресса, а также показателя субшкалы «Перенапряжение» ($p=0,00$); получено статистически значимое увеличение 6 из 10 показателей удовлетворенности качеством жизни, относящихся к сферам социального взаимодействия и психологического состояния. Полученные данные соответствуют и развивают результаты зарубежных динамических исследований в области субъективной оценки психологического статуса пациенток косметологической клиники и могут быть учтены в профессиональной деятельности врачами-косметологами, а также клиническими психологами, работающими в области эстетической медицины. Перспективы исследования связаны с расширением спектра изучаемых психологических факторов косметологии, а также их связи с клиническими характеристиками пациенток.

Ключевые слова: косметология, медицинская психология, динамика эмоционального состояния, уровень невротизации, уровень воспринимаемого стресса, удовлетворенность качеством жизни.

DYNAMICS OF EMOTIONAL STATE OF FEMALE PATIENTS OF A COSMETOLOGICAL CLINIC IN THE PROCESS OF NON-SURGICAL CORRECTION

Bagnenko Elena Sergeevna

*Cand. of Sci. (Med.) Assistant of the Department
of Plastic Surgery Pavlov First Saint Petersburg State Medical University
Dermatologist-cosmetologist of the St. Petersburg Beauty Institute «Galaxy»*

E-mail: e_bagnenko@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4584-7005

Bogatenkov Alexey Igorevich

*Chief Physician of the Department of Medical Cosmetology
of the St. Petersburg Beauty Institute «Galaxy»*

Grinenko Anna Olegovna

Student, Pavlov First Saint Petersburg State Medical University

E-mail: 5814411@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4453-8879

The relevance of the study is determined by the practical absence of psychological studies of female patients of cosmetological clinic with obvious stressfulness and significance of skin defects for the psychoemotional and psychosocial status of women. The purpose of the work was to study the dynamics of the emotional state of women with cosmetic problems of the facial skin in the process of non-surgical correction. Using standardized methods of psychological diagnosis «Level of neuroticism» [7], «Scale of perceived stress-10» [1], questionnaire «Quality of life satisfaction» (Vodop'yanova N.E., 2005), and also with the use of the author's clinic-psychological interview 193 female patients (mean age 39,19±0,80 years) of a cosmetological clinic were examined in the period before and after non-surgical correction lasting an average of 3 months. Data were processed with SPSS v.25.0 using Pearson's χ^2 Wilcoxon's z-criterion. The results showed a statistically significant decrease (increase in the positive value of the indicator) in the level of neuroticism ($p=0,034$), of the general indicator of the scale of perceived stress ($p=0,007$), which reflects the level of subjective experienced emotional stress, as well as the indicator of the subscale «Overstrain»; it was obtained a statistically significant increase of 6 out of 10 indicators of satisfaction with the quality of life related to the areas of social interaction and psychological state. The data obtained correspond to and develop the results of foreign dynamic research in the field of subjective assessment of the psychological status of female patients in a cosmetological clinic and can be taken in account in their professional activities by beauticians and clinical psychologists working in the field of aesthetic medicine. Research prospects are associated with the expansion of the range of studied psychological factors of cosmetology, as well as their relationship with the clinical characteristics of female patients.

Keywords: cosmetology, medical psychology, dynamics of the emotional state, level of neuroticism, level of perceived stress, satisfaction with the quality of life.

Актуальность настоящего исследования обусловлена практическим отсутствием отечественных психологических исследований пациентов

косметологической клиники, проходящих малоинвазивное лечение, в отличие от пациентов клиники пластической хирургии (Сластенина В.В., 2007; Bensoussan J.C. et al., 2014; Pearl R.L., Percес I., 2019; Asimakopoulou E. et al., 2020). [12, 14, 15, 20]. В то же время клинический опыт врача дерматолога-косметолога и отдельные исследования (Александров А.А., Багненко Е.С., 2012; Сац Е.А., Слободчиков И.М., 2015; Багненко Е.С. с соавт., 2021) [2, 11, 5], а также зарубежные работы в этой области (Sobanko J.F. et al., 2015; Scharschmidt D. et al., 2018; Dadkhahfar S. et al., 2021) [16, 22, 24] показывают высокую стрессогенность косметических дефектов кожи лица, их влияние на эмоциональное состояние и социальную успешность, другие аспекты личности и поведения пациенток косметологической клиники. В связи с этим возрастает убежденность в том, что знание психологических особенностей женщин, обращающихся за косметологической помощью, могло бы оптимизировать процесс нехирургической коррекции, повысив его психотерапевтический потенциал, способствовать профилактике психической дезадаптации личности, связанной с неудовлетворенностью своей внешностью.

Цель исследования: изучение динамики эмоционального состояния женщин с косметологическими проблемами кожи лица в процессе нехирургической коррекции. Задачи исследования состояли в изучении динамики показателей 1) уровня невротизации; 2) уровня воспринимаемого стресса; 3) уровня удовлетворенности различными аспектами качества жизни и психологическим состоянием женщин с дефектами кожи лица в процессе косметологической коррекции.

Материал составили данные клинико-психологического исследования 193 женщин (средний возраст 39,19±0,80 лет) с различными косметологическими проблемами кожи лица. Исследование проведено на базе Санкт-Петербургского Института красоты «Галактика» после согласования с Этическим комитетом Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова и получения письменного информированного согласия пациенток на участие в психологическом исследовании.

Изучение основных социально-демографических характеристик показало, что в исследованной группе преобладали женщины с высшим образованием (74,6%), имеющие постоянную работу (72,0%) преимущественно в сферах частного бизнеса (39,9%), науки и образования (22,3%), состоящие в браке (63,3%) и имеющие детей (71,5%).

Наиболее часто встречающимися клиническими симптомами были: мимические морщины (51,0%), гравитационный птоз (32,8%), борозды и складки (27,6%), сосудистая патология кожи (24,5%), гиперпигментация (22,4%), а также сочетание симптомов. По степени выраженности косметологической проблемы пациентки распределились следующим образом: слабая (26,8%), средняя (32,8%), значительная (36,4%) степень; длительность имеющейся косметологической проблемы наиболее часто составляла более 5 лет (34%) и от 1 года до 3 лет (30,2%); среди коморбидной патологии преобладали эндокринные заболевания (33,9%); объем косметологической помощи: таргетная (33,3%), комплексная ревитализация кожи лица (66,7%). По окончании нехирургической коррекции лечащим врачом-косметологом была поведена оценка эффективности лечения с учетом выраженности косметологической проблемы (табл.1).

Таблица 1

Эффективность лечения (по оценке врача)

Эффективность лечения	Степень выраженности косметологической проблемы							
	Слабая		Средняя		Значительная		Вся группа	
	Чел	%	Чел	%	Чел	%	Чел	%
Минимальный эффект	0	0,0	0	0,0	2	2,6	2	1,0

Проблема частично решена, показана дальнейшая терапия	1	1,9	6	9,2	20	26,3	27	14,0
Проблема частично решена, дальнейшая терапия не показана	17	32,7	23	35,4	35	46,1	75	38,9
Проблема устранена полностью	34	65,4	36	55,4	19	25,0	89	46,1
$\chi^2=32,27 p=0,000$								

Как можно видеть, во всей группе исследованных женщин, а также в группах со слабой и средней выраженностью косметологической проблемы, у максимального процента пациенток проблема кожи лица, с которой они обратились в клинику, устранена полностью; в группе пациенток со значительной выраженностью проблемы процент женщин, у которых «проблема частично решена, дальнейшая терапия не показана», а также (и особенно) процент женщин, которым показана дальнейшая терапия, значительно выше, чем в группах со средней и слабой выраженностью проблемы, и различия по этому показателю высоко статистически значимы.

Методы психологического исследования включали структурированное интервью и три стандартизованных психометрических метода. Психодиагностические методы применялись дважды: в начале и по окончании курса лечения, который, в среднем, составлял 3 месяца.

1. Авторское структурированное интервью проводилось в начале курса нехирургической коррекции, включало 50 пунктов, организованных в несколько блоков, из которых в настоящем исследовании анализировались социально-демографические характеристики и клинические данные (заполнялись лечащим врачом).

2. Методика «Уровень невротизации» (УН) разработана на основе современных принципов конструирования специализированных опросников и технологии работы с ними (Карпова Э.Б., с соавт., 2014) [7]. Методология определения уровня невротизации заключается в поиске психологических особенностей, различающих группы людей – психически здоровых и пациентов с невротическими расстройствами. Авторы методики УН подчеркивают, что «невротизация» не тождественна диагнозу «невроз»; это некая предрасположенность, фактор риска, актуализирующийся при невозможности конструктивного разрешения внутриличностного конфликта или в стрессовых (конфликтных, проблемных) ситуациях потенциально значимых для развития невротических расстройств. Опросник УН включает 45 пунктов, организованных в 2 шкалы - контрольную «Ложь» и основную «Невротизация».

3. «Шкала воспринимаемого стресса-10» (ШВС-10) предназначена для субъективной оценки респондентами уровня напряженности, стрессогенности своей жизненной ситуации в течение последнего месяца, является адаптированным вариантом методики «The Perceived Stress Scale-10» (PSS-10) с получением средних нормативных оценок на отечественной выборке мужчин и женщин в возрасте от 18 до 54 лет (Абабков В.А. с соавт., 2016) [1]. Методика ШВС-10 включает 10 пунктов, организованных в 2 субшкалы, одна из которых измеряет субъективно воспринимаемый уровень напряженности ситуации (шк. «Перенапряжение»), а вторая – уровень усилий, прилагаемых для преодоления этой ситуации («Противодействие стрессу»), вычисляется также общая оценка воспринимаемого стресса.

4. «Опросник удовлетворенности качеством жизни» (КЖ) разработан в Институте медицины стресса (США) (Элиот Р.С., 1996) [13] и адаптирован в Санкт-Петербургском государственной университете Н.Е. Водопьяновой (Практикум по психологии ..., 2005). Методика (КЖ) содержит 36 вопросов, организованных в 9 шкал, оценки которых отражают удовлетворенность различными аспектами жизни (работа,

личные достижения, здоровье, общение с близкими людьми) и своим психологическим состоянием (оптимистичность, напряженность, дискомфорт, другие негативные эмоциональные состояния). Технология обработки результатов исследования предполагает, что, чем выше удовлетворенность по каждому аспекту качества жизни (чем выше оценка соответствующей шкалы), тем ниже уровень стресса. Подсчитывается также суммарный индекс качества жизни (ИКЖ), который отражает степень субъективной удовлетворенности качеством жизни, психологическим состоянием и актуализацией личностных ресурсов для преодоления жизненных стрессов.

Использованы математико-статистические методы, включенные в статистический пакет SPSS v. 25.0: χ^2 Пирсона для частотного анализа номинативных признаков интервью и непараметрический Z-критерий Уилкоксона для определения различий между психодиагностическими показателями, измеренными до и после лечения.

Результаты

В табл. 2 приведены результаты динамического исследования уровня невротизации пациенток косметологической клиники.

Таблица 2

Уровень невротизации до и после косметологической коррекции (динамика абсолютных значений показателя методики УН)¹

Психодиагностический показатель	До лечения M+m	После лечения M+m	Z	P
Уровень невротизации	46,37+3,49	52,88+3,90	-2,126	0,034

Как можно видеть, средний положительный показатель УН, измеренный после курса нехирургической коррекции, на статистически значимом уровне превосходит соответствующий показатель, измеренный до лечения. В психологическом плане это свидетельствует об уменьшении проявлений эмоциональной возбудимости, на фоне которой продуцируются различные негативные переживания (тревога, напряженность, беспокойство, раздражительность), фрустрируемости различными внешними и внутренними факторами, а также об уменьшении склонности к ипохондрической фиксации и сосредоточенности на своих личностных недостатках, которые, в свою очередь, определяют затрудненность в общении, социальную робость и зависимость (Карпова Э.Б. с соавт., 2014) [7]. Важно отметить также, что в группе исследованных пациенток показатель УН как до лечения, так и после лечения (несмотря на существенную разницу между ними), соответствовал градации «Низкий уровень» (от +41 до +80).

Как отмечалось, методика «Уровень невротизации» содержит контрольную шкалу «Ложь» (Л), отражающую степень достоверности полученных результатов исследования. В исследованной группе женщин этот показатель до лечения составил $L=4,58+0,13$, после лечения – $L=4,95+0,18$ ($Z = - 2,631$; $p=0,009$) при пороговом значении $L=5$ (Карпова Э.Б. с соавт., 2014) [7]. Таким образом, в обоих случаях результаты следует признать достоверными, т.е. не искаженными влиянием «фактора социальной желательности ответов», хотя при заполнении опросника УН после лечения пациентки в большей степени, чем до лечения, стремились придать своим ответам социально одобряемый характер, уменьшить значимость неприятностей и проблем, подчеркнуть собственное психологическое и социальное благополучие.

¹ В соответствии с конструктивными особенностями методики «Уровень невротизации» возрастание положительного значения показателя УН свидетельствует о снижении невротизации.

В таблице 3 приведены результаты сравнительного анализа субъективной оценки стрессогенности своей жизненной ситуации пациенток косметологической клиники в периоды до и после косметологической коррекции.

Таблица 3

Субъективная оценка воспринимаемого стресса до и после косметологической коррекции (динамика абсолютных значений показателей методики ШВС-10)

Психодиагностический показатель	До лечения M+m	После лечения M+m	Z	p
Общий балл ШВС-10	26,77+0,58	24,06+0,76	-2,720	0,007
Перенапряжение	17,34+ 0,44	15,53+0,59	-2,758	0,006
Противодействие стрессу	9,34+ 0,22	8,53+0,27	-	-

Получены статистически значимые различия между общим показателем воспринимаемого стресса, измеренными до и после косметологической коррекции. Результаты свидетельствуют о том, что после лечения у пациенток существенно уменьшилось субъективное ощущение общего психического напряжения и возрос уровень общей психической активности, эмоционального тонуса и психологического комфорта (Абабков В.А. с соавт., 2016) [1]. Этому соответствует уменьшение показателя субшкалы «Перенапряжение» в период «после лечения» по сравнению с периодом «до лечения». Статистически значимых различий показателей субшкалы «Противодействие стрессу», отражающей эмоционально-личностные затраты на совладание со стрессовыми ситуациями, в исследовании не получено; этот показатель оказался ниже нормативных данных ($M=10,82$, $\delta=4,29$), полученных авторами методики ШВС-10 на отечественной выборке (Абабков В.А. с соавт., 2016) [1].

В таблице 4 представлены результаты сравнительного анализа показателей удовлетворенности отдельными аспектами качества жизни и своим психологическим состоянием пациенток косметологической клиники, полученных в периоды до и после лечения.

Таблица 4

**Уровень удовлетворенности качеством жизни
и психологическим состоянием до и после косметологической коррекции
(динамика абсолютных значений показателей методики КЖ)**

Психодиагностический показатель	До лечения M+m	После лечения M+m	Z	p
Индекс качества жизни	27,64+0,43	28,58+0,61	-3,252	0,001
Работа (карьера)	28,71+0,59	29,62+0,78	-	-
Личные достижения	29,77+0,52	31,16+0,68	-3,510	0,000
Здоровье	27,55+0,65	28,22+0,90	-	-
Общение с друзьями, близкими	30,06+0,55	30,81+0,78	- 2,270	0,023
Поддержка	27,95+0,57	28,62+0,70	-	-
Оптимизм	28,88+0,50	30,04+0,75	-	-
Напряжение	26,99+0,61	28,32+0,90	-2,756	0,006
Самоконтроль	23,32+0,50	24,14+0,68	-3,317	0,001
Негативные эмоции	25,48+0,61	26,28+0,66	-2,595	0,009

Результаты сравнительного анализа показывают увеличение всех показателей методики КЖ, измеренных после лечения, по сравнению с показателями, полученными до начала косметологического лечения; по шести показателям из десяти отмечается статистически значимое возрастание, показывающее достоверное увеличение удовлетворенности различными аспектами социального функционирования (личные достижения, общение), а также своим психоэмоциональным состоянием: уменьшением общей психической напряженности и тревоги, эмоциональной неустойчивости и подавленности, а также возрастанием сбалансированности эмоций и способности контролировать их проявления.

Обсуждение. Настоящее исследование является частью комплексного изучения индивидуально- и социально-психологических характеристик пациенток косметологической клиники и направлено на объективизацию изменений их психоэмоционального состояния в процессе лечения. Полученные результаты свидетельствуют о достоверном снижении уровня невротизации, рассматриваемого как индикатор риска развития невротических расстройств (Карпова Э.Б. с соавт., 2014) [7], о снижении уровня субъективно воспринимаемого стресса и о возрастании удовлетворенности различными аспектами качества жизни по окончании малоинвазивного косметологического лечения по сравнению с периодом его начала.

В соответствии с полученными нами данными об улучшении психоэмоционального состояния женщин в процессе косметологического лечения M.Khademi с соавторами (2021) [17] сообщают о достоверном ($p < 0,001$) снижении уровня депрессии 121 пациентки после инъекций ботокса; в работе D.J. McKeown (2021) [19] количественно показано улучшение психологического состояния и снижение уровня дистресса, связанного с внешним видом, 32 пациенток через 2 недели после ботулинотерапии или инъекций гиалуроновой кислоты. В определенной степени эти результаты соответствуют полученным ранее данным о положительной динамике самооценки пациенток косметологической клиники, получивших длительный (более трех месяцев) курс косметологического лечения (Александров А.А., Багненко Е.С., 2012) [2], так как самооценка во многом определяется эмоциональным состоянием (Краснов В.Н., 2011) [8]. О положительной динамике самооценки как функции настроения свидетельствуют также результаты ряда зарубежных исследований. Так, по данным S.H.Weinkle с соавторами (2021) [26], через четыре месяца после лечения 100 пациентов оценивали себя в среднем на 4,6 лет моложе, чем до начала лечения. Об интересном, ранее не описанном эффекте лечения сообщают P.Shah и E.A.Rieder E.A (2021) [23]: помимо психологического эффекта в виде повышения самооценки и улучшения социального функционирования отмечался третий эффект – более благоприятное отношение к другим людям. Одновременно в исследовании J.F.Sobanko с соавторами (2018) [25] 75 пациенток, которые оценивали свое психологическое состояние до и через шесть недель после применения филлеров и нейромодуляторов, неудовлетворенность собственным телесным имиджем существенно нивелировалась, а самооценка осталась на прежнем уровне. Таким образом, динамика самооценки в процессе косметологического лечения требует дальнейшего изучения. Это тем более важно, что нарушение отношения к себе является важнейшим звеном в развитии невротических расстройств и расстройств адаптации (Мясищев В.Н., 1960; Васильева А.В., Караваева Т.А., 2020; Александровский Ю.А., 2021) [3, 6, 7, 9].

Полученные данные соответствуют результатам ряда исследований, в которых выявлено улучшение социального функционирования и качества жизни пациенток после курса косметологического лечения (Ribeiro F, Steiner D., 2018; McKeown D.J. 2021; Shah P., Rieder E.A., 2021) [21, 19, 23]; в новейшем исследовании A.Kurtti с соавторами (2022) [18] показано, что через 2 месяца после комбинированного использования филлеров и ботулотоксина женщины отмечали существенное улучшение не только в

отношении морщин и самоощущения своего возраста, но и в отношении психологического состояния и социального функционирования ($p=0,001$). Этому соответствует проведенный нами ранее анализ мотивов обращения женщин за косметологической помощью, по результатам которого, мотив «повышение успешности в профессиональной деятельности» встретился в 27,3% случаев, мотив «повышение успешности в личной жизни» - в 21,8% (Багненко Е.С., 2012) [4].

Таким образом, полученные в настоящем исследовании данные в совокупности с результатами зарубежных исследований открывают перспективы и намечают основные направления психологической помощи пациенткам косметологической клиники.

В настоящем невыборочном психологическом исследовании показана динамика основных характеристик эмоционального состояния в процессе косметологического лечения 193 женщин, обратившихся в Санкт-Петербургский Институт красоты «Галактика». Ограничения этого исследования и перспективы дальнейших исследований связаны с изучением динамики эмоционального состояния в группах пациенток с различной выраженностью косметологической проблемы и с различной эффективностью лечения, а также с расширением спектра психологических характеристик, потенциально значимых для усиления психотерапевтического эффекта косметологического лечения и оптимизации качества жизни пациенток.

Выводы

1. Уровень невротизации пациенток косметологической клиники как один из предикторов психической дезадаптации в периоды до начала и по окончании курса нехирургической коррекции не выходит за пределы нормативных значений и является невысоким. Динамика этого показателя отражает уменьшение в процессе лечения проявлений эмоциональной возбудимости и неустойчивости, фиксации на собственных недостатках, а также возрастание уверенности в себе и стрессоустойчивости.

2. Динамика показателя контрольной шкалы методики «Уровень невротизации» подтвердила результаты основного исследования, объективизировав увеличение количества ответов пациенток, отражающих психологическое и социальное благополучие.

3. Уровень воспринимаемого стресса пациенток косметологической клиники снижается в процессе нехирургической коррекции. Положительная динамика этого показателя отражает снижение общего психоэмоционального напряжения, переживания стрессогенности актуальной ситуации, а также возрастание активности и жизненного тонуса.

4. В процессе нехирургической коррекции дефектов кожи лица у пациенток косметологической клиники возрастает удовлетворенность различными аспектами качества жизни, относящимися как к сфере социального функционирования (общение с друзьями и близкими, личные достижения), так и собственного психоэмоционального состояния.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абабков В.А., Барышникова К., Воронцова-Венгер О.В., и др. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2016. № 2. С. 6 – 15. DOI:10.21638/11701/spbu16.2016.202
2. Александров А.А., Багненко Е.С. Психологические характеристики женщин с косметическими дефектами кожи лица. Вестник психотерапии. 2012; Вып. 41. С. 52-66.
3. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства: руководство для врачей. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2021. 552 с.

4. Багненко Е.С. Система значимых отношений женщин, обращающихся за косметологической помощью. Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2012; Вып. 3. С.42-47.
5. Багненко Е.С., Аравийская Е.Р., Богатенков А.И., Багненко С.С. Взаимосвязь клинических и психологических характеристик женщин, обращающихся за косметологической помощью. Вестник дерматологии и венерологии. 2021; Вып. 97(5). Стр. 66-75.
6. Васильева А.В., Караваева Т.А. Психосоциальные факторы профилактики и терапии невротических расстройств в мегаполисе: мишени интервенций в здоровом городе // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2020. №2. С. 95-104. DOI: 10.31363/2313-7053-2021-56-3-62-72
7. Карпова Э.Б., Иовлев Б.В., Вукс А.Я. Психологическая диагностика уровня невротизации. В кн.: Вассерман Л.И., Щелкова О.Ю. (ред.). Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности: Коллект. моногр. СПб.: Скифия-принт; 2014. С.154-170.
8. Краснов В.Н. Расстройства аффективного спектра. М.: Практическая медицина; 2011.
9. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та; 1960.
10. Никифоров Г.С. (ред.). Практикум по психологии здоровья. СПб.: Питер; 2005.
11. Сац Е.А., Слободчиков И.М. Особенности самосознания у женщин-клиентов косметологических услуг. Современные проблемы науки и образования. 2015; Вып. 1(1). 1563 с.
11. Слостенина В.В. Социально-психологические характеристики женщин, прибегающих к услугам эстетической хирургии. Вестник Томского гос. ун-та. 2007; Вып.303. С. 205-208.
12. Элиот Р.С. Мы побеждаем стресс. [Пер. с англ.]. М.: Изд. дом «КРОН-пресс»; 1996.
13. Asimakopoulou E, Zavrides H, Askitis T. Plastic surgery on body image, body satisfaction and self-esteem. Acta Chir Plast. 2020; 61(1-4):3-9. PMID: 32380836
14. Bensoussan JC, Bolton MA, Pi S, Powell-Hicks AL, Postolova A, Razani B et al. Quality of life before and after cosmetic surgery. CNS Spectr. 2014; Vol. 19. N.4: p.282-292. PMID: 24354998 <https://doi.org/10.1017/S1092852913000606>
15. Dadkhahfar S, Gheisari M, Kalantari Y, Zahedi K, Ehsani A, Ifa E. Motivations and characteristics of patients seeking minimally invasive cosmetic procedures in two Iranian dermatology centers: a cross-sectional study. Int J Womens Dermatol. 2021; Vol.7 p.737-742. PMID: 35028374 <https://doi.org/10.1016/j.ijwd.2021.07.001>
16. Khademi M, Roohaninasab M, Goodarzi A, Seirafianpour F, Dodangeh M, Khademi A. The healing effects of facial BOTOX injection on symptoms of depression alongside its effects on beauty preservation. J Cosmet Dermatol. 2021; Vol.20 N.5: p.1411-1415. PMID: 33565223 <https://doi.org/10.1111/jocd.13990>
17. Kurtti A, Charles C, Jagedo J. Combination facial aesthetic treatment in millennials. J Drugs Dermatol. 2022; Vol.21 N.1: p.37-42. PMID: 35005865 <https://doi.org/10.36849/JDD.2022.6425>
18. McKeown DJ. Impact of minimally invasive aesthetic procedures on the psychological and social dimensions of health. Plast Reconstr Surg Glob Open. 2021; Vol.9, N.4. PMID: 33936919 <https://doi.org/10.1097/GOX.0000000000003578>
19. Pearl RL, Percec I. Ageism and health in patients undergoing cosmetic procedures. Aesthet Surg J. 2019; Vol.39, N.7: 288-292. PMID: 30346472 <https://doi.org/10.1093/asj/sjy283>
20. Ribeiro F, Steiner D. Quality of life before and after cosmetic procedures on the face: a cross-sectional study in a public service. J Cosmet Dermatol. 2018; Vol.17, N.5: p.688-692. PMID: 30105787 <https://doi.org/10.1111/jocd.12723>
21. Scharschmidt D, Mirastschijski U, Preiss S, Brähler E, Fischer T, Borkenhagen A. Body image, personality traits, and quality of life in Botulinum Toxin A and dermal filler

- patients. *Aesthetic Plast Surg.* 2018; Vol. 42, N.4: 1119-1125. PMID: 29948095 <https://doi.org/10.1007/s00266-018-1165-3>
22. Shah P, Rieder EA. Observer-reported outcomes and cosmetic procedures: a systematic review. *Dermatol Surg.* 2021; Vol. 47, N. 1: p.65-69 PMID: 32769529 <https://doi.org/10.1097/DSS.0000000000002496>
23. Sobanko JF, Dai J, Gelfand JM, Sarwer DB, Percec I. Prospective cohort study investigating changes in body image, quality of life, and self-esteem following minimally invasive cosmetic procedures. *Dermatol Surg.* 2018; Vol. 44, N. 8: p.1121-1128. PMID: 29659404 <https://doi.org/10.1097/DSS.0000000000001523>
24. Sobanko JF, Taglienti AJ, Wilson AJ, Sarwer DB, Margolis DJ, Dai J et al. Motivations for seeking minimally invasive cosmetic procedures in an academic outpatient setting. *Aesthet Surg J.* 2015; Vol. 35, N.8: 1014-1020p. PMID: 26038370 <https://doi.org/10.1093/asj/sjv094>
25. Weinkle SH, Werschler WP, Teller CF, Sykes JM, Shamban A, Rivkin A et al. Impact of comprehensive, minimally invasive, multimodal aesthetic treatment on satisfaction with facial appearance: the HARMONY study. *Aesthet Surg J.* 2018; Vol. 38, N.5: p.540-556. PMID: 29244069 <https://doi.org/10.1093/asj/sjx179>

УДК 159

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_26

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Марченко Илья Викторович

Ординатор Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова

E-mail: MD.Marchenko@yandex.ru

Дорофеев Иван Иванович

Кандидат медицинских наук, заместитель начальника
научно-исследовательского отдела Военно-медицинской академии
им. С.М. Кирова

E-mail: dorofeev.ivan@mail.ru

Назаров Сергей Сергеевич

Кандидат медицинских наук старший научный сотрудник
Военного учебно-научного центра Военно-Морского Флота,
Военно-морская академия

E-mail: yan20220@mail.ru

Ятманов Алексей Николаевич

Кандидат медицинских наук младший научный сотрудник
Военного учебно-научного центра Военно-Морского Флота,
Военно-морская академия

E-mail: yan20220@mail.ru

Статья посвящена изучению влияния ценностных ориентаций на психологическую устойчивость военнослужащих. Обследовано 686 курсантов в возрасте от 18 до 26 лет. Ценностные ориентации исследовались с помощью методики «Семантический дифференциал». По результатам анкеты динамического наблюдения обследованные разделены на 2 группы: в группу «Психологически устойчивые» вошло 604 курсанта, в группу «Неустойчивые» – 82 человека. Предикторами психологической устойчивости военнослужащих является сочетание показателей личного эмоционального отношения к понятиям: воинский коллектив, риск, ответственность, карьера и семья. У «психологически устойчивых» курсантов достоверно более выражено личное эмоциональное отношение к понятиям: воинский коллектив, риск, ответственность, а у «неустойчивых» – к понятиям карьера и семья. Получена модель прогноза психологической устойчивости: Лямбда Уилкса: 0,92938 прибл. $F(5,680)=10,334$, $p<0,0001$. Точность модели равна 0,9, чувствительность – 0,44, специфичность – 0,99, что позволяет применять ее в мероприятиях медико-психологического сопровождения курсантов военного вуза.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, ценностные ориентации, курсант, прогноз, военнослужащие.

INFLUENCE OF VALUE ORIENTATIONS ON PSYCHOLOGICAL STABILITY OF MILITARY SERVANTS

Ilya Viktorovich Marchenko

resident of the Military Medical Academy named after. SM. Kirov

E-mail: MD.Marchenko@yandex.ru

Dorofeev Ivan Ivanovich

Candidate of Medical Sciences, Deputy Head of the Research Department of the Military Medical Academy named after. SM. Kirov

E-mail: dorofeev.ivan@mail.ru

Nazarov Sergey Sergeevich

Candidate of Medical Sciences, senior researcher at the Military Educational and Scientific Center of the Navy "Naval Academy"

E-mail: yan20220@mail.ru

Yatmanov Alexey Nikolaevich

Candidate of Medical Sciences, Junior Researcher,

Military Educational and Scientific Center of the Navy "Naval Academy"

E-mail: yan20220@mail.ru

The article is devoted to the study of the influence of value orientations on the psychological stability of military personnel. 686 cadets aged 18 to 26 years were examined. Value orientations were studied using the "Semantic Differential" technique. Based on the results of the dynamic observation questionnaire, the subjects were divided into 2 groups: the "Psychologically stable" group included 604 cadets, and the "Unstable" group – 82 people. Predictors of psychological stability of military personnel is a combination of indicators of personal emotional attitude to the concepts: military team, risk, responsibility, career and family. The "psychologically stable" cadets have a significantly more pronounced personal emotional attitude towards the concepts of military team, risk, responsibility, while the "unstable" ones have a more pronounced personal emotional attitude towards the concepts of career and family. The model for predicting psychological stability was obtained: Wilks' Lambda: 0.92938 approx. $F(5,680)=10.334$, $p<0.0001$. The accuracy of the model is 0.9, sensitivity is 0.44, specificity is 0.99, which allows it to be used in medical and psychological support for military university cadets.

Keywords: psychological stability, value orientations, cadet, forecast, serviceman.

Военная служба является особым видом деятельности, высокую роль в которой играет стрессовое воздействие на человека [3, 12]. На сегодняшний день существует большое количество определений психологической устойчивости [2]. Можно выделить два определения, которые имеют принципиальные отличия в своей основе. Так, психологическая устойчивость рассматривается, как способность человека быстро восстанавливаться после психологически неблагоприятного события, или как способность человека оставаться психологически здоровым или стабильным, несмотря на то, что он подвергся негативному стрессовому воздействию [7, 8]. При определении явления от обратного, можно выделить понятие нервно-психической неустойчивости, которая определяется как склонность к срыву компенсаторных и адаптационных механизмов при стрессовом воздействии [6].

В основе дебатов вокруг определения психологической устойчивости лежит мнение некоторых теоретиков о том, что она является устойчивой чертой личности, другие считают, что это динамический процесс [9]. Тем не менее, указывается, что

психическая неустойчивость является донозологическим проявлением психического неблагополучия [4].

Изучение психологической устойчивости является актуальной проблемой у военнослужащих [10]. Выявление маркеров психологической устойчивости в рамках концепции стабильной личности позволит проводить эффективный отбор, а в рамках динамической концепции – целенаправленную коррекционную и профилактическую работу [5].

Цель работы: изучить влияние ценностных отношений на психологическую устойчивость военнослужащих.

Материалы и методы. Обследовано 686 курсантов Военно-морского политехнического института в возрасте от 18 до 26 лет. Ценностные ориентации исследовались с помощью методики «Семантический дифференциал» [11]. По результатам анкеты динамического наблюдения [1] обследованные разделены на 2 группы: в группу «Психологически устойчивые» вошло 604 курсанта, в группу «Неустойчивые» – 82 человека.

Статистическая обработка проводилась с применением программы Statistica 10,0. Проверку на нормальность распределения проводили с применением критерия Колмогорова-Смирнова, сравнительный анализ с применением параметрического критерия t-Стьюдента, математическое моделирование проведено на основе дискриминантного анализа.

Результаты и их обсуждение. При проведении дискриминантного анализа методом «вперед пошагово» получена модель прогноза психологической устойчивости курсанта: Лямбда Уилкса: 0,92938 при бл. F (5,680)=10,334, p<0,0001 и определены дискриминантные переменные (табл. 2).

Таблица 2

Показатели оценок дискриминантных переменных

Показатель	Уилкса Лямбда	Частная Лямбда	F-исключ (1,68)	p-уров.	Толер.	1-толер. (R-кв.)
Воинский коллектив	0,9484	0,9800	13,9010	0,0002	0,6765	0,3235
Риск	0,9408	0,9879	8,3220	0,0040	0,9400	0,0600
Ответственность	0,9484	0,9799	13,9341	0,0002	0,5075	0,4925
Карьера	0,9379	0,9909	6,2228	0,0128	0,5092	0,4908
Семья	0,9351	0,9939	4,1811	0,0413	0,6410	0,3590

Выявлено, что предикторами психологической устойчивости курсантов военного вуза является сочетание показателей личного эмоционального отношения к понятиям: воинский коллектив (ВК), риск (Р), ответственность (О), карьера (К), семья (С). При этом, у «психологически устойчивых» курсантов достоверно более выражено личное эмоциональное отношение к понятиям: воинский коллектив, риск, ответственность, а у «неустойчивых» – к понятиям карьера и семья (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительный анализ дискриминантных переменных, (x±s)

Показатель	«Устойчивые»	«Неустойчивые»
Воинский коллектив	5,70±1,09	5,03±1,31*
Риск	4,94±1,12	4,47±1,05*
Ответственность	5,75±0,92	5,28±1,09*
Карьера	5,52±0,90	6,10±0,76*
Семья	6,13±0,77	6,69±0,84*

Примечания: * p<0,05

На основе дискриминантной модели прогноза психологической устойчивости курсанта обследованный относится к одной из двух групп.

Расчетная формула имеет вид:

$$ЛКФ = a_0 + a_1 * BK + a_2 * P + a_3 * O + a_4 * K + a_5 * C$$

Где: a_0 – свободный член (константа);

$a_1, a_2 \dots a_5$ – коэффициенты при переменных (показателях) линейной классификационной функции.

Компоненты классификационных функций: переменные и коэффициенты при переменных, константы двух ЛКФ, для определения прогноза психологической устойчивости курсанта представлены в таблице 4.

Таблица 4

Классификационные функции для определения прогноза психологической устойчивости курсанта

Показатели	Коэффициенты	
	ЛКФ-1 «Устойчив»	ЛКФ-2 «Неустойчив»
Воинский коллектив	0,0804	-0,4120
Риск	2,5446	2,2185
Ответственность	1,8937	1,2224
Карьера	2,4820	2,9655
Семья	7,2824	7,6852
Константа	-42,1177	-41,5307

Дискриминантная модель имеет высокую прогностическую способность – 92,7% (табл. 5).

Таблица 5

Точность распознавания прогноза психологической устойчивости курсанта (базовый расчет)

Устойчивость	Точность распознавания, %	Количество обследованных, чел	
		«Устойчив»	«Неустойчив»
«Устойчив»	99,33775	600	4
«Неустойчив»	43,90243	46	36
Всего	92,71137	646	40

Проведен расчет показателей точности, чувствительности и специфичности модели.

Точность отражает долю истинно положительных к общему числу положительных результатов, определяется по формуле:

$$\text{Точность} = \frac{\text{истинно положительные}}{\text{истинно положительные} + \text{ложно положительные}}$$

Чувствительность (истинно положительная пропорция) отражает долю положительных результатов, которые правильно идентифицированы как таковые, определяется по формуле:

$$\text{Чувствительность} = \frac{\text{истинно положительные}}{\text{истинно положительные} + \text{ложно отрицательные}}$$

Специфичность (истинно отрицательная пропорция) отражает долю отрицательных результатов, которые правильно идентифицированы как таковые, определяется по формуле:

$$\text{Специфичность} = \frac{\text{истинно отрицательные}}{\text{истинно отрицательные} + \text{ложно положительные}}$$

Точность модели равна 0,9, чувствительность – 0,44, специфичность – 0,99.

Алгоритм определения прогноза психологической устойчивости курсанта представлен на рисунке 1.

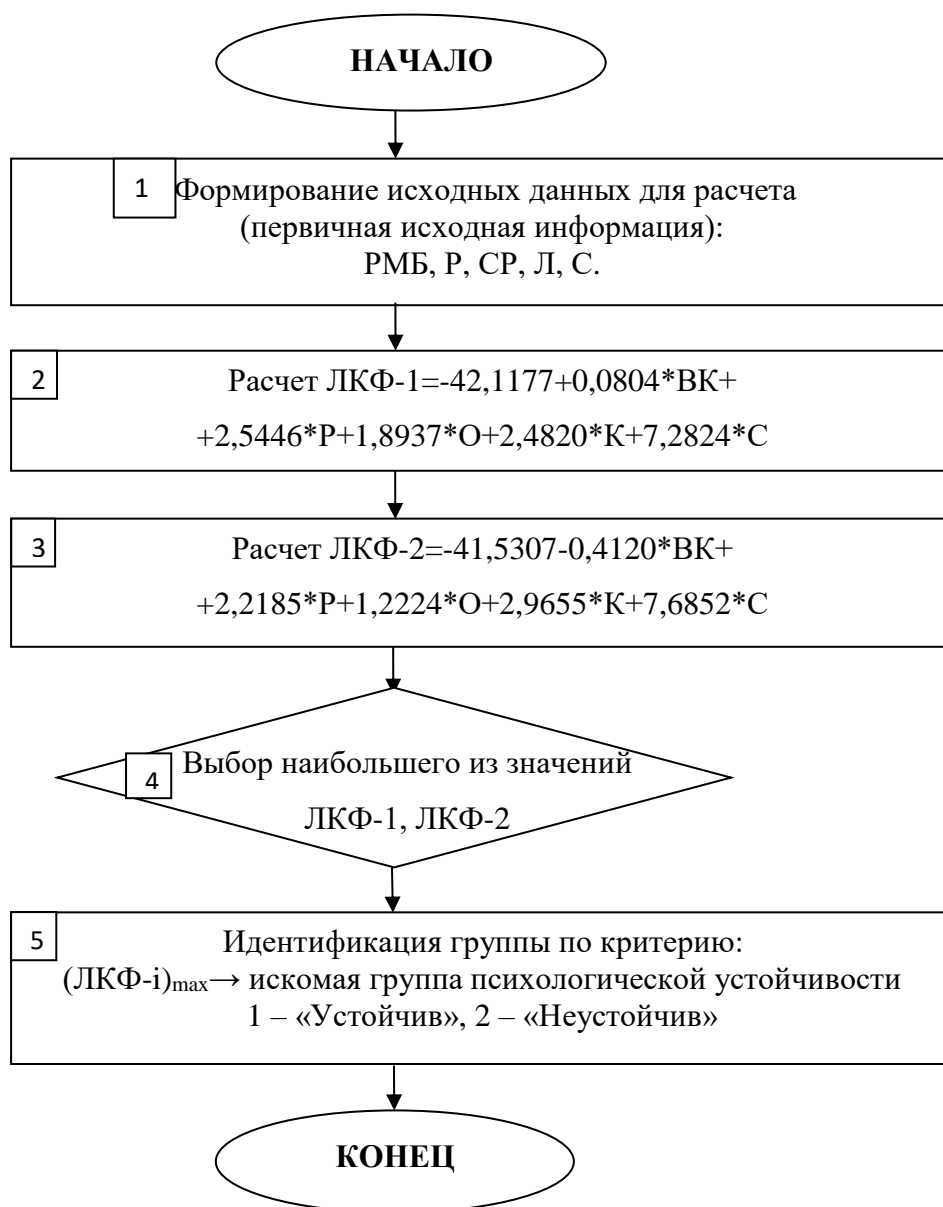

Рисунок 1 - Алгоритм определения прогноза психологической устойчивости курсанта

Для определения прогноза психологической устойчивости курсанта производят расчет по всем имеющимся формулам, та группа, результаты которой являются

наибольшими и является искомой. Для линейных классификационных функций данная процедура является стандартной.

$$\text{ЛКФ-}i)_{\max} = \text{«Устойчив» (1) или «Неустойчив» (2)}$$

Пример 1. У обследуемого определены показатели: $VK=6$, $P=5$, $O=5$, $K=6$, $C=6$. При расчете формул $\text{ЛКФ-1}=39,1426$; $\text{ЛКФ-2}=37,106$. Максимальное число соответствует расчету формулы для ЛКФ-1 , таким образом, у обследованного прогнозируется психологическая устойчивость.

Пример 2. У обследуемого определены показатели: $VK=4$, $P=5$, $O=3$, $K=6$, $C=6$. При расчете формул $\text{ЛКФ-1}=35,1944$; $\text{ЛКФ-2}=35,4852$. Максимальное число соответствует расчету формулы для ЛКФ-2 , таким образом, у обследованного прогнозируется психологическая неустойчивость.

Предикторами психологической устойчивости военнослужащих является сочетание показателей личного эмоционального отношения к понятиям: воинский коллектив, риск, ответственность, карьера и семья. У «психологически устойчивых» курсантов достоверно более выражено личное эмоциональное отношение к понятиям: воинский коллектив, риск, ответственность, а у «неустойчивых» – к понятиям карьера и семья.

Получена модель прогноза психологической устойчивости: Лямбда Уилкса: $0,92938$ при бл. $F(5,680)=10,334$, $p<0,0001$. Точность модели равна $0,9$, чувствительность – $0,44$, специфичность – $0,99$, что позволяет применять ее в мероприятиях медико-психологического сопровождения курсантов военного вуза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баурова Н.Н., Марченко А.А., Овчинников Б.В., Дьяконов И.Ф., Шамрей В.К., Демкин А.Д., Днов К.В., Курасов Е.С., Лобачев А.В. Основные методы психологической диагностики в клинко-экспериментальных исследованиях. – Санкт – Петербург. – 2021. – 335 с.
2. Гончарова Е.М. Особенности повышения психологической устойчивости личности подростка к деструктивному влиянию социальных сетей // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2022. – № 4. – С. 243–247.
3. Забродский Д.С., Зайцев А.Г., Сошкин П.А. Основопологающие принципы обеспечения индивидуального здоровья: обзор // Морская медицина. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 7–21.
4. Зеленина Н.В., Ранцева С.А., Юсупов В.В. Донозологические проявления психотравматизации у комбатантов на госпитальном этапе реабилитации // Профессиональное здоровье военнослужащих. Санкт-Петербург. – 2023. – С. 76–82.
5. Кочубейник Н.В., Степанов В.А., Скляр В.Н., Линченко С.Н., Караханян К.С. Применение инновационных баротерапевтических средств в коррекции пограничных функциональных состояний лиц опасных профессий // Морская медицина. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 38–43.
6. Лобачев А.В., Марченко А.А., Хабаров И.Ю. Проблемные вопросы диагностики расстройств адаптации у военнослужащих // Психическое здоровье военнослужащих и специалистов экстремальных видов профессиональной деятельности. Санкт-Петербург. – 2022. – С. 38–42.
7. Ненашев Л.Н. Аспекты формирования психологической устойчивости курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД в условиях применения огнестрельного оружия // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 4 (18). – С. 285–289.

8. Овчарова Е.В., Левичев А.А. Психологическая устойчивость сотрудников уголовно-исполнительной системы к экстремальным условиям служебной деятельности // Прикладная юридическая психология. – 2022. – № 4 (61). – С. 35–44.
9. Осипова А.А., Тюрбеева Д.С. Психологические особенности совладающего поведения военнослужащих // Живая психология. – 2023. – Т. 10. № 1 (41). – С. 15–23.
10. Слотина Т.В., Церфус Д.Н., Алибекова С. Социальные предикторы жизнеспособности студентов транспортного вуза и курсантов // Социальная педагогика. – 2023. – № 1. – С. 28–34.
11. Церфус Д.Н. Особенности ценностных ориентаций курсантов вуза МЧС России // Подготовка кадров в системе предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2019. – С. 218–222.
12. Чернявский Е.А., Зеленина Н.В., Юсупов В.В., Григоров А.В. Использование современных психофизиологических аппаратно-программных комплексов в прогнозировании устойчивости к боевому стрессу // Известия Российской военно-медицинской академии. – 2022. – Т. 41. № 3. – С. 277–282.

УДК 159

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_33

ТЕМАТИЧЕСКИЙ АППЕРЦЕПТИВНЫЙ ТЕСТ ПРИ ОЦЕНКЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ К ЧЛЕНАМ СЕМЬИ У ЖЕНЩИН БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИИ

Нешчадим Дмитрий Владимирович

Кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и правоведения, Новосибирский государственный университет экономики и управления

E-mail: d.neshchadim@mail.ru

В настоящее время до сих пор нет определенности по поводу эмоциональной привязанности у больных шизофренией. Анализ научной литературы за разные годы показывает разносторонний взгляд на эмоциональную природу отношений больных к членам своей семьи и окружающим. По большому счету можно выделить две противоположные точки зрения. С одной стороны, ряд авторов выступает за идею снижения и даже отсутствия эмоциональной привязанности у больных к членам своей семьи. С другой стороны, другой ряд авторов говорит в пользу сохранения привязанности у больных на протяжении длительного течения заболевания. В решении данной спорной точки нами уже был предпринят ряд исследований, показавший, что у женщин больных шизофренией определяется нарушения эмоциональной привязанности, что напрямую сказывается на характере их взаимоотношений с близким окружением. Однако остаются еще много вопросов относительно специфики эмоциональной привязанности у больных к членам семьи, что определяет актуальность данного исследования.

В данном исследовании были проанализированы особенности эмоциональной привязанности у женщин больных шизофренией параноидной формы к членам семьи при помощи «Тематического апперцептивного теста» (сок. ТАТ). Была предложена схема диагностики с использованием ряда таблиц на тему семейных взаимоотношений (1, 2, 6GF, 7GF) и двух таблиц с фрустрирующим стимулом (11 и 16). Показано, что группа женщин больных шизофренией была более чувствительна к фрустрирующему воздействию, что отражается в содержаниях рассказов на белую таблицу. Они становятся уязвимыми в момент наличия фрустрирующего воздействия во время контакта с другим человеком, что актуализирует одновременно потребность в любви, поддержке и защите, а также и противопоставление себя окружающим.

В целом полученные данные говорят в пользу современного психоаналитического понимания данного феномена. Большинство женщин больных шизофренией характеризуется нарушенной эмоциональной привязанностью к матери по типу избегания, что может отражаться в глобальном чувстве недоверия к окружающему миру. Полученные данные также согласуются с предыдущими данными наших исследований с использованием других проективных методик.

Ключевые слова: шизофрения, эмоциональные отношения, эмоциональная привязанность, семейные отношения, проективные тесты, тематический апперцептивный тест (ТАТ).

THEMATIC APPERCEPTIVE TEST IN ASSESSING THE FEATURES OF EMOTIONAL ATTACHMENT TO FAMILY MEMBERS IN WOMEN WITH SCHIZOPHRENIA

Neshchadim Dmitry Vladimirovich

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management

E-mail: neshchadim@mail.ru

Introduction. Currently, there is still no definition about emotional attachment in patients with schizophrenia. An analysis of modern scientific literature shows a diverse view of the emotional nature of patients' relationships with their family members and people around them. By and large, two opposing points of view can be distinguished. On the one hand, several authors advocate the idea of a decrease and even absence of emotional attachment in patients to their family members. On the other hand, another number of authors speak in favor of maintaining attachment in patients throughout the long course of the disease. In resolving this controversial point, we have already undertaken a number of studies that have shown that women with schizophrenia have disturbances in emotional attachment, which directly affects the nature of their relationships with their close environment. However, many questions remain regarding the specifics of emotional attachment in patients to family members, which determines the relevance of this study.

In this study, the characteristics of emotional attachment in women with paranoid schizophrenia to family members were analyzed using the "Thematic Apperception Test" (TAT). A diagnostic scheme was proposed using several tables on the topic of family relationships (1, 2, 6GF, 7GF) and two tables with a frustrating stimulus (11 and 16). It was shown that a group of women with schizophrenia were more sensitive to frustrating effects, which is reflected in the content of the stories on the white table. They become vulnerable now of a frustrating influence during contact with another person, which simultaneously actualizes the need for love, support and protection, as well as opposing themselves to others.

In general, the data obtained speak in favor of the modern psychoanalytic understanding of this phenomenon. Most women with schizophrenia are characterized by a disturbed emotional attachment to their mother of the avoidance type, which may be reflected in a global feeling of distrust in the world around them. The findings are also consistent with previous findings from our studies using other projective techniques.

Keywords: *schizophrenia, emotional relationships, emotional attachment, family relationships, projective tests, thematic apperception test (TAT).*

Шизофрения остается одной из самых загадочных эндогенных психических расстройств в современной психиатрии. Среди популяции она стабильно представлена примерно 1% населения, и в то же время в психоневрологических диспансерах она является самым распространенным заболеванием среди остальных. Существует множество этиологических теорий возникновения шизофрении, однако до сих пор нет четких данных о ее биологической и/или психологической природе. Многостороннее изучение шизофрении и понимание причин ее возникновения, механизмов течения может значительно расширить спектр психотерапевтической и коррекционной работы. В нашем обширном литературном научном обзоре представлены основные концепции и теории относительно особенности эмоционального отношения больных шизофрении к членам своей семьи [1].

Нами было показано, что в научной литературе можно выделить две группы авторов с противоположным мнением насчет эмоциональных отношений больного шизофренией с окружающими и семьей, в частности. Одна группа авторов (Блейлер, 1993; Крепелин, 1923; Критская и соав., 1991; Лагун, 2008; Хелл, Фишер-Фельтен, 1998; Ясперс, 1997) [2–7] отмечает, что в начале заболевания, а далее – в развивающемся слабо или при ярко выраженном дефекте личности у больных развивается эмоциональное охлаждение, отгороженность от близких людей. Другая группа (Вид, 2009; Кемпинский, 1998; Короленко, Дмитриева, 2000; Тиганов и соав., 1999; Arieti, 1974) [8–12] при этом имеет сведения о том, что в какой-то степени сохраняется альтруистическое, внимательное отношение к абстрактным, малознакомым и незнакомым людям, а также могут иметь место «симбиотические» отношения к одному из родителей. Эти противоречивые аспекты эмоциональной стороны, как отражение эмоциональной привязанности, отношения больных к близкому окружению стали основой для последующего ряда исследований [13, 14]. Было показано, что у больных шизофренией имеются специфические особенности нарушения эмоциональной привязанности, что напрямую сказывается на характере их взаимоотношений к членам семьи и окружающим людям.

В силу ментальных психических особенностей больных шизофренией в исследованиях были использованы преимущественно проективные методы (рисуночные тесты, Сценатест). Среди них также был активно использован «Тематический апперцептивный тест» (сокр. ТАТ), позволяющий по характеру искажений и особенностям интерпретации стимульного материала сделать выводы о мотивационно-смысловых детерминантах этих искажений [15]. В частности, нами был отобран определенный ряд таблиц и критериев для оценки эмоциональных особенностей и привязанности испытуемых. Также была предложена схема исследования с использованием таблиц на тему семейных взаимоотношений (1, 2, 6GF, 7GF) и таблиц с фрустрирующим стимулом (11 и 16). Сопоставление полученных результатов по таблицам с разной степенью четкости стимульного материала могут дать возможность отобрать те критерии, которые наиболее достоверно отображают особенности эмоциональных отношений и привязанности к членам семьи и окружающим людям. Выделенные критерии оценки также могут позволить оптимизировать диагностику при помощи данного метода.

Автором статьи была предпринята первая попытка сравнить рассказы в ходе контент-анализа по таблицам с различной степенью четкости стимульного материала ТАТ при оценке особенностей эмоциональной привязанности к членам семьи у женщин больных шизофренией. В результате были получены дополнительные данные, свидетельствующие об нарушении эмоциональной привязанности к родительскому объекту и нарушению доверия к окружающему миру. Целью данного исследования стало продолжить изучение особенности эмоциональной привязанности у женщин больных шизофренией к членам семьи при помощи ТАТ, отдельно анализируя рассказы по белой таблице и сопоставляя рассказы по таблицам на тему семейных взаимоотношений с рассказами по белой таблице.

В экспериментальную группу вошли 13 женщин больных шизофренией с параноидной формой. Возраст испытуемых представлен в диапазоне от 19 до 62 лет ($M=36,69$, $SD=15,04$), со сроком заболевания от меньше года до 37 лет ($M=13,24$, $SD=3,67$), после выхода из психотического состояния. Исследование было проведено на базе одной из психиатрических больниц города Новосибирска, в стационарных условиях. В контрольную группу вошли 13 психически здоровых испытуемых, соответствующих по возрасту ($M=37,46$, $SD=14,51$) и не состоящих на учете у психиатра. Женщины из контрольной группы росли преимущественно в полных семьях (в четырех случаях родители развелись, но мать повторно выходила замуж), в 11 случаях имели сиблингов, были замужем или состояли в романтических отношениях, восемь женщин имели детей (взрослых или на их иждивении).

В данном исследовании была использована методика «Тематический апперцептивный тест» (разработан К. Морган и Г. Мюррея в 1935–1943 гг.) [16]. Были выбраны из всего набора только шесть таблиц. Четыре из них на тему взаимоотношений в семье (1, 2, 6GF, 7GF), таблица 11 с дорогой, идущей по ущелью между скал, и белая таблица 16. Испытуемому зачитывается дважды подряд стандартная инструкция, предложенная Д.А. Леонтьевым. Далее по очереди показываются четыре картины на тему семейных взаимоотношений в порядке возрастания их номера. После первых двух таблиц еще раз повторялась инструкция и давалась возможность дополнить уже составленные рассказы. Для косвенной оценки эмоциональной привязанности дополнительно анализировалась реакция испытуемых на фрустрацию, как отражение доверия к окружающему миру. В качестве фрустрирующего стимула служила таблица 11, актуализирующая инфантильные и примитивные страхи, тревогу и страх нападения, и таблица 16 (чистое белое поле), сама по себе вызывающая «шоковую реакцию». При предъявлении последней таблицы, если испытуемая, не предлагает рассказ, то экспериментатор просит представить другую ситуацию и сочинить еще один рассказ. Когда и он будет завершен, следует попросить сделать то же самое в третий и четвертый раз. В итоге экспериментатор записывает на диктофон девять рассказов, которые затем стенографируются (рассказ по таблице 11 в расчет не брались). В ходе анализа полученных результатов производился контент-анализ и количественная обработка полученных рассказов по критериям, предложенные Д. А. Леонтьевым. При статистической обработке полученных данных с целью исследования различий в отношениях к близкому окружению между выборками «шизофрения» и «норма» количественных данных был использован U-критерий Манна-Уитни, как наиболее мощный для такого рода исследований.

Результаты и обсуждение. «Тематический апперцептивный тест»: рассказы по белой таблице 16. В результате сравнения данных рассказов было обнаружено восемь значимых различий: латентное ($U=46,00$, $p=0,048$) и общее время ($U=42,00$, $p=0,029$) достовернее выше у испытуемых в контрольной группе, чем у больных шизофренией; наличие чувств ($U=22,50$, $p=0,01$), мыслей ($U=20,50$, $p=0,001$) и рассказов, когда представлены чувства и мысли одновременно ($U=18,00$, $p=0,001$), и дистанцирования от персонажей рассказов ($U=35,00$, $p=0,011$). Тем не менее, наблюдается обратная закономерность с количеством рассказов, в которых нет ни чувств, ни мыслей ($U=15,50$, $p=0,001$) и где присутствует внешний конфликт ($U=45,00$, $p=0,043$).

Полученные данные позволяют предположить, что для испытуемых из контрольной группы рассказы по белой таблице, как и по таблицам на тему семейных взаимоотношений [14], имеют большую значимость, чем для больных шизофренией (общее время в рассказах выше), но и вызывают защитные реакции (латентное время выше). Также отмечается большая представленность чувств и мыслей в рассказах испытуемых из контрольной группы, тогда как у больных шизофренией отмечается обратная тенденция к снижению и чувств, и мыслей. Это может говорить в пользу того, что у первых имеет место гармония аффективной и интеллектуальной сферы, тогда как больные шизофренией испытывают недостаточность интеллектуальной и эмоциональной переработки информации, связанной с рассказами по белой таблице.

Приведенные данные сближают рассказы на тему семейных взаимоотношений и рассказы по белой таблице, однако во втором случае повышается количество внешних конфликтов у больных шизофренией по сравнению с испытуемыми из контрольной группы. Одновременно можно отметить более выраженную дистанцированность испытуемых из контрольной группы по сравнению с экспериментальной группой. Это может говорить в пользу того, что больные шизофренией остро воспринимают фрустрирующее задание (составить четыре раза рассказ по белой таблице) и проецируют больше ситуаций с конфликтами, исходящими извне, в то время как испытуемые из контрольной группы больше стремятся дистанцироваться от героев рассказа.

Таким образом, можно сделать вывод, что больные шизофренией более чувствительны к фрустрирующему воздействию, что отражается в содержаниях рассказов на белую таблицу (больше внешних конфликтов), тогда как испытуемые из контрольной группы стремятся больше дистанцироваться от персонажей рассказов при сохранении общей структуры рассказов. Данное поведение может косвенно отражать недоверие к окружающему миру больных шизофренией и нарушение эмоциональной привязанности к родительскому объекту.

«Тематический апперцептивный тест»: сравнительный анализ отличий между рассказами по таблицам на тему семейных взаимоотношений (1, 2, 6GF и 7GF) и рассказами по белой таблице 16 в группе больных шизофренией и контрольной группе. В результате сравнения данных рассказов в группе больных шизофренией было обнаружено шестнадцать значимых различий: достоверно уменьшается при ответе на белую таблицу наличие мыслей ($U=28,00$, $p=0,004$), негативное настоящее ($U=23,00$, $p=0,002$), потребность в достижении ($U=30,50$, $p=0,006$), автономии ($U=45,50$, $p=0,046$) и доминировании ($U=28,50$, $p=0,004$), внешний конфликт ($U=44,00$, $p=0,038$), взаимосвязь персонажей ($U=31,50$, $p=0,007$), присутствие людей в рассказе ($U=26,00$, $p=0,003$), негативная фигура женщины ($U=30,00$, $p=0,005$) и негативная фигура мужчины ($U=17,00$, $p=0,001$). Наблюдается обратная закономерность (увеличивается) с количеством рассказов, в которых нет ни чувств, ни мыслей ($U=37,00$, $p=0,015$), положительным настоящим ($U=28,00$, $p=0,004$), потребностью в аффиляции ($U=46,00$, $p=0,048$) и чувственности ($U=40,00$, $p=0,022$), отсутствием конфликтов ($U=37,00$, $p=0,015$) и противопоставлением персонажей ($U=42,50$, $p=0,031$).

В результате сравнения данных рассказов в контрольной группе было обнаружено девятнадцать значимых различий: достоверно уменьшается при ответе на белую таблицу наличие мыслей ($U=36,00$, $p=0,013$), негативное настоящее ($U=40,00$, $p=0,022$), амбивалентное настоящее ($U=28,50$, $p=0,004$), недифференцированное прошлое ($U=28,00$, $p=0,004$), потребность в доминировании ($U=8,00$, $p=0,001$), отвержении и сексе ($U=38,00$, $p=0,017$), внешний конфликт ($U=31,00$, $p=0,006$), взаимосвязь персонажей ($U=28,50$, $p=0,004$), упоминание фигуры матери без описания ($U=43,50$, $p=0,036$), присутствие людей в рассказе ($U=19,50$, $p=0,001$) и негативная фигура мужчины ($U=35,00$, $p=0,011$). Наблюдается обратная закономерность, увеличивается при ответе на белую таблицу латентное время ($U=36,50$, $p=0,014$), представлены только чувства ($U=46,00$, $p=0,048$), положительное настоящее ($U=17,00$, $p=0,001$), потребность в чувственности ($U=39,00$, $p=0,020$), отсутствие конфликтов ($U=41,00$, $p=0,026$), дистанцирование от персонажей ($U=24,50$, $p=0,002$) и присутствие только испытуемой в рассказе ($U=39,00$, $p=0,020$).

Полученные данные позволяют выделить общие тенденции для обеих групп при встрече с фрустрирующим воздействием (рис. 1). Наблюдается увеличение положительного настоящего, потребности в чувственности и отсутствии конфликтов. В то же время наблюдается уменьшение мыслей, негативного настоящего, потребности в доминировании, взаимосвязи с персонажами, присутствия людей в рассказах и негативной оценки мужских фигур.

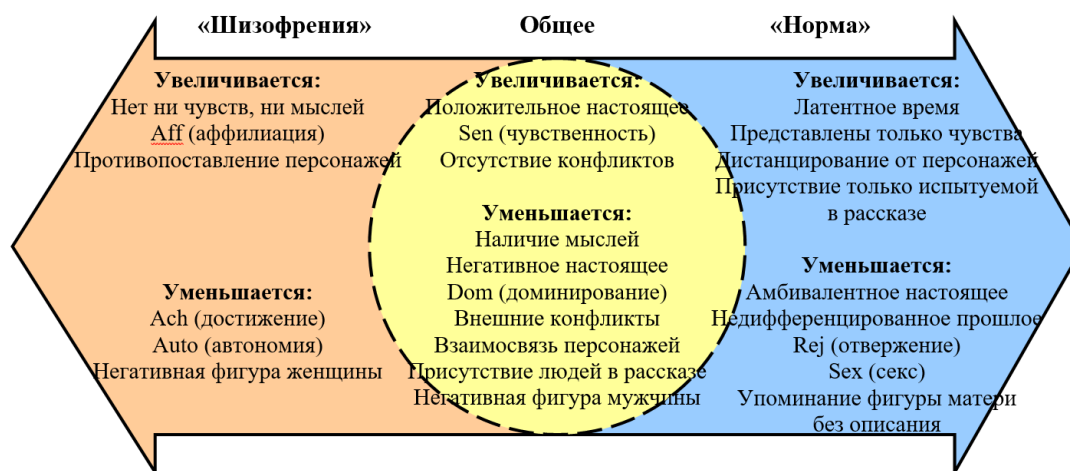

Рисунок 1 - Схема результатов сравнительного анализа отличий между рассказами ТАТ по таблицам на тему семейных взаимоотношений (1, 2, 6GF и 7GF) и рассказами на белую таблицу 16 в группе больных шизофренией и контрольной группе. В центре (в кругу) представлены общие отличия, наблюдаемые в обеих группах одновременно, а в фигурных стрелках (налево и направо) представлены соответственно специфические отличия для каждой группы испытуемых («шизофрения» и «норма»)

Специфическими тенденциями больных шизофренией является: с одной стороны, увеличение рассказов, в которых нет ни чувств, ни мыслей, потребности в аффилиации и противопоставление персонажей, а с другой, уменьшение потребности в достижении и автономии, негативной оценки женских фигур (рис. 1). Таким образом, больные шизофренией при столкновении с фрустрирующим воздействием склонны проявлять зависимое поведение в рассказах (повышение потребности в аффилиации и чувственности при снижении потребности в достижении и автономии) с противопоставлением себя персонажам рассказов. Так же отмечается затрудненная переработка ситуации как в аффективной, так в интеллектуальной сфере (одновременно нет ни чувств, ни мыслей).

Можно сделать вывод, что больные шизофренией становятся уязвимыми в момент наличия фрустрирующего воздействия во время контакта с другим человеком, что актуализирует одновременно потребность в любви, поддержке и защите, а также и противопоставление себя окружающим. Это может косвенно свидетельствовать о нарушенной эмоциональной привязанности к первичным объектам (мать и отец).

Специфические тенденции испытуемых из контрольной группы: с одной стороны, увеличение латентного времени, представленности только чувств в рассказе, дистанцированности от персонажей и присутствия в рассказах только фигуры самой испытуемой, а с другой, уменьшение амбивалентного настоящего, недифференцированного прошлого, потребности в отвержении и сексе, упоминание фигуры матери без описания (рис. 1). Таким образом, испытуемые из контрольной группы при столкновении с фрустрирующим воздействием склонны дистанцироваться от персонажей, оценивать реальность происходящего в рассказах более однозначно и вводить свою фигуры в сам сюжет рассказа. В противоположность больным шизофренией испытуемые из контрольной группы больше склонны к эмоциональной реакции в предлагаемых рассказах. Можно сделать вывод, что испытуемые в момент наличия фрустрирующего воздействия во время контакта с другим человеком осознают свое участие в данном процессе, эмоционально включаются несмотря на дистанцированность от участников, и более однозначно понимают происходящее. Данное описание может косвенно говорить в пользу более ресурсного состояния при встрече с трудностями, что, наоборот, косвенно свидетельствовать о более надежной эмоциональной привязанности к первичным объектам (мать и отец).

Таким образом, сравнение рассказов по таблицам на тему семейных взаимоотношений и рассказов по белой таблице между собой дает качественное сходство и различие между реакциями на фрустрирующее воздействие больными шизофренией и испытуемыми из контрольной группы. Первые имеют больше признаков нарушенной привязанности к первичным объектам, чем последние.

В целом полученные данные об особенностях эмоциональной привязанности женщин больных шизофренией (параноидная форма) говорят в пользу современного психоаналитического понимания данного феномена. Большинство женщин больных шизофренией характеризуется нарушенной эмоциональной привязанностью к матери по типу избегания, что может отражаться в глобальном чувстве недоверия к окружающему миру. Данная тенденция находит отражение в теории объектных отношений, в формировании недоверия к окружающему миру через нарушения диадных отношений с материнской фигурой. Полученные данные согласуются с предыдущими данными наших исследований с использованием других проективных методов (рисуночные тесты, Сценатест). Особенностью данного исследования является расширенное использование метода ТАТ с предложенной схемой проведения исследования. Помимо таблиц на тему семейных взаимоотношений, испытуемым давали таблицы, актуализирующие инфантильные и примитивные страхи, тревогу и страх нападения (таблицы 11 и 16). Особенностью данного исследования стало сопоставление рассказов по таблицам на тему семейных взаимоотношений (1, 2, 6GF, 7GF) и белой таблицы (16). Выделенные критерии, полученные в ходе контент-анализа и сравнительного статистического анализа полученных результатов, дают возможность использовать методику в диагностике эмоциональных нарушений и оценки эмоциональной привязанности к членам семьи женщин больных шизофренией. Для более глубокого понимания оценки эмоциональной привязанности к членам семьи по таблицам ТАТ, возможно, требуется получение более широкой выборки испытуемых, включая и мужчин, что является основой для дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нецадим Д.В. Особенности эмоциональных отношений больных шизофренией к членам своей семьи // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева, 2023, Т. 57, №2. С. 93-104.
2. Блейлер Э. Руководство по психиатрии / Пер. с нем. М.: Издательство Независимой психиатрической ассоциации, 1993. 542 с.
3. Крепелин Э. Введение в психиатрическую клинику / Пер. с 3-го нем. издания; под ред. П. Б. Ганнушкина. М.: Наркомздрав, 1923. 232 с.
4. Критская В. П., Мелешко Т. К., Поляков Ю. Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М.: Издательство МГУ, 1991. 256 с.
5. Лагун И. Я. Причинность шизофрении: Конспект-анализ проблемы. Липецк: Ориус, 2008. 303 с.
6. Хелл Д., Фишер-Фельтен М. Шизофрения / Пер. с нем. И.Я. Сапожниковой. М.: Алетея, 1998. 200 с.
7. Ясперс К. Общая психопатология / Пер. с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.
8. Вид В. Д. Психотерапия шизофрении. СПб.: Питер, 2009. 510 с.
9. Кемпинский А. Психология шизофрении / Пер. с польск. СПб.: Ювента, 1998. 294 с.
10. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Социодинамическая психиатрия. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 460 с.
11. Тиганов А. С., Снежневский А. В., Орловская Д. Д. и др. Руководство по психиатрии. В 2 томах. Том 1 / Под ред. А. С. Тиганова. М.: Медицина, 1999. 712 с.
12. Arieti S. (1974). Interpretation of Schizophrenia, 2nd Ed. Completely Revised and Expanded. New York: Basic Books, Inc., Publishers.

13. Нецадим Д.В. Проективные рисуночные тесты в оценке эмоциональной привязанности женщин, больных шизофренией, к членам своей семьи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Т. 23 (1). 2023. С. 56–61.
14. Нецадим Д.В. Особенности эмоциональной привязанности к членам семьи у женщин больных шизофренией (Сценатест и Тематический апперцептивный тест) // Живая психология. Т. 10, №2. 2023. С. 46–52.
15. Козлова Э.М., Суворова А.В. Возможности использования проективных методов при исследовании искажений личностного смысла у разных групп психически больных .// Психологические наук. Т. 65, 2009. С. 154–159.
16. Леонтьев Д.А. Тематический апперцептивный тест. Методическое руководство. М.: Смысл, 1998. 254 с.

УДК 159.9

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_41

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ В РАБОТЕ С ПАЦИЕНТАМИ С АТОПИЧЕСКИМ ДЕРМАТИТОМ

Тактаракова Софья Сергеевна

Медицинский психолог, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого

E-mail: taktarakovasofya@mail.ru

Логинова Ирина Олеговна

Заведующий кафедрой клинической психологии и психотерапии с курсом ПО, доктор психологических наук, профессор,

Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Россия

E-mail: loginova70_70@mail.ru

В возникновении рецидивов atopического дерматита участвуют множество факторов – генетических, аллергических, средовых. Но особое место занимает влияние психологического воздействия на течение заболевания. Не смотря на обширный спектр проведенных исследований по вопросу изучения влияния психологических стимулов на возникновение рецидивов заболевания обнаруживается непропорциональный такому количеству исследований недостаток в разработке методов психологической коррекции. Следовательно, данный факт делает актуальным текущее исследование в виде создания авторской программы психологической коррекции на основании выявленных мишеней воздействия на течение atopического дерматита – в частности, неконструктивного и стагнационного характера устойчивости жизненного мира и присущих им психологических особенностях индивида. В апробации программы принимало участие 17 человек, кроме того были сформированы две контрольные группы – здоровых участников и пациентов с atopическим дерматитом, не участвовавших в прохождении программы психологической коррекции, в состав которых входило так же по 17 участников для отслеживания динамики эффективности воздействия тренингов программы психологической коррекции. Данная разработка показала свою эффективность, что подтверждается статистическими данными. Таким образом, можно предполагать, что внедрение данной программы коррекции психологических особенностей, влияющих на течение заболевания у пациентов с atopическим дерматитом в практику оказания медико-психологической помощи, способствует снижению количества рецидивов заболевания и улучшению уровня психологического благополучия и качества жизни пациентов.

Ключевые слова: atopический дерматит, рецидив atopического дерматита, устойчивость жизненного мира, психологическое благополучия, тип отношения к болезни, устойчивость жизненного мира, качество жизни, дерматологический индекс качества жизни, психодерматология, психологическая коррекция.

THE EFFECTIVENESS OF THE PSYCHOLOGICAL CORRECTION PROGRAM IN WORKING WITH PATIENTS WITH ATOPIC DERMATITIS

Taktarakova Sofya Sergeevna

Medical psychologist,

Krasnoyarsk State Medical University named

after Professor V.F. Voino-Yasenetsky

E-mail: taktarakovasofya@mail.ru

Loginova Irina Olegovna

Head of the Department of Clinical Psychology and Psychotherapy

with a course in, Doctor of Psychological Sciences, Professor

Krasnoyarsk State Medical University named

after Professor V.F. Voino-Yasenetsky, Krasnoyarsk, Russia

E-mail: loginova70_70@mail.ru

Many factors are involved in the occurrence of relapses of atopic dermatitis, but a special place is occupied by the influence of psychological influence on the course of the disease. Despite the extensive range of studies conducted on the study of the influence of psychological stimuli on the occurrence of relapses of the disease, there is a lack in the development of methods of psychological correction. This makes the current research relevant in the form of creating an author's program of psychological correction based on the identified targets of influence on the course of atopic dermatitis – in particular, the unconstructive and stagnant nature of the stability of the life world and the psychological characteristics of the individual inherent in them. 17 people took part in the testing of the program, in addition, two control groups were formed – healthy participants and patients with atopic dermatitis who did not participate in the psychological correction program, which also included 17 participants to track the dynamics of the effectiveness of the impact of the psychological correction program trainings. This development has shown its effectiveness, which is confirmed by statistical data. Thus, the introduction of this program of correction of psychological characteristics affecting the course of the disease into the practice of providing medical and psychological assistance will contribute to reducing the number of relapses of the disease and improving the level of psychological well-being and quality of life of patients.

Keywords: atopic dermatitis, relapse of atopic dermatitis, stability of the life world, psychological well-being, type of attitude to the disease, stability of the life world, quality of life, dermatological index of quality of life, psychodermatology, psychological correction.

Атопический дерматит – это одно из распространенных хронических кожных заболеваний, которое встречается у лиц обоего пола в разных возрастных группах. В лечении пациентов, страдающих данным заболеванием, участвуют аллергологи, дерматологи, терапевты, генетики, но в последние годы всё большее значение в помощи при атопическом дерматите приобретают возможности психологической коррекции, так как в ряду факторов, влияющих на течение атопического дерматита все большее значение, приобретают психологические особенности человека с данным заболеванием [8], [9, С. 72-78]

Проблема частых рецидивов атопического дерматита может быть спровоцирована многими факторами. Причинно-следственная связь заболевания остается предметом дискуссий, но факт причастности психогенных факторов к возникновению и обострению заболевания транслируется еще в работах Ф. Александера о классических психосоматических заболеваниях. Фактически, многие исследования показали, что дебют или рецидив атопического дерматита может

возникнуть в связи с наличием психологических стимулов. Подобные симптомы могут быть как предшествующими развитию атопического дерматита, так и развивающимися вследствие возникшего кожного недуга [3], [7, С. 79-84].

Независимо от того, причиной либо следствием является психоэмоциональное состояние человека по отношению к возникновению или рецидиву атопического дерматита, ключевой фигурой, обобщающей тот или иной набор психологических реакций, может являться характер устойчивости жизненного мира человека. Он включает в себе специфику организации жизненных процессов, имеющих непосредственное воздействие на течение заболевания и разработку стратегий сохранения здоровья [2], [4, С. 382-392].

В целом, система критериев устойчивости жизненного мира характеризует уровень сбалансированности жизненного мира человека и общий состав жизненных механизмов индивида [1].

То есть, устойчивость жизненного мира человека является некоей системой, обеспечивающей определенный режим функционирования индивида, результатом которого выступает жизнестойкость по отношению к внешним и внутренним воздействиям. Характер же устойчивости жизненного мира может быть стагнационным, неконструктивным или конструктивным. К стагнационному типу относится такая характеристика проявления адаптации к вызовам внешних и внутренних воздействий как формирование жизненного процесса, ориентированного на использование ранее сформированных, застойных, ригидных форм взаимодействия с окружающим миром, которое не способствует продуктивному и оптимальному жизненному самоосуществлению. Неконструктивный характер устойчивости жизненного мира характерен для индивида, сформировавшего жизненный процесс таким образом, что он не способствует сохранению здоровья, личностному росту, творчеству, что проявляется в потере самоидентичности, целей, недостатке собственного потенциала. В борьбе с заболеванием, соответственно, отсутствует систематичность, но присутствует хаотичность в попытке апробировать разные способы совладания с болезнью. Конструктивный же характер устойчивости жизненного мира присущ индивиду, способному изменить условия своей жизни и выбрать наилучший адаптивный сценарий, по которому будет проходить его здоровьесберегающий, творческий жизненный процесс [5].

Ранее, нами была подтверждена гипотеза о том, что пациенты с атопическим дерматитом, имеющие стагнационный и неконструктивный характер устойчивости жизненного мира в большей степени подвержены частным рецидивам атопического дерматита. Среди пациентов с рецидивами более 1 раза в заданный промежуток времени, равный 6 месяцам, число тех, у кого конструктивный характер всего 14,0%, тогда как лиц с неконструктивным и стагнационным характером 45,0% и 41,0% соответственно [10].

Кроме того был проведен анализ психологических особенностей, присущих стагнационному и неконструктивному характеру устойчивости жизненного мира в лице участников исследования с атопическим дерматитом. По «Шкале психологического благополучия К. Рифф» был выявлен низкий и средний уровень автономии, управления окружением; по методике «ТОБОЛ» - неврастенический, сенситивный, тревожный, ипохондрический тип отношения к болезни; по методике «Дерматологический индекс качества жизни» - заболевание оказывает очень сильное влияние заболевания на качество жизни пациентов с атопическим дерматитом [6].

На основании выявленных мишеней психологической коррекции нами была разработана трехэтапная авторская программа психологической помощи, целью которой являлась коррекция выявленных психологических особенностей, соответствующих стагнационному и неконструктивному характеру устойчивости жизненного мира с целью трансформации данной устойчивости в конструктивный характер устойчивости жизненного мира, менее влияющий на возникновение рецидивов атопического дерматитом. В соответствии с чем, были осуществлены такие

задачи как установление чувства безопасности и уверенности пациента в коммуникациях с окружающим миром; расширение форм взаимодействия с окружающим миром, направленных на сохранение здоровья, личностный рост и творчество; преобразование образа повседневной деятельности, целеполагания; повышение уровня самооценки и уверенности в себе; изменение отношения к болезни, где психическая и социальная адаптация существенно не будет нарушена.

Основные результаты

Для более подробного анализа эффективности проведенной программы психологической коррекции особенностей, влияющих на рецидивы заболевания у пациентов с атопическим дерматитом, пошагово опишем данные групп сравнения.

На первом этапе нами было проведено сравнение между двумя группами пациентов с атопическим дерматитом. В состав каждой из групп сравнения входили по 17 участников, среди которых было 11 женщин ($64,7 \pm 11,6\%$) и 6 мужчин ($35,3 \pm 11,6\%$). Группы являлись независимыми. В первой группе средний возраст участников составил 34,0 [28,5; 44,5] года, а во второй группе средний возраст составил 30,0 [28,5; 46,5] лет.

Рассмотрим данные по каждой из методик исследования. По методике «Дерматологический индекс качества жизни» (ДИКЖ). Различия между первой и во второй группами были статистически незначимы ($p > 0,05$). Так, значение дерматологического индекса качества жизни у пациентов первой группы составило 13,0 [10,0; 18,5], а у второй – 14,0 [10,5; 17,5]. Оба показателя входят в числовой диапазон «11-20» индекса, который трактует результат как то, что заболевание оказывает очень сильное влияние на жизнь пациента. Таким образом можно увидеть, что различий по данной методике у обеих групп не имеется (см. рисунок 1).

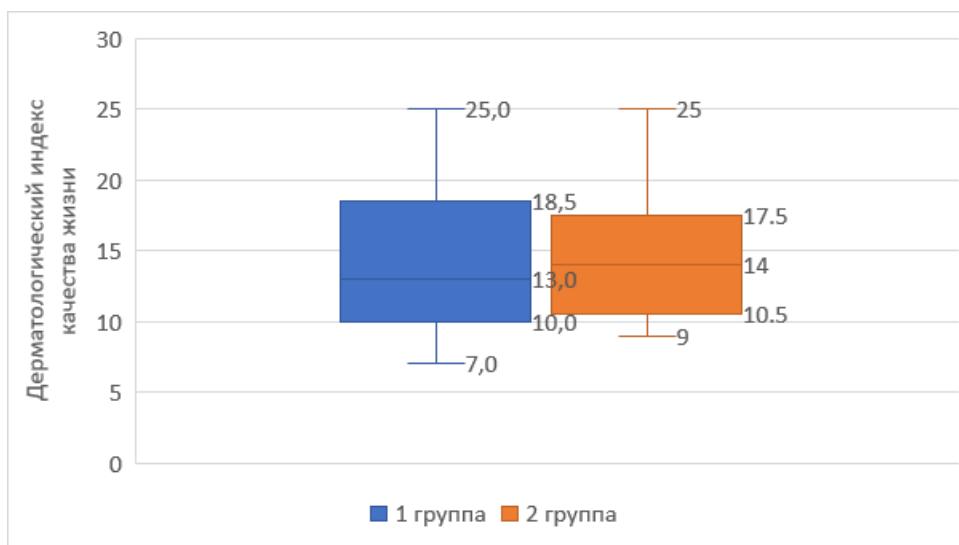

Рисунок 1 – Дерматологический индекс качества жизни

При исследовании показателя «Шкалы психологического благополучия» по К.Рифф также не было обнаружено статистически значимых различий между двумя группами ($p > 0,05$). В первом случае значение шкалы составило 308,0 [295,0; 351,0] баллов, а во втором – 299,0 [292,0; 343,0] баллов, что входит в диапазон значений, говорящих о низком уровне психологического благополучия. Таким образом, уровень психологического благополучия в двух группах идентичен (см. рисунок 2).

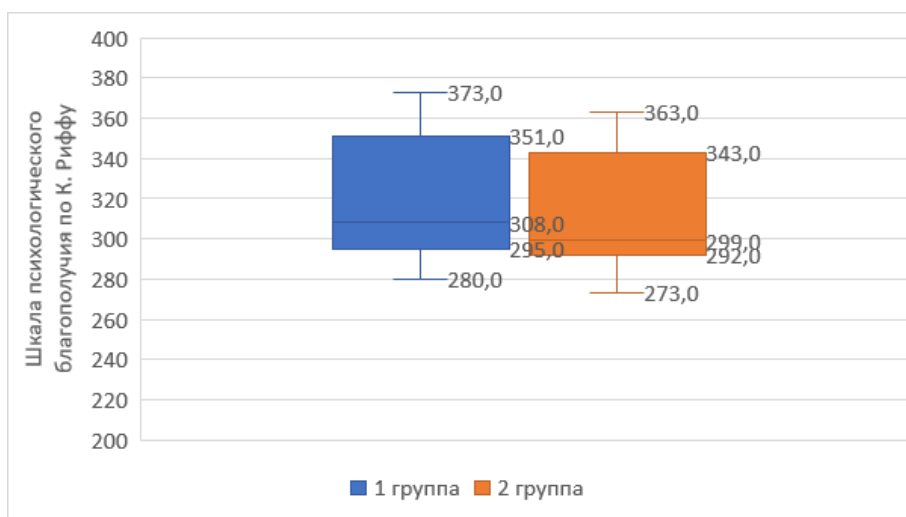

Рисунок 2 – Уровень психологического благополучия по К. Риффу

По методике выявления типа отношения к болезни не было выявлено статистически значимых различий между долей спектра типов в первой группе и во второй ($p > 0,05$). Однако можно выделить, что наибольшее число ответов было дано обеими группами по типам «Неврастеничный» ($33,1 \pm 4,2\%$ и $27,9 \pm 3,9\%$), «Тревожный» ($20,5 \pm 3,6\%$ и $20,6 \pm 3,5\%$), «Сенситивный» ($16,5 \pm 3,3\%$ и $14,0 \pm 3,0\%$) и «Ипохондрический» ($13,4 \pm 3,0\%$ и $11,0 \pm 2,7\%$). Ответы по данным 4 типам составили более 70% от всех ответов по 13 типам.

Различия между группами по показателю устойчивости жизненного мира также статистически незначимы ($p > 0,05$). Так, в первой группе пациентов с конструктивным типом было 0%, а во второй – $5,9 \pm 5,7\%$. Доля людей с неконструктивным типом составила в первой группе $52,9 \pm 12,1\%$ и во второй – $58,8 \pm 11,9\%$. Стагнационный тип был в равной доле характерен для обеих групп и составил по $41,2 \pm 11,9\%$ (см. рисунок 3).

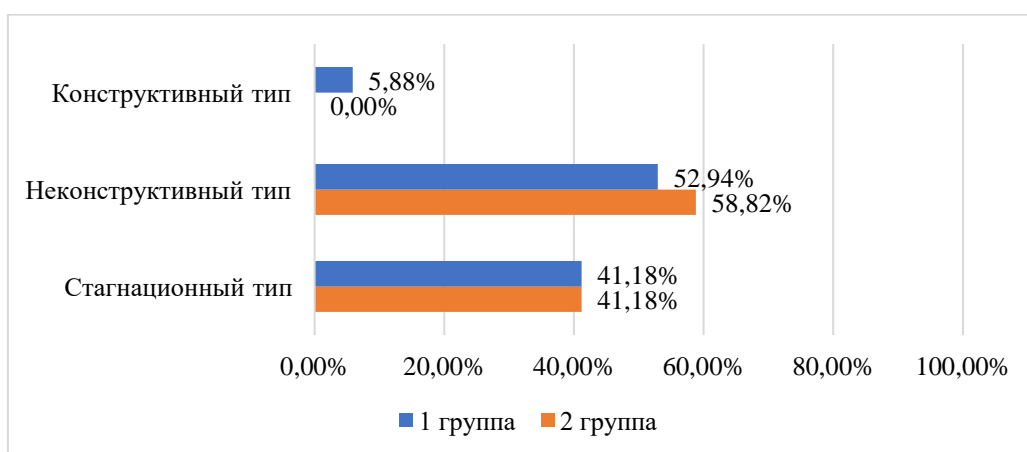

Рисунок 3 – Характер устойчивости жизненного мира

Далее, был проведен сравнительный анализ между участниками с атопическим дерматитом и контрольной здоровой группой участников. Количество участников аналогично - всего было 17 участников в обеих группах сравнения. Группы являются независимыми. В первой группе находилось 11 женщин и 6 мужчин, а во второй – 12 женщин и 5 мужчин. В первой группе возраст составил 30 лет, а во второй – 36 лет. Значимых различий в возрасте не обнаружено ($p > 0,05$).

Различия между дерматологическим индексом качества жизни группы больных atopическим дерматитом и группы здоровых участников исследования были статистически значимы ($p < 0,001$). Так, значение дерматологического индекса качества жизни среди больных пациентов было значительно выше и составило 13,0 [10,0; 18,5], а среди здоровых – 0,0 [0,0; 1,5]. Таким образом, у участников исследования с atopическим дерматитом заболевание оказывает очень сильное влияние на жизнедеятельность человека, в отличие от здоровой группы, где показатели опроса их анкет показали отсутствие влияние заболевания на качество жизни (см. рисунок 4).

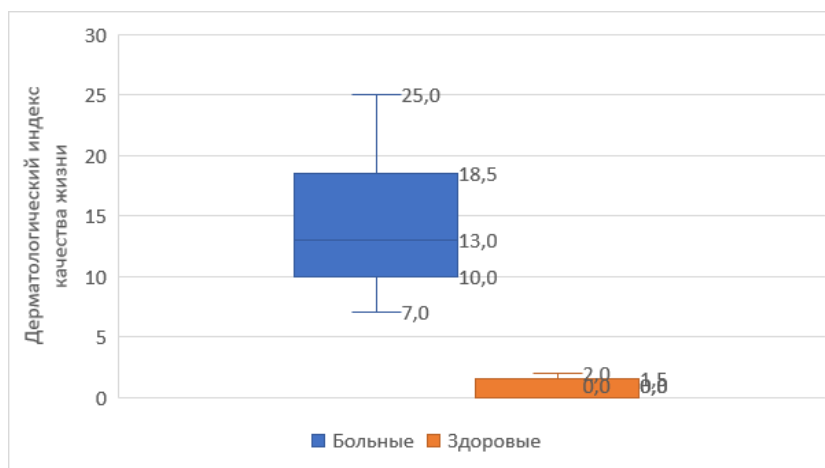

Рисунок 4 – Дерматологический индекс качества жизни

При исследовании показателя шкалы психологического благополучия по К.Рифф также были обнаружены статистически значимые различия между двумя группами ($p < 0,001$), и большее число баллов было характерно для контрольной группы здоровых участников. Среди участников среднее значение шкалы составило 308,0 [295,0; 351,0] баллов, что говорит о низком уровне психологического благополучия, а среди здоровых – 365,0 [359,5; 377,5] баллов, трактующихся средним уровнем психологического благополучия (см. рисунок 5).

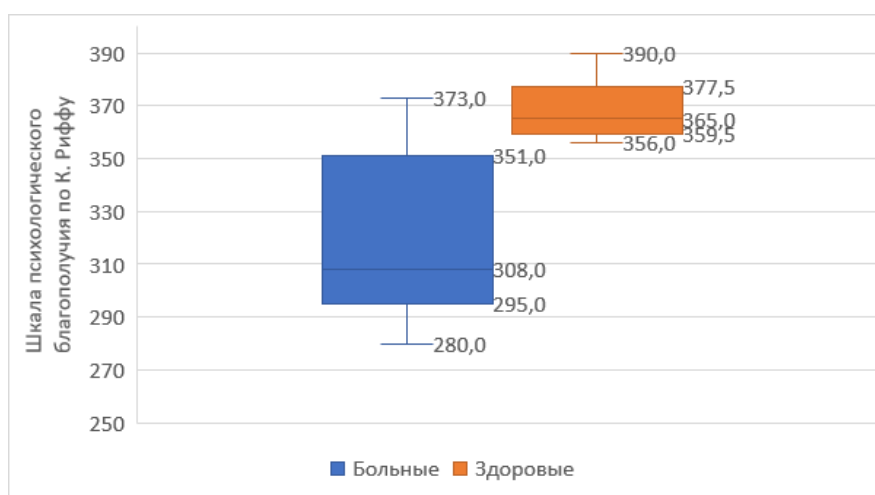

Рисунок 5 – Уровень психологического благополучия по К. Рифф

По методике, направленной на выявление типа отношения к болезни были выявлены статистически значимые различия между различными типами в двух группах ($p < 0,05$). Для больных пациентов наиболее характерны были типы

«Неврастеничный», «Тревожный», «Сенситивный» и «Ипохондрический»: $33,1 \pm 4,2\%$, $20,5 \pm 3,6\%$, $16,5 \pm 3,3\%$ и $13,4 \pm 3,0\%$ соответственно. Однако для здоровых пациентов были более значимы «Эргопатический», «Анозогнозический» и «Гармоничный» типы: $21,9 \pm 4,0\%$, $17,1 \pm 3,7\%$ и $16,2 \pm 3,6\%$ соответственно.

Различия между группами по показателю устойчивости жизненного мира также статистически значимы ($p=0,010$). Так, больных пациентов с конструктивным типом было $5,88 \pm 11,9\%$, а здоровых – $52,94 \pm 12,1\%$. Доля больных с неконструктивным типом составила $52,9 \pm 12,1\%$, а здоровых – $29,4 \pm 11,1\%$. Стагнационный тип был более характерен для группы больных пациентов и составил по $41,2 \pm 11,9\%$, для здоровых же всего $17,7 \pm 9,3\%$. Для здоровых пациентов более характерен конструктивный тип, а для больных – неконструктивный (см. рисунок 6).

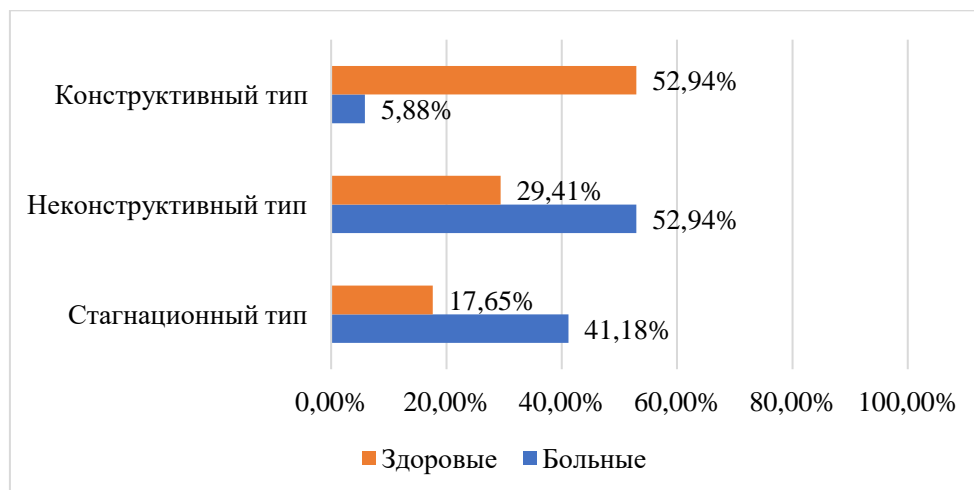

Рисунок 6 – Характер устойчивости жизненного мира

Рассмотрим показатели эффективности проведенной программы психологической коррекции, используя данные непосредственно группы участников с атопическим дерматитом. Для этого нами проводилось сравнение между показателями по данным шкал до проведения коррекционной работы и после участия в ней. Группы являются зависимыми, так как проводилось исследование на одной совокупности. Группа пациентов состояла из 11 женщин ($64,7 \pm 11,6\%$) и 6 мужчин ($35,3 \pm 11,6\%$). Возраст группы составил $30,0 [28,5; 46,5]$ лет.

Различия между Дерматологическим индексом качества жизни пациентов до того, как была проведена психокоррекционная программа и после – были статистически значимы ($p < 0,001$). Так, коррекционная программа позволила снизить значение дерматологического индекса качества жизни с $13,0 [10,0; 18,5]$ до $9,0 [6,5; 12,0]$, что говорит трансформации влияния заболевания на качество жизни от очень сильного до умеренного (см. рисунок 7).

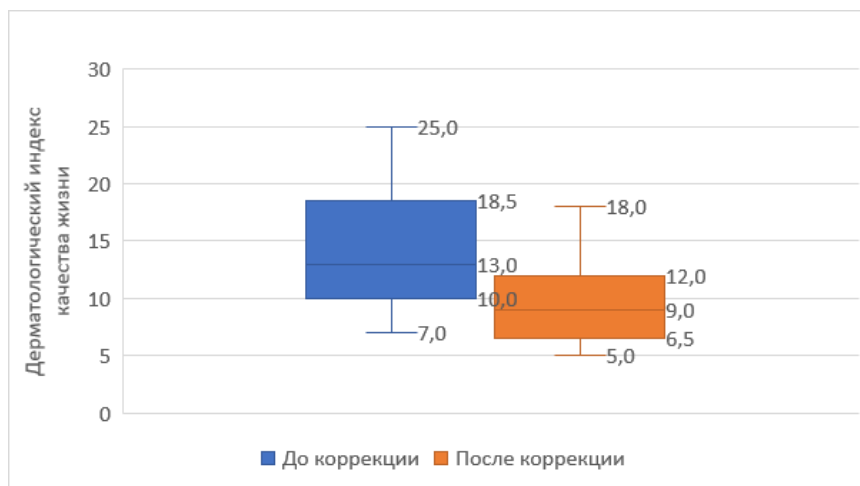

Рисунок 7 – Дерматологический индекс качества жизни

При исследовании показателя шкалы психологического благополучия по К.Риффу также обнаружены статистически значимые различия между двумя группами сравнения ($p < 0,001$), и большее число баллов было характерно для пациентов, прошедших коррекционную программу. Так, среди начинающих участие в программе пациентов значение шкалы составляло 308,0 [295,0; 351,0] баллов, однако после прохождения уровень повысился до 363,0 [357,0; 390,0] баллов, что говорит о повышении уровня психологического благополучия от низкого к среднему (см. рисунок 8).

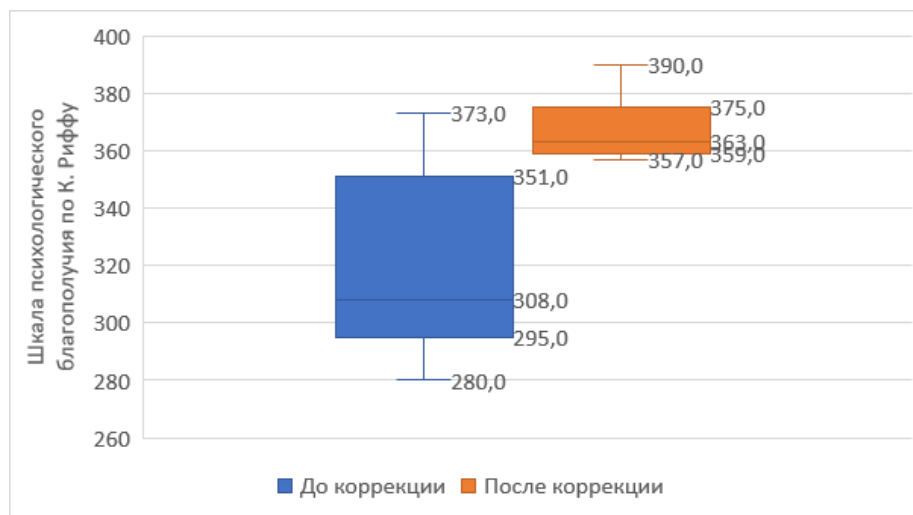

Рисунок 8 - Уровень психологического благополучия по К. Риффу

По методике выявления типа отношения к болезни были выявлены статистически значимые различия между различными типами в двух группах ($p < 0,001$). Для пациентов до коррекции наиболее характерны были типы: «Неврастеничный», «Тревожный», «Сенситивный» и «Ипохондрический», которые составляли 33,1±4,2%, 20,5±3,6%, 16,5±3,3% и 13,4±3,0% соответственно. После коррекции произошло снижение доли ответов, которые относили бы человека к неврастеничному типу с 33,1±4,2% до 16,5±3,9%. Снизился и тревожный тип с 20,5±3,6% до 12,1±3,4%, сенситивный с 16,5±3,3% до 7,7±2,8% и ипохондрический с 13,4±3,0% до 4,4±2,2%. При этом, после коррекции была высокая доля ответов в «Гармоничном», «Эргопатическом» и «Анозогнозическом» типах: 17,6±4,0%, 18,7±4,1% и 14,3±3,7% соответственно.

Различия между группами по показателю устойчивости жизненного мира являются статистически значимыми ($p=0,022$). Так, до начала коррекции пациентов с конструктивным типом было $5,88\pm 11,9\%$, после чего доля таких людей выросла до $47,1\pm 12,1\%$. А вот доля пациентов с неконструктивным и стагнационным типом, наоборот, снизилась с $52,9\pm 12,1\%$ и $41,2\pm 11,9\%$ до $35,3\pm 11,6\%$ и $17,7\pm 9,2\%$ соответственно (см. рисунок 9).

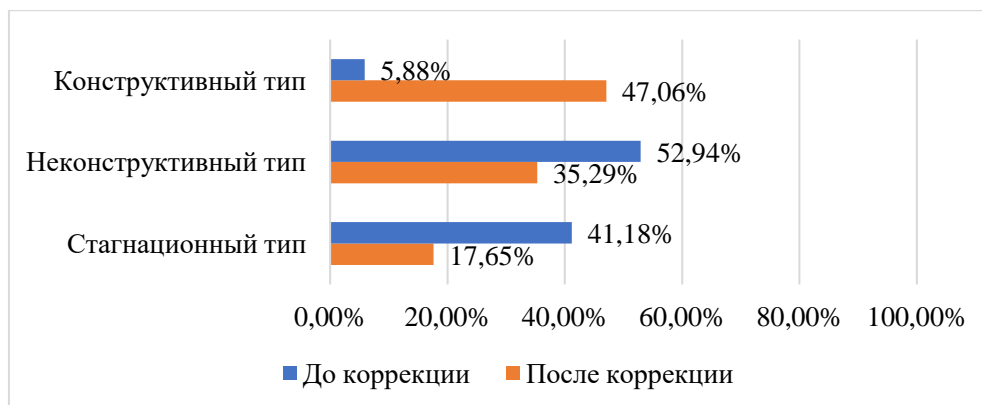

Рисунок 9 – Характер устойчивости жизненного мира

Говоря о сравнении группы участников после прохождения программы психологической коррекции с группой здоровых участников, можно сказать, что абсолютно все показатели участников психокоррекционной программы приблизились к индексам значений здоровых участников. Так, среди прошедших программу пациентов значение шкалы уровня психологического благополучия по К. Рифф составляло $363,0 [359,0; 375,0]$ баллов, а среди здоровых людей – $365,0 [359,5; 377,5]$ баллов. То есть действия психокоррекционной программы позволили сравнить значения показателя больных пациентов со здоровыми к среднему уровню психологического благополучия.

При выявлении типа отношения к болезни статистически значимые различия между различными типами в двух группах выявлены не были ($p>0,05$). Для здоровых пациентов наиболее характерны были типы: «Эргопатический», «Анозогнозический» и «Гармоничный», составив от всего $21,9\pm 4,0\%$, $17,1\pm 3,7\%$ и $16,2\pm 3,6\%$ соответственно. Для пациентов, которые прошли курс коррекции, наиболее характерными типами также стали такие, как: «Эргопатический», «Гармоничный» и «Анозогнозический», составив $18,7\pm 4,1\%$, $17,6\pm 4,0\%$ и $14,3\pm 3,7\%$ соответственно. Однако среди таких участников психокоррекционной программы достаточно большую долю занимал и «Неврастеничный» тип, составляя $16,5\pm 3,3\%$, что значительно меньше исходного показателя. Таким образом, статистические данные вновь подтверждают, что коррекционная программа действительно поспособствовала приближению показателей ТООБЛ к таким же среди здоровых людей.

Различия по показателю ДИКЖ между пациентами после коррекции и здоровыми пациентами статистически значимы ($p<0,001$). То есть, коррекционная программа хоть и позволила снизить значение дерматологического индекса качества жизни, но сравнить его с уровнем группы контроля так и не удалось. Показатель ДИКЖ после коррекции составил $9,0 [6,5; 12,0]$, а в группе здоровых людей – $0,0 [0,0; 1,5]$. Тем не менее, показатель дерматологического индекса качества жизни у участников с атопическим дерматитом не может стремительно снизиться к показателям, близким к группе здоровых участников в связи с хронической формой кожного заболевания, а следовательно с его рецидивирующим присутствием. Хорошим результатом послужило снижение значимости влияния болезни на качество жизни участников, что говорит об увеличении адаптации к заболеванию.

Различия между группами по показателю устойчивости жизненного мира также статистически незначимы ($p > 0,05$). Распределение типа устойчивости жизненного мира у больных после коррекции приблизилось к распределению у здоровых людей. Так, наибольшую долю составлял конструктивный тип – $47,1 \pm 12,1\%$ среди прошедших коррекцию и $52,94 \pm 12,1\%$ среди здоровых людей. Ниже расположились неконструктивный и стагнационный типы: $35,3 \pm 11,6\%$ и $17,7 \pm 9,2\%$ соответственно среди пациентов группы лечения и $29,4 \pm 11,1\%$ и $17,7 \pm 9,3\%$ среди здоровых людей.

И наконец, сравним результаты опроса крайних групп. Всего было по 17 участников в обеих группах сравнения. Группы являются независимыми, так как сравниваются данные пациентов после коррекции с группой больных пациентов, участия в коррекционной программе не принявшими. Обе группы пациентов состояли из 11 женщин ($64,7 \pm 11,6\%$) и 6 мужчин ($35,3 \pm 11,6\%$) каждая. В группе после коррекции возраст составил $30,0 [28,5; 46,5]$ лет, а в группе больных без лечения – $34,0 [28,5; 44,5]$ лет. Значимых различий в возрасте не обнаружено ($p > 0,05$).

Различия по показателю дерматологического индекса качества жизни между пациентами после коррекции и больными пациентами статистически значимы ($p = 0,002$). То есть, коррекционная программа позволила снизить значение данного показателя, так как по сравнению с больными пациентами он после коррекции ниже – $9,0 [6,5; 12,0]$, когда в группе больных пациентов без лечения – $14,0 [10,5; 17,5]$ (см. рисунок 10).

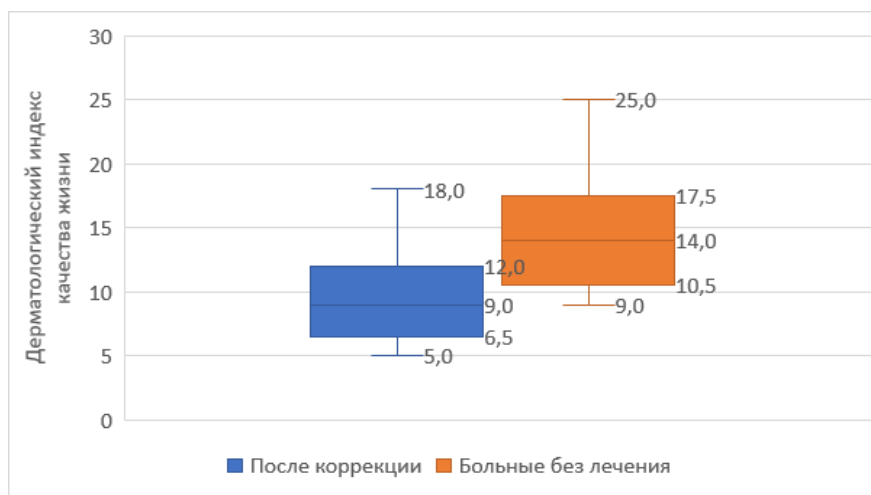

Рисунок 10 – Дерматологический индекс качества жизни

При исследовании показателя шкалы психологического благополучия по К.Рифф между пациентами, которые прошли коррекционную программу, и больными пациентами без участия в ней были обнаружены статистически значимые различия ($p < 0,001$). Так, среди прошедших программу пациентов значение шкалы составляло $363,0 [359,0; 375,0]$ баллов, а среди больных пациентов без лечения – $299,0 [292,0; 343,0]$ баллов. То есть действия психокоррекционной программы повлияли на повышение показателя данной шкалы (см. рисунок 11).

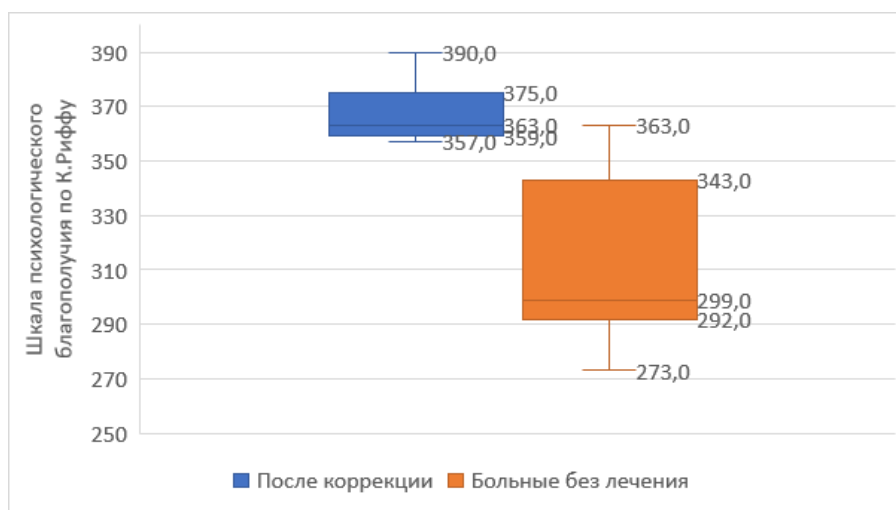

Рисунок 11 - Уровень психологического благополучия по К. Рифф

Методика исследования типа отношения к болезни показала статистически значимые различия между различными типами в двух группах ($p < 0,001$). Для пациентов, которые уже прошли коррекционную программу, наиболее характерны были следующие типы: «Эргопатический», «Гармоничный» и «Анозогнозический», составив от общего $18,7 \pm 4,1\%$, $17,6 \pm 4,0\%$ и $14,3 \pm 3,7\%$ соответственно. Однако, для этих же пациентов сохранилась достаточно высокая доля неврастеничности, составив $16,5 \pm 3,3\%$. Для больных же пациентов, которые не получили курс коррекционного лечения, наиболее характерными типами остались такие, как: «Неврастеничный», «Тревожный», «Сенситивный» и «Ипохондрический», составив $24,8 \pm 3,8\%$, $20,9 \pm 3,6\%$, $14,7 \pm 3,1\%$ и $11,6 \pm 2,8\%$ соответственно. Все это говорит о том, что коррекционная программа действительно поспособствовала изменению типов отношения к болезни.

Различия между группами по показателю устойчивости жизненного мира также статистически значимы ($p = 0,005$). Конструктивный тип не был определен в группе больных пациентов без лечения в то время, как в группе после коррекции доля данного типа составила $47,1 \pm 12,1\%$. Неконструктивный и стагнационный типы были в большей степени характерны для больных пациентов, составляя $58,8 \pm 11,9\%$ и $41,2 \pm 11,9\%$ соответственно против $35,3 \pm 11,6\%$ и $17,7 \pm 9,2\%$ среди прошедших коррекционную программу соответственно (см. рисунок 12).

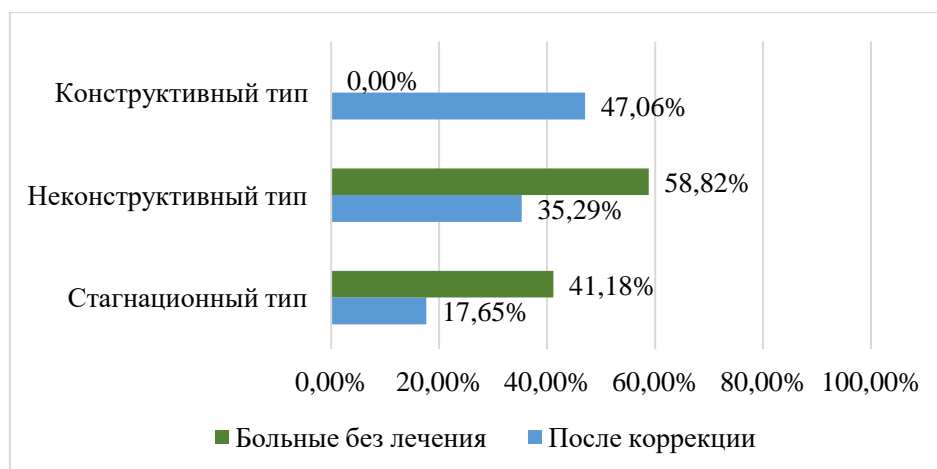

Рисунок 12 - Характер устойчивости жизненного мира

Итак, проведя подробный анализ о проведенной программе психологической коррекции участников исследования с атопическим дерматитом можно сделать вывод

об ее результативности. Наглядно видно, что есть различия в показателях заявленных методик с тенденцией к улучшению в виде снижения дерматологического качества жизни, что говорит о повышении уровня качества жизни; повышен уровень психологического благополучия, а следовательно уровень субъективного ощущения общей удовлетворённости жизненным процессом; снижены уровни тревожного, неврастенического, ипохондрического и сенситивного типов отношения к болезни, что говорит о более гармоничном восприятии и отношении к заболеванию; устойчивость жизненного мира снижена в показателях стагнационного и неконструктивного характера устойчивости, а конструктивный характер устойчивости жизненного мира напротив увеличил показатели, что было целью данной программы психологической коррекции. Таким образом, можно сказать, что цель проводимой психологической коррекции достигнута в полном объеме в виду доказанной ее эффективности и достижении поставленного желаемого результата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белугина О.С. Особенности эмоционального интеллекта у пациентов с псориазом и атопическим дерматитом / О. С. Белугина, О. А. Скугаревский // Дерматовенерология. Косметология. - 2020. - Т. 6, № 4. - С. 266–271.
2. Григорян Н.С. Семейный дерматологический индекс качества жизни / Н. С. Григорян, А. Б. Мельниченко, Н. Г. Кочергин // Доктор.Ру. - 2011. - № 3 (62). - С. 53–56.
3. Дороженок И.Ю. Современные аспекты применения психотропных препаратов в дерматологической практике / И. Ю. Дороженок, А. Н. Львов, С. И. Бобко // Российский журнал кожных и венерических болезней. - 2011. - № 1. - С. 20–25.
4. Келехсаева А.А. Аспекты психосоматических расстройств при атопическом дерматите / А. А. Келехсаева // Академическая публицистика. -2022. - № 5-1. - С. 382–392.
5. Логинова И.О. Исследование устойчивости жизненного мира человека: методика и психометрические характеристики / И. О. Логинова // Психологическая наука и образование. - 2012. - № 3. - С. 18–28.
6. Методологическое обоснование исследования прогнозирования частоты возникновения рецидивов у пациентов с атопическим дерматитом в зависимости от устойчивости жизненного мира: Тактаракова, С. С. / С. С. Тактаракова, И. О. Логинова // Ананьевские чтения - 2021: сборник материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 октября 2021 г.) / редкол.: А.В. Шаболатас, В.И. Прусаков. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2021. –889с.
7. Орлов Е.В. Влияние современных анксиолитиков на качество жизни больных хроническими дерматозами / Е. В. Орлов, Т. Б. Меркулова, А. А. Шакшина // Клиническая дерматология и венерология. - 2011. - № 6. - С. 79–84.
8. Сепиашвили Р.И. Этиология и факторы риска развития атопического дерматита / Р. И. Сепиашвили, Т. А. Славянская, Д. Ш. Мачарадзе // Аллергология и иммунология. - 2008. - № 9 (2). - С. 205–208.
9. Татаурщикова Н.С. Ведение пациентов с атопическим дерматитом в рутинной клинической практике / Н. С. Татаурщикова, О. И. Летяева, А. С. Русанова // РМЖ. Медицинское обозрение. - 2022. - № 6 (2). - С. 72– 78.
10. Устойчивость жизненного мира пациентов с атопическим дерматитом как предиктор рецидивов заболевания / С. С. Тактаракова, И. О. Логинова, Ю. В. Карачева, А. Н. Наркевич // Психология. Психофизиология. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 37-48.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

УДК 159.9

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_53

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕЛИГИИ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ ВОЦЕРКОВЛЕННЫХ И НЕВОЦЕРКОВЛЕННЫХ ЛЮДЕЙ

Воробьева Клариса Ивановна

*Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии,
Тихоокеанский государственный университет*

E-mail: klarisav2011@mail.ru

Бадерко Алексей Викторович

Певчий, Кафедральный собор Илии пророка, г. Комсомольск-на-Амуре

E-mail: baderko81@mail.ru

Целью исследования является выявить различия в представлениях о религии в обыденном сознании между группами воцерковленных и невоцерковленных людей. Представления о религии выступают составляющими инвариантных образов мира, более того являются их ядром (мировоззрением) и выражают сходства образов мира в группах сравнения. Поэтому правомерно говорить о сходствах и различиях, которые в ходе исследования были выявлены в представлениях о религии в группах воцерковленных и невоцерковленных людей. Эмпирическое исследование проведено на выборке жителей городов Дальневосточного региона. В исследовании применялся метод психосемантики – семантический дифференциал (на материале русской лексики: слово-стимул: православная христианская религия). Методом обработки данных выступил факторный анализ. Обобщая результаты проведенного исследования, делаются следующие выводы: подтверждается, что для большинства невоцерковленных людей религия представляется средством национальной самоидентификации. В то же время в этой группе выявляются противоречия обыденного сознания: религия здесь неактуальна, далека от реализма, характеризуется заблуждением и зависимостью. Напротив, для воцерковленных людей религия представляется осмысленной, упорядоченной, свободной, простой, послушной, рациональной и др., что говорит о цельности и непротиворечивости религиозных представлений в данной группе.

Ключевые слова: мировоззрение, представления о религии, обыденное сознание, семантический дифференциал, психология религии, духовная психология, христианская психология, православное христианство.

RECONSTRUCTION OF IDEAS ABOUT RELIGION IN THE EVERYDAY CONSCIOUSNESS OF CHURCH-GOING AND NON-CHURCH-GOING PEOPLE

Vorobyova Klarisa Ivanovna

*Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Psychology
Pacific State University*

E-mail: klarisav2011@mail.ru

Baderko Alexey Viktorovich

Chorister, Cathedral of Elijah the Prophet, Komsomolsk-on-Amur

E-mail: baderko81@mail.ru

The purpose of the study is to identify differences in the ideas of religion in everyday consciousness between groups of church-going and non-church-going people. Ideas about religion act as components of invariant images of the world, moreover, they are their core (worldview) and express similarities of images of the world in comparison groups. Therefore, it is legitimate to talk about the similarities and differences that were revealed in the course of the study in the ideas about religion in groups of church-going and non-church-going people. An empirical study was conducted on a sample of residents of cities in the Far Eastern region. The study used the method of psychosemantics – semantic differential (based on the material of Russian vocabulary: the word-stimulus: Orthodox Christian religion). The method of data processing was factor analysis. Summarizing the results of the study, the following conclusions are drawn: it is confirmed that for the majority of non-Church people, religion is a means of national self-identification. At the same time, contradictions of everyday consciousness are revealed in this group: religion is irrelevant here, far from realism, characterized by delusion and dependence. On the contrary, for church-educated people, religion appears to be meaningful, orderly, free, simple, obedient, rational, etc., which indicates the integrity and consistency of religious ideas in this group.

Keywords: *worldview, ideas about religion, everyday consciousness, semantic differential, psychology of religion, spiritual psychology, Christian psychology, Orthodox Christianity.*

Представления о религии тесно связаны с ментальностью населения, как совокупностью умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок нации, народа. Представления о религии являются неотъемлемой частью образа мира личности, более того, составляют его ядро, – мировоззрение. Российский менталитет в постсоветский период претерпел существенные изменения и характеризуется кризисным состоянием в обществе. Пути выхода из сложившегося кризиса русский народ видит в возвращении к традиционным (в первую очередь религиозным) ценностям.

В статье «Православная церковь в России: недавнее прошлое и возможное будущее», игумен Иннокентий (Павлов), ссылаясь на данные ВЦИОМ 1992 года, отмечает следующее: «47% населения назвали себя православными. Из них около 10% более или менее регулярно посещают богослужение в храме (автор, как практикующий священнослужитель, полагает, что эта цифра завышена). Но если говорить не только о практикующих православных, но и стремящихся в жизни соответствовать нормам христианской морали, то их число будет колебаться от 2-х до 3-х процентов населения. Таков вывод автора этой статьи. Он добавляет, что для тех 47% православных, о которых сообщил ВЦИОМ по данным социологического опроса,

то здесь речь должна идти не о религиозности, а о средстве национальной самоидентификации: для этих людей считать себя православными есть признак их «русскости» [1, с. 107]. Этот вывод касается значения или смыслополагания религии, недостаточно выраженных в сознании указанных респондентов, а также религиозной идентификации, проявляющей себя здесь как национальная самоидентификация.

Цель данного исследования: выявить различия в представлениях о религии в обыденном сознании между группами воцерковленных и невоцерковленных людей.

Гипотеза исследования: существуют различия в представлениях о религии в обыденном сознании воцерковленных и невоцерковленных людей.

Теоретический анализ представлений о религии в отечественной психологии

Перейдем к рассмотрению представлений о религии в отечественной психологии. Религия является объектом духовной психологии. Как отмечает О.А. Артемьева, духовная психология оформилась «посредством возвращения к истокам, в ходе осмысления и оформления идей, уже озвученных, воплощенных не только на страницах богословских и святоотеческих произведений, но и в жизни русского народа и Церкви» [2, с. 161].

Становление духовной психологии в русле религиозной философии определило ее основные положения:

1) рассмотрение души как сферы внутренней реальности, внутреннего мира человека;

2) признание психического мира человека как некоторой самостоятельной сущности, имеющей свои законы, не соотносимые с законами материального мира;

3) утверждение непрерывности процесса сознания;

4) признание тезиса о тождестве веры и знания;

5) утверждение наличия свободы воли у человека.

О.А. Артемьева сообщает, что в истории духовной психологии в России выделяются четыре этапа, начиная с X по XX вв. [2, с. 167].

Также можно выделить современный этап развития духовной психологии и психологии религии в нашей стране, начиная с 90-х годов XX в.

Оглядываясь сегодня на прошлое, Б.С. Братусь замечает: «Наука и религия за годы советской власти обрели статус антиподов, причем, религия прочно ассоциировалась с невежеством, темнотой, мракобесием, злым гонением в истории на разум и образование» [3, с. 8]. Но даже по прошествии времен в современном научном сознании сохраняется пропасть между научным и религиозным знанием о мире и о человеке.

Так, предметом традиционной психологии является психика как аппарат отражения действительности (А.Н. Леонтьев) [4]. У религии, теологии, иной главный предмет, подчеркивает Б.С. Братусь, – «не психика в человеке, а человек в Боге, его целостности, назначении, предельном смысле, исходе» [5, с. 76]. В следствии этого, в современной психологии приходит понимание изучения человека как целостной духовно-душевно-телесной структуры. Далее Б.С. Братусь пишет о важности сопряжения вертикальной религиозной линии и горизонтальной линии научной психологии [5].

Что касается поиска и реализации смысла, то Б.С. Братусь выделяет четыре ступени развития личности (уровня смысловой сферы): эгоцентрическая, группоцентрическая, просоциальная и духовная или эсхатологическая. На четвертой ступени прибавляется ощущение связи с Богом и представление о счастье и благе как единении и служении с Ним и Ему [6]. То есть, Б.С. Братусь связывает религиозное совершенствование с развитием смысловой сферы личности.

В.И. Слободчиков подчеркивает, что различение в человеке трех реалей – духа, души и тела, принадлежит именно религиозной (христианской) антропологии. Так, еще апостол Павел в своем послании сказал: «И ваш дух и душа, и тело во всей целостности да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» (1 Фес.5:23).

То есть, религиозная точка зрения на собственно «человеческое в человеке» настаивает на целостности человеческой природы – в единстве духовного, душевного и телесного. В светской науке ситуация иная. Психологическая наука на сегодняшний день, по мнению Слободчикова, только начинает «примериваться» к духовной реальности.

Автор считает, что именно с «культивированием индивидуального, личного духа связано творение и возрастание качества жизни» своей и окружающих. Так, преподобный Серафим Саровский в своем наставлении сказал: «Спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи».

Культивирование личного духа неразрывно связано с верой в абсолютное Начало: «Духовность, в самом общем виде – есть причина и следствие веры в Высшее, сверхбыденное Начало в человеческой жизни. Именно вера в реальность такого Начала придает абсолютный статус нормам, ценностям, смыслам человеческой жизни. Без Высшего Начала в человеке все это имеет относительное и вкусовое значение» [7, с. 92].

В.И. Слободчиков говорит о двух способах бытия человека: вочеловечивание – путь богоподобия и расчеловечивание – путь самости. Указанные способы бытия складываются из личного выбора человека. Здесь возникают три возможных пути, замечает автор: первый – уподобление Личности Христа; второй – путь Каина: богоборчество и богоотступничество, утверждение собственной самости; третий – толерантно-индифферентный путь Хама, без-образный «путь в никуда».

Собственно, человеческое в человеке, заключает В.И. Слободчиков, – искусственно. «Оно должно специально проектироваться, должны создаваться условия, чтобы произошло чудо вочеловечивания человека» [8, с. 18]. То есть, вочеловечивание, по В.И. Слободчикову, – это совершение действий, поступков уподобляющих человека Богочеловеку.

Б.В. Ничипоров высказывается относительно задач современной психологии так: психолог, который изучает личность и игнорирует личность Христа, занимается исследованием личины, а не личности. «Обожжённая Христом человеческая природа являет теперь собой нравственную сущность и тяготеет либо к Лику, либо – к личине, свободно избирая либо путь греха, либо добродетели. Психологам надо бы обучать не общению и его барьерам, а учить любви. Любовь же сама научит всему; но для этого надо самим быть сосудом любви и не путать её с простым «ласкательством»» [9, с. 117].

Касательно Евангельской заповеди: «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф.22:21), Б.В. Ничипоров пишет, что важно вернуть Богу душу в своей нетленной, первозданной чистоте. Он заключает, что цель жизни христианина в обожении [9]. Здесь следует заметить, что согласно православному учению, не только одна душа располагается к обожению, но и вся целостная духовно-душевно-телесная структура человека. Но автор не уничижает душевную и телесную составляющие, а говорит о балансе всех трех сфер. Так, Б.В. Ничипоров разделяет концепцию целостного человека в психологии.

Размышляя о духовности, В.Д. Шадриков замечает, что: «На основе единства морали и религии формируется духовность как свойство личности, являющееся фундаментальным качеством человека» [10, с. 83]. Автор делает вывод, что духовность не находится в прямой связи со способностями и интеллектом: «Духовным может быть и человек со средними способностями, а талант может быть бездуховным» [11, с. 257]. Шадриков заключает, что религия усиливает духовность человека.

Таким образом, религиозное совершенствование Б.С. Братусь видит в осмыслении, развитии смысловой сферы личности. В.И. Слободчиков решение проблемы человеческого в человеке, то есть вочеловечивания, представляет, как уподобление Христу, проявляющееся в совершении богоподобных поступков. Б.В. Ничипоров рассматривает концепцию целостного человека как баланса духовно-душевно-телесной образующих человека. Исходя из проведенного анализа можно заключить, что рассмотренным отечественным исследователям близок субъектно-

деятельностный подход к религии как осуществление субъектом религиозной деятельности, проявляющейся в отношениях с Богом, ближним и самим собой. И ведущей деятельностью здесь будет являться деятельность по формированию субъектом собственного мировоззрения.

Эмпирическое исследование представлений о религии.

Выборка и методы исследования.

В исследовании приняли участие 206 человек, жители Дальневосточного региона России: г. Комсомольска-на-Амуре, г. Хабаровска, г. Владивостока и г. Благовещенска. Первая группа – «воцерковленные» - 103 человека. Вторая группа – «невоцерковленные» также 103 человека. Мужчины 40% и женщины 60% в возрасте от 35 до 65 лет. Образование высшее у 90% всех респондентов.

Метод исследования: семантический дифференциал.

Семантический дифференциал строился на материале русской лексики. В результате получилось 40 пар дескрипторов. Слово-стимул: православная христианская религия.

Метод обработки данных: факторный анализ.

Анализ результатов тестов КМО (0,788) и Бартлетта ($p < 0.001$) был сделан вывод, что имеющиеся данные подходят для исследования при помощи факторного анализа. Программное обеспечение: SPSS 21, Microsoft Excel 2013.

Результаты исследования и обсуждение.

В результате проведенного факторного анализа выделено пять независимых факторов в группе воцерковленных людей (первая группа) (табл. 1) и также пять факторов в группе невоцерковленных (вторая группа) (табл. 2).

Таблица 1

Группа «Воцерковленные».
Факторная структура представлений
о православной христианской религии

Факторы	Название фактора	Вклад фактора (%общей дисперсии)
1	Фактор 1. «Сильная»	27,6
2	Фактор 2. «Миролюбивая»	6,7
3	Фактор 3. «Соборная»	6,2
4	Фактор 4. «Простая»	5,5
5	Фактор 5. «Старая»	4,2

Ведущими факторами (вклад общей дисперсии 50,2%, подавление веса 0,5) являются:

- Фактор 1 (вклад общей дисперсии 27,6%) включает следующие составляющие: сильная (0,717), упорядоченная (0,695), определенная (0,659), милостивая (0,647), осмысленная (0,599), обогащающая (0,591), свободная (0,572), интересная (0,570), открытая (0,567); твердая (0,535), близкая (0,515), однозначная (0,501).

- Фактор 2 (вклад общей дисперсии 6,7%) включает следующие составляющие: миролюбивая (0,745), комфортная (0,699), гуманная (0,677), компромиссная (0,655), реалистичная (0,651), лояльная (0,594), рациональная (0,515), безопасная (0,514).

- Фактор 3 (вклад общей дисперсии 6,2%) включает следующие составляющие: соборная (0,727), общая (0,676), коллективная (0,614).

- Фактор 4 (вклад общей дисперсии 5,5%) включает следующие составляющие: простая (0,699), трудная (0,670), послушная (0,615).

- Фактор 5 (вклад общей дисперсии 4,2%) включает следующие составляющие: старая (0,661), демократичная (0,558), гибкая (0,509).

Таблица 2

Группа «Невоцерковленные».
Факторная структура представлений
о православной христианской религии

Факторы	Название фактора	Вклад фактора (%общей дисперсии)
1	Фактор 1. «Спокойная»	30,7
2	Фактор 2. «Старая»	8,3
3	Фактор 3. «Соборная»	6,3
4	Фактор 4. «Трудная»	5,0
5	Фактор 5. «Общая»	4,3

Ведущими факторами (вклад общей дисперсии 54,6%, подавление веса 0,5) являются:

- Фактор 1 (вклад общей дисперсии 30,7%) включает следующие составляющие: спокойная (0,774), близкая (0,734), радостная (0,721), сильная (0,712), интересная (0,674), открытая (0,611), адаптивная (0,600), милостивая (0,560), откровенная (0,555), не творческая и не рутинная (0,551), миролюбивая (0,515).

- Фактор 2 (вклад общей дисперсии 8,3%) включает следующие составляющие: старая (0,670), гуманная (0,652), компромиссная (0,586), идеалистичная (0,561), комфортная (0,543), обогащающая (0,509).

- Фактор 3 (вклад общей дисперсии 6,3%) включает следующие составляющие: соборная (0,657), определенная (0,604), зависимая (0,535), противоречивая (0,509).

- Фактор 4 (вклад общей дисперсии 5,0%) включает следующие составляющие: трудная (0,709), твердая (0,666), напряженная (0,599), властная (0,543).

- Фактор 5 (вклад общей дисперсии 4,3%) включает следующие составляющие: общая (0,743), широкая (0,629), коллективная (0,577).

В.И. Гараджа приводит данные о том, что для большинства невоцерковленных людей речь идет не о их религиозности, а о средстве национальной самоидентификации, для них считать себя православными есть признак их «русскости». Во второй группе это выявлено в факторе 1. «Спокойная» - вклад общей дисперсии 30,7; спокойная 0,774 – может быть проинтерпретирован как покой бездействия; близкая 0,734; радостная 0,721; сильная 0,712; интересная 0,674; открытая 0,611; адаптивная 0,600; миролюбивая 0,515. Зато остальные четыре фактора выступают противоречащими этому.

Так, фактор 2. «Старая» здесь означает неактуальная, ей свойственно заблуждение (компромиссная 0,586), она далека от реализма – идеалистичная 0,561.

Фактор 3. «Соборная» выступает в виде догматизирующей (определенная 0,604), зависимой (зависимая 0,535) и противоречивой (противоречивая 0,509) структуры.

Фактор 4. «Трудная» в смысле недостижимая для практического применения, т.к. она напряженная 0,599, властная 0,543 и твердая 0,666.

Фактор 5. «Общая» можно интерпретировать в значении стадного инстинкта, кроме того, она широкая 0,629 и коллективная 0,577, а значит – бессознательная. Религия здесь выступает как коллективное бессознательное.

Далее, Б.С. Братусь связывает религиозное самосовершенствование с развитием смысловой сферы личности. В первой группе – осмысленная 0,599. Во второй группе этот дескриптор отсутствует. То есть, в представлениях о религии невоцерковленных людей присутствует только эмоциональная сфера: спокойная 0,774, близкая 0,734, радостная 0,721, смысловая сфера здесь не затрагивается.

Б.В. Ничипоров определяет следующую задачу для религиозной психологии – сбалансировать духовную, душевную и телесную сферу личности. В первой группе – упорядоченная 0,695. Во второй группе также данный дескриптор отсутствует, это

говорит об отсутствии упорядоченности (дух – душа – тело) в иерархии личности невоцерковленных людей. Доминирование эмоциональности говорит о таком порядке в их иерархии личности: душа – дух – тело, что выражает структуру с нарушенным балансом, так как духовность должна преобладать в упорядоченной иерархии личности.

Проведем сравнительный анализ с зарубежными исследователями. В понимании У. Джеймса существует личная религия или личное переживание религии [12]. Мы отмечаем, что это понятие свойственно обеим группам как воцерковленным, так и невоцерковленным. Это отражено дескрипторами в факторе 2. в обеих группах – гуманная, комфортная. Человеку свойственно ставить в центр свои переживания, при этом не испытывая дискомфорт.

Согласно Грассери де ла Р., религия как культ возникает в истории самым первым из составляющих религию, помимо догмата и нравственного учения [13]. В первой группе факторы 4 и 5. «Простая» (трудная, послушная) и «Старая» (демократичная, гибкая) означают именно обращение к древнему культу, то есть деятельной стороне религии. Трудная заключается в противостоянии стихиям этого мира, а послушная в регулярном исполнении культа. Гибкая говорит о жизнестойкости культа, дошедшего до наших дней, а демократичная о главном участии в нем народа. Изначально мотивами древнего культа были достижение самосохранения и избегание опасности. Впоследствии из культа вылились все искусства.

Во второй группе фактор 2. «Старая» выражается как неактуальная потому, что невоцерковленные люди не практикуют религиозный культ. Также она компромиссная и идеалистичная. Религия для невоцерковленных остается на уровне бессознательного. Заметим здесь, что для воцерковленных – компромиссная, напротив, означает толерантное отношение к другим конфессиям потому, что для них религия осознанна.

Р. Отто разделяет категорию «Священное» на две части: рациональную и иррациональную. Исходя из полученных данных, мы утверждаем, что воцерковленным более присуща рациональная составляющая в религии – рациональная, упорядоченная. Для них характерны морально-нравственные понятия, размышления о Личности Творца, стремление к абсолютному бытию, – все это рациональные моменты. Напротив, для невоцерковленных есть зависимость от бессознательных, иррациональных составляющих – нуминозного, – зависимость, противоречивая. О чувстве зависимости в религии, сходным с понятием нуминозного, писал также Ф. Шлейермахер.

Далее, Э. Фромм различает и анализирует авторитарные и гуманистические религии. В представлениях второй группы мы наблюдаем видение религии именно в авторитарном свете. Авторитарная религия означает признание высшей невидимой силы, внешней по отношению к человеку, управляющей его судьбой. Отказом от почитания и поклонения здесь будет являться грех. Во второй группе эту форму религии отражают факторы 3 и 4. Фактор 3. «Соборная» как зависимая, определенная и противоречивая. Фактор 4. «Трудная» как твердая, напряженная, властная.

Гуманистическая религия, напротив, избирает центром человеческие силы, здесь цель – достижение человеком величайшей силы. В первой группе – сильная, осмысленная, свободная, открытая, рациональная, твердая, безопасная. Бог в такой религии есть символ сил самого человека, реализованных им в жизни, а не власти над человеком. Труднее всего в гуманистической религии добиться от самого себя послушания, в смысле умения слушать, а не подчиняться. У воцерковленных – послушная, трудная, но вместе с тем – простая. Трудно бывает только в начале пути. Так, в немецком языке есть поговорка – «Aller Anfang ist schwer» (Всякое начало трудно), причем «schwer» переводится с немецкого как «трудно», так и «сложно», то есть, имеет отношение и к внешнему и внутреннему миру. Сложность внутренней деятельности также оборачивается простотой, при приближении к Абсолютному Началу (согласно науке теологии Существо Божие – просто).

А. Маслоу разделяет два течения в истории религии: 1. Мистическое и индивидуализированное; 2. Легальное, организованное, считая последнее врагом религиозных переживаний. Но следует заметить, что православная христианская религия включает и то и другое, в отличие, например, от католицизма (авторитаризм) и протестантизма (индивидуализированность). Так, в первой группе это фактор 3. – соборная, общая, коллективная, говорящий об организации. И фактор 2. – миролюбивая, комфортная, гуманная, что свидетельствует об индивидуальных характеристиках. Таким образом, в сознании воцерковленных людей наблюдается синтез этих двух течений, а не разделение их как у Маслоу.

С другой стороны, во второй группе организационная составляющая в представлениях о религии вступает в противоречие с индивидуализированным подходом. Фактор 3. – соборная, определенная, зависимая и противоречивая. Организация здесь довлеет над индивидом, но индивидуализированные представления следующие, фактор 1. – радостная, открытая, милостивая, интересная, но адаптивная и спокойная. То есть, в представлениях невоцерковленных людей, чтобы быть полноценным членом религиозного сообщества, нужно уметь адаптироваться, сохранять спокойствие в существующей церковной иерархии, как бы «не высовываться», пойти на компромисс с организацией – компромиссная.

Г. Олпорт раскрывает внутреннюю (сформированную) и внешнюю (неразвитую) религиозные ориентации. При внутренней ориентации человек живет религией, она для него является главенствующим мотивом. В первой группе мы находим именно эту религиозную ориентацию – осмысленная, свободная, близкая, рациональная. Во второй группе – фактор 4. «Трудная» как выражение неразвитой, внешней религиозной ориентации. Культ здесь или не осуществляется совсем, или выполняется лишь формально. Адаптивная, – по отношению к религиозной организации, компромиссная, идеалистичная, комфортная, – для обеспечения чувства защищенности и безопасности в группе. Предрассудок для них привычный способ отношения к другому. Также здесь прослеживается положительная корреляция между религиозностью и нетерпимостью – идеалистичная и в то же время властная.

Осмысленная – в первой группе в представлениях о религии означает волю не просто к смыслу, а к конечному смыслу или «сверхсмыслу». «Религиозная вера является по существу верой в «сверхсмысл», упованием на «сверхсмысл» [14, с. 336].

Так, для невоцерковленных людей религия представляется средством национальной самоидентификации. Также в их представлениях о религии затрагивается только эмоциональная сфера, смысловая сфера остается не включенной: радостная, откровенная, спокойная, адаптивная и идеалистичная, но в то же время – зависимая, напряженная, властная и противоречивая. Эти дескрипторы отмечаются только в группе невоцерковленных людей. Здесь наблюдается хаотизация в иерархии личности, где нет гармоничного баланса между духовной, душевной и телесной структурами.

Напротив, в целостной духовно-душевно-телесной структуре воцерковленных людей прослеживается упорядоченность, что выражается в соответствующем дескрипторе. Можно сказать, что в первой группе люди прошли путь от внешней религиозной ориентации (неизбежной в начале воцерковления) к внутренней, сформированной, где религия является главенствующим мотивом. От трудности в послушании, до божественной простоты во внутреннем мире, а также нахождении и осознании «сверхсмысла» собственной жизни и бытия в целом – во внешнем. Дескриптор «осмысленная» – в первой группе в представлениях о религии как раз и означает волю не просто к смыслу, а к конечному смыслу или «сверхсмыслу». (Во второй группе этот дескриптор отсутствует в выделенных факторах). Осмысленная, свободная, гибкая, упорядоченная, простая, рациональная, послушная, безопасная и реалистичная – все это уникальные дескрипторы, присущие только первой группе.

Таким образом, гипотеза нашего исследования о существовании различий в представлениях о религии в обыденном сознании воцерковленных и

невоцерковленных людей подтверждается и можно сделать следующие основные выводы:

1. Представления о религии воцерковленных людей затрагивают смысловую сферу, а представления о религии невоцерковленных – только эмоциональную.
2. Воцерковленным религия представляется реалистичной, тогда как невоцерковленным свойственна идеализация религии.
3. Представления о религии воцерковленных людей упорядочены, а невоцерковленных – противоречивы.
4. Представления о религии воцерковленных людей отражают свободу, а невоцерковленных – зависимость.

Можно заключить, что внутренняя деятельность по формированию собственного религиозного мировоззрения присуща только группе воцерковленных людей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гараджа В. И. Социология религии. - М.: Наука, - 1995. - 223 с.
2. Артемьева О. А. Социальная биография русской духовной психологии (историко-психологический анализ) / О. А. Артемьева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. - 2011. - № 1(20). - С. 153-169.
3. Братусь Б. С. Христианская психология как научное направление: к истории вопроса / Б. С. Братусь // Национальный психологический журнал. - 2015. - № 3(19). - С. 4-14. DOI 10.11621/nprj.2015.0301
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Смысл; «Академия», - 2005. - 352 с.
5. Братусь Б. С. Двойное бытие души и возможность христианской психологии / Б. С. Братусь // Вопр. психол. - 1998. - № 4. - С. 71-79.
6. Начала христианской психологии. Учебное пособие для вузов / Б. С. Братусь, В. Л. Воейков, С. Л. Воробьев и др. - М.: Наука, - 1995. - 236 с.
7. Слободчиков В. И. Духовные проблемы человека в современном мире / В. И. Слободчиков // Социальная педагогика. - 2010. - № 4. - С. 87-94.
8. Слободчиков В. И. Христианская антропология как основа гуманитарно-антропологического подхода / В. И. Слободчиков // Девятые Пюхтицкие чтения. Аксиологический подход к совершенствованию личности на основе взаимодополняемости православной и светской культуры: Материалы международной научно-практической конференции, Куремяэ, Эстония, 11-12 декабря 2020 года. - Куремяэ, Эстония: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, - 2020. - С. 8-18.
9. Ничипоров Б. В. Введение в христианскую психологию. - М.: Школа-Пресс, - 1994. - 192 с.
10. Шадриков В. Д. От индивида к индивидуальности. Введение в психологию. - М.: Институт психологии РАН, - 2009. - 240 с.
11. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека. - М.: Логос, - 1996. - 318 с.
12. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. - М.: Академический проект, - 2019. - 415 с.
13. Грассери де ла Р. Психология религии. - СПб.: Издательство Ф. Павленков, - 1901. - 330 с.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, - 1990. - 372 с.
15. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. - М.: Российское Библейское общество, - 2013. - 1337 с.

УДК 159.9

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_62

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И МОТИВАЦИИ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ВЫГОРАНИЕМ У КОНТРОЛЁРОВ ФСИН РОССИИ

Киселева Евгения Сергеевна

Студент, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Кемеровский Государственный Университет»

Дворцова Елена Валерьевна

Кандидат психологических наук, доцент,
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Кемеровский Государственный Университет»
E-mail: alenadv@mail.ru

В психологии ценностные ориентации играют важную роль в понимании личности и ее поведения. Особенную роль приобретает вопрос изучения ценностных ориентиров в профессиональной деятельности, характеризующейся ярко-выраженными специфичными характеристиками. На основании теоретического анализа научной литературы были рассмотрены подходы к пониманию ценностных ориентаций, мотивации и профессионального выгорания, их особенностей среди сотрудников уголовно-исполнительной системы. В эмпирической части исследования проведена диагностика ценностных ориентаций, мотивации и профессионального выгорания контролёров ФСИН России, а также раскрыты особенности взаимосвязи рассматриваемых явлений. Выборку исследования составили 32 контролёра ФСИН России, исполняющих свои обязанности по надзору за осужденными в ЗКИ ООО «Универсал». По результатам диагностики ценностных ориентаций, мотивации и профессионального выгорания у контролёров ФСИН было определено, что большинство обследуемых имеют средний уровень ценностных ориентаций на доминирование и средний уровень ценностных ориентаций на ресурсы, большая часть обследуемых имеют высокий уровень мотивации к достижению успеха, а также преобладающее количество человек в выборке имеют низкую мотивацию к избеганию неудач, большинство сотрудников имеют средний уровень профессионального выгорания. С использованием коэффициента корреляции Пирсона было определено, что чем выше ценностные ориентации самоутверждения «Доминирование» и «Ресурсы», тем ниже мотивация к достижению цели, выше мотивация к избеганию неудачи и выше профессиональное выгорание.

Ключевые слова: служебная деятельность, психология служебной деятельности, контролёры ФСИН, исполнение наказаний, ценностные ориентации, мотивация, профессиональное выгорание.

INTERRELATION OF VALUE ORIENTATIONS AND MOTIVATION WITH PROFESSIONAL BURNOUT AMONG INSPECTORS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Kiseleva Evgenia Sergeevna

*Student, Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute,
Kemerovo State University*

Dvortsova Elena Valerievna

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute,
Kemerovo State University*

E-mail: alenadv@mail.ru

In psychology, value orientations play an important role in understanding the personality and its behavior. The issue of studying value orientations in professional activity, which is characterized by pronounced specific characteristics, acquires a special role. Based on a theoretical analysis of scientific literature, approaches to understanding value orientations, motivation and professional burnout, their characteristics among employees of the penitentiary system were considered. In the empirical part of the study, the diagnosis of value orientations, motivation and professional burnout of controllers of the Federal Penitentiary Service of Russia was carried out, and the features of the relationship between the phenomena under consideration were revealed. The sample of the study consisted of 32 controllers of the Federal Penitentiary Service of Russia, performing their duties of supervising convicts in the Factory of ceramic products «Universal». According to the results of diagnostics of value orientations, motivation and professional burnout among FSIN controllers, it was determined that the majority of the subjects have an average level of value orientations for dominance and an average level of value orientations for resources, most of the subjects have a high level of motivation to achieve success, and also, the predominant number of people in the sample have low motivation to avoid failures, most employees have an average level of professional burnout. Using the Pearson correlation coefficient, it was determined that the higher the value orientations of self-assertion "Dominance" and "Resources", the lower the motivation to achieve the goal, the higher the motivation to avoid failure and the higher professional burnout.

Keywords: *official activity, psychology of official activity, controllers of the Federal Penitentiary Service, execution of punishments, value orientations, motivation, professional burnout.*

В психологии ценностные ориентации играют важную роль в понимании личности и ее поведения. Каждая ценностная ориентация может иметь различную степень важности для конкретного человека, но они все вместе формируют основу его жизненной философии. Ценностные ориентации сотрудников учреждений исполнения наказаний находятся в зоне риска возможных искажений вследствие интенсивного взаимодействия с контингентом заключенных. Последние могут обладать набором определенных специфических характеристик личности, оказывающих влияние на окружающих людей: деструктивное поведение в виде избегание работы, грубость в общении, оскорбления, поддержание тюремной субкультуры и т.п. Указанные деструктивные проявления личности осужденных не могут не сказаться на психике людей, выполняющих обязанности в среде исправительного учреждения.

В частности, влияние особенностей настолько яркого специфического контингента отбывающих наказание людей может найти свое выражение и на

ценностных ориентациях сотрудников следственных изоляторов. Так, поддержание направленности на избегание работы может приводить к комфортности личности, или стремление к власти любым способом может закрепиться в виде авторитарности личности, неосознанному манипулированию окружающими. Вместе с этим частое и активное взаимодействие с осужденными может сказаться на снижении мотивации к развитию и улучшению условий, самореализации. Наблюдается проблема отсутствия у молодых сотрудников мотивации к активному профессиональному росту, проявлению инициативы в деятельности, отсутствие стремлений к личностному росту. Наблюдаются такие деструктивные проявления в направленности деятельности службы, как появление власти при выполнении обязанностей и ее превышение по отношению ко всем окружающим, удовлетворение материальных потребностей без осмысления их важности и многое другое.

Помимо указанного фактора в виде особенностей заключенных, оказывающих влияние на психику сотрудников, можно обозначить и специфические характеристики служебной деятельности, среди которых выделяются высокая вероятность возникновения опасных ситуаций, высокие требования к соблюдению дисциплины, приказной характер взаимодействия, важность знаний правовых основ деятельности и т.п. На основе чего в психологии называется проблема наличия профессионального выгорания среди сотрудников учреждений ФСИН России.

В начале 20 века в зарубежной психологии внимание ученых привлекает новое явление, обуславливающее снижение эффективности труда. Совместно с активной индустриализацией, развитием психологии труда и внедрением ее в практику, изменились и подходы ученых к изучению трудовых процессов и многих факторов, оказывающих на них влияние. Основоположником изучения профессионального выгорания стал американский врач Х. Фрейденберг. Позже К. Маслач вносит существенный вклад в развитие понимания рассматриваемого явления. Профессиональное выгорание, согласно взгляду автора, представляет собой синдром, характеризующийся хронологической реакцией на длящийся долгое время стрессовый фактор, возникающий при интенсивной работе с людьми. Также К. Маслач выделяет три основных признака проявления профессионального выгорания у субъекта труда: сильная истощенность личностных ресурсов человека, чувство цинизма и отчужденности от профессиональных обязанностей, ощущение неэффективности и обесценивание достигнутых результатов деятельности [7].

Наиболее популярными в отечественной психологии исследователями являются Н. Е. Водопьянова и Е. С. Старченкова, которые активно изучали труды К. Маслач. Профессиональное выгорание, по мнению авторов, представляет собой процесс, возникающий по причине интенсивного и продолжительного стресса, испытываемый сотрудником на работе. Если предъявленные требования профессиональной среды превышают имеющиеся у него личностные ресурсы, то нарушается состояние психофизиологического равновесия. В результате интенсивного влияния негативного фактора и его развития формируется профессиональное выгорание. Таким образом, по Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой профессиональное выгорание представляет собой негативные реакции индивида на стрессы профессионального характера, которые приводят к истощению моральных и физических сил, снижению энергетического потенциала и ухудшению здоровья [2].

Профессиональное выгорание сотрудников служебной деятельности находит наиболее ярко выраженное проявление, поскольку обладает рядом специфических особенностей, например, вынужденно-приказной характер взаимодействия с коллегами, взаимодействие со специфическим контингентом граждан, высокая вероятность возникновения экстремальных условий работы. Е. Ф. Штефан в своем исследовании основывается на следующее определение профессионального выгорания – феномен деформации личности, проявляющийся неблагоприятной реакцией на профессиональные стрессы, и состоящий из психологических, психофизиологических и поведенческих компонентов. При выраженном

профессиональном выгорании у сотрудника наблюдается низкий уровень мотивации, равнодушие к работе, снижаются показатели качества и производительности труда [12].

Ценностные ориентации в профессиональной сфере являются одним из важнейших явлений, обуславливающих направленность и поведение человека в процессе труда. На этой основе, рассматриваемый феномен привлекает внимание множества исследователей.

В психологической науке ценностные ориентации как явление появляется благодаря трудам зарубежных психологов Ф. Знанецкий и У. Томас. Исследователи ввели следующую трактовку изучаемого феномена – социальная установка личности, выполняющая регуляторные функции. В дальнейшем, широкое распространение в науке приобретают труды западных ученых М. Рокич, Ш. Шварц. Согласно М. Рокич ценностные ориентации – жизненные принципы человека, способствующие планированию и целеполаганию деятельности. М. Рокич предлагает выделять инструментальные (отражающие модель поведения человека) и терминальные (общественно или лично значимые стремления) ценности. Ученый Ш. Шварц, основываясь на трудах М. Рокич, определяет ценностные ориентации в качестве убеждений и представлений человека, которые обуславливают его определенные состояния и активность, служат для оценки действий и событий окружающей реальности. Ценностные ориентиры по Ш. Шварц обусловлены историческим и культурным развитием человека, и в тоже время они индивидуальны, определяются сосредоточением жизненного опыта конкретного человека [10].

В отечественной психологии ценностные ориентации человека также привлекают внимание многих ученых. С. Л. Рубенштейн определял ценности личности как значимость чего-либо в мире для нее. В целом, особенностями понимания ценностных ориентаций в отечественной психологии можно назвать рассмотрение их в призме эмоционально-мотивационной сферы, установок, отношений, направленности. Так, согласно Д. А. Леонтьеву, ценностные ориентации определяются в качестве ведущих жизненных мотивов, создающих побуждение к психологическому существованию индивида. Ориентации ценностей формируются в процессе деятельности и отражают индивидуальный смысл явлений реальности и их значимость для конкретного человека [9].

Феномен мотивации в психологии представляется одним из самых трудных в определении явлений.

Первое употребление термина «мотивация» можно найти в работах философа А. Шопенгауэра [11]. Данный термин использовался для объяснения причины поведения человека и животных.

В настоящее время существуют два популярных подхода к мотивации. Первый трактует мотивацию как совокупность мотивов или факторов, которые составляют индивидуальную систему мотивов. В данном понятии мотивация представлена системой факторов, определяющих поведение и деятельность (Ж. Годфруа, В. Н. Мясищев, К. К. Платонов, К. Мадсен), как побуждение, вызывающее активность организма и определяющее его направленность, т.е. как весь комплекс факторов, направляющих и побуждающих поведение человека (П. М. Якобсон). Дж. Аткинсон, А. Маслоу рассматривают её как особую сферу, включающую в себя потребности, мотивы, цели, интересы в их сложном переплетении и взаимодействии. Во втором подходе мотивация представляется динамическим образованием, процесс, механизм, т.е. система действий по активизации мотивов определённого человека [3]. Здесь как процесс формирования и образования мотивов, т.е. характеристика процесса психической регуляции конкретной деятельности (М. Ш. Магомед-Эминов, В. С. Мерлин). Мотивация трактуется и как процесс детерминации активности человека и животных, формирования побуждения к действию или деятельности (А. Б. Орлов) [1].

Отечественный исследователь Л. Я. Зобнина рассматривает подход к пониманию мотивации Т. Элерса, который определяет две составляющие мотивации:

стремление к успеху и боязнь, избегание неудачи. Мотивация достижения успеха понимается в качестве активной жизненной позиции, помогающей человеку преодолевать трудности и, соответственно, развиваться. Данная позиция, согласно автору, насыщает жизнь, расширяет круг интересов. Мотивация избегания неудачи по Т. Элерсу – это стремление в любой ситуации действовать так, чтобы избежать неуспеха, особенно если результаты деятельности воспринимаются и оцениваются другими людьми. А также это стремление избежать неудачи, срыва деятельности, порицания или наказания [5].

При изучении особенностей ценностных ориентаций, мотивации и профессионального выгорания у контролёров ФСИН среди современных исследований было определено, что прослеживается двоякость характера ценностных ориентаций сотрудников исправительных учреждений. С одной стороны – они могут подвергаться деформации под воздействием процесса взаимодействия с заключенными и смениться на свободу, обеспечение материального блага как фактора счастливой жизни. С другой – сотрудники имеют ценности развития и сохранения семейной сферы, любви и здоровья, как составляющих благополучной жизни. Среди современных исследований называются следующие особенности мотивации среди сотрудников ФСИН: направленность на удовлетворение социально-экономических и организационно-психологических потребностей, тенденция к проявлению безразличия, потери интереса к выполняемой работе, наличие позитивного представления о службе в ФСИН, возрастание мотивации на достижение успеха со стажем работы [8]. Наличие нескольких направлений мотивации среди сотрудников уголовно-исполнительной системы обуславливает рост профессионализма, личностное развитие, стремление к самореализации [4]. Особенности профессионального выгорания могут найти себя в таких проявлениях, как снижение энергетического тонуса, отсутствии желаний конструктивно и долго взаимодействовать с коллегами, склонности игнорировать просьбы осужденных, предвзятом отношении к ним и негативизме [6].

Основные результаты.

Выборку исследования составили 32 контролера контролеры ГУ ФСИН предприятия ЗКИ ООО «Универсал» в возрасте от 20 до 60 лет. Для получения эмпирического материала были использованы следующие психодиагностические методики: «Портретный ценностный опросник», Ш. Шварц, адаптация Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова; «Оценка мотивации к достижению цели», Т. Элерс, адаптация М. А. Котик; «Оценка мотивации к избеганию неудач», Т. Элерс, адаптация М. А. Котик; «Профессиональное выгорание», К. Маслач, С. Джексон, адаптация Н. Е. Водопьянова.

По результатам диагностики ценностных ориентаций у контролёров ФСИН было определено, что большинство обследуемых имеют средний уровень ценностных ориентаций на доминирование (66 %) и средний уровень ценностных ориентаций на ресурсы (53 %). Они имеют тенденцию к ценности власти, такие сотрудники желают в частных вопросах иметь преимущество, занимать позицию сверху при межличностном общении. При наличии определенных ресурсов они охотно будут манипулировать собеседниками; положительно оценивают взаимовыгодные условия сотрудничества, могут оказывать влияние на окружающих посредством предложения различных ресурсов или их изменения.

По результатам диагностики мотивации у контролеров ФСИН было определено, что большая часть обследуемых имеют высокий уровень мотивации к достижению успеха (63 %), а также преобладающее количество человек в выборке (78 %) имеют низкую мотивацию к избеганию неудач. Обследованные служащие активны, инициативны в деятельности, не боятся сталкиваться с трудностями, могут извлекать пользу из жизненных трудностей, проявляют умеренный риск в работе, не боятся неопределенности, уверены в своих силах и имеют высокие притязания.

Исходя из результатов диагностики профессионального выгорания было определено, что большинство сотрудников (75 %) имеют средний уровень изучаемого

явления. Они имеют тенденцию к снижению энергетического тонуса, при трудных ситуациях в виде конфликтов с коллегами или заключенными могут проявлять грубость и негативизм во взаимодействии. При переживании психотравмирующих обстоятельств они могут избегать общения, выражать агрессию, цинизм. А также они недовольны некоторыми частными вопросами служебной деятельности, могут иметь сомнения в выбранной сфере деятельности. Такие сотрудники восстанавливаются за короткие промежутки времени после эффективного отдыха.

Для проверки выдвинутой гипотезы был использован метод математической обработки данных, а именно коэффициент корреляции К. Пирсона. Исходя из результатов корреляционного анализа мы можем сделать следующие выводы.

Имеется тесная прямая связь между профессиональным выгоранием по методике К. Маслач и ценностными ориентациями «Доминирование» ($p \leq 0,01$) и «Ресурсы» по методике Ш. Шварц. Чем выше профессиональное выгорание, тем выше ценностные ориентации самоутверждения «Доминирование» и «Ресурсы». Данный результат может быть обоснован тем, что проявления профессионального выгорания у контролеров ФСИН – снижение тонуса, отчужденности, негативизма, отрицательной оценке своей деятельности – способствуют выстраиванию деструктивных проявлений взаимодействия с окружающими посредством управления ими, манипулированием для выстраивания нужных им взаимодействий. Проявление ценности самоутверждения наблюдается в выражении грубости в поведении, высоких требований к окружающим вне работы, что обуславливается жесткостью взаимодействия с контингентом заключенных, требовательностью к соблюдению дисциплины и послушанию. А также, как мы полагаем, подобные ценности могут выполнять функциональную, компенсирующую роль, направленную на снижение проявлений профессионального выгорания.

Между профессиональным выгоранием по методике К. Маслач и мотивацией к достижению цели по методике Т. Элерса имеется тесная обратная взаимосвязь ($p \leq 0,01$). Чем выше профессиональное выгорание, тем ниже мотивация к достижению цели. А также обнаружилась тесная прямая связь профессионального выгорания по методике К. Маслач с мотивацией к избеганию неудач по методике Т. Элерса ($p \leq 0,01$). Чем выше профессиональное выгорание, тем выше мотивация к избеганию неудач. Полученные результаты, предположительно, объясняются тем, что контролеры ФСИН, переживающие трудности служебных задач, частые конфликты с осужденными или коллегами и руководством, могут снижать проявления активности и инициативности в деятельности. После интенсивного общения с контингентом осужденных, обладающих выраженными деструктивными особенностями поведения, сотрудники ФСИН испытывают усталость, снижение эмоционального тонуса и могут испытывать отчужденность и негативизм, в связи с чем они также избегают ответственности, активности и инициативности, после психотравмирующих ситуаций долго восстанавливаются.

Обнаружились обратные связи между ценностными ориентациями самоутверждения «Доминирование» ($p \leq 0,05$) и «Ресурсы» ($p \leq 0,05$) по методике Ш. Шварц, и мотивацией к достижению цели и мотивации к избеганию неудач по методикам Т. Элерса. Чем выше ценностные ориентации самоутверждения «Доминирование» и «Ресурсы», тем ниже мотивация к достижению цели и выше мотивация к избеганию неудачи. Данный результат, как мы полагаем, обосновывается стремлением контролеров ФСИН с ценностями самоутверждения использованием окружающих людей как инструментов для выполнения различного рода задач. В силу частого указания заключенным о необходимости выполнения тех или иных действий, а также получения распоряжений от руководящего состава, сами сотрудники не проявляют инициативы и самостоятельности для разрешения различных трудностей и достижения целей. С другой стороны, они стараются избежать ошибок в выполнении деятельности, в связи с чем могут часто перекладывать ответственность, недооценивают собственные ресурсы для

выполнения профессиональных обязанностей, что приводит к использованию различного рода манипуляций во взаимодействии, проявлению тех эмоций, которые способствуют контролю собеседника.

Выдвинутая в начале исследования гипотеза о том, что существует взаимосвязь ценностных ориентаций самоутверждения (доминирование и ресурсы) и мотивации с профессиональным выгоранием у контролёров ФСИН России, а именно чем выше ценности самоутверждения, тем ниже мотивация к достижению цели и тем выше мотивация к избеганию неудачи и профессиональное выгорание, подтвердилась полностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афонин, А. Ю. Понятие и значение мотивации и мотивационного процесса / А. Ю. Афонин // Интеллектуальный потенциал ххi века: ступени познания. – 2013. – № 17. – С. 105-112.
2. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика : практическое пособие / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – Москва : Издательство Юрайт, 2018. – 343 с. – ISBN 978-5-534-03082-2. – Текст : непосредственный.
3. Головин, С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. – Минск: Харвест, 2003. – 800 с. – ISBN 985-433-167-9. – Текст : непосредственный.
4. Долинин, А. Ю. Мотивация и стимулирование служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы: современное состояние и повышение эффективности / А. Ю. Долинин // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 4. – С. 144-151.
5. Зобнина, Л. Я. Исследование мотивации достижения / Л. Я. Зобнина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2009. – № 2. – С. 221-226.
6. Красник, В. С. Исследование ценностной и мотивационной сфер личности сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний на разных этапах служебной деятельности / В. С. Красник // Психология и право. – 2012. – № 3. – С. 1-3.
7. Маслач, К. Представление о синдроме эмоционального выгорания: современное исследование и его применение в психиатрии / К. Маслач, М. П. Лейтер; пер. Р. М. Шишорин, К. А. Срывкова // World psychiatry. – 2016. – № 15. – С. 104-112.
8. Мишин, А. А. Психологические особенности ценностных ориентаций сотрудников уголовно-исполнительной системы в процессе профессионализации / А. А. Мишин // Молодой ученый. – 2016. – № 19 (123). – С. 316-319.
9. Новикова, А. В. Ценностные ориентации в исследованиях отечественных и зарубежных психологов / А. В. Новикова. – Текст : электронный // Актуальные психолого-педагогические исследования. Сборник научных трудов. Магнитогорск. – 2018. – С. 97-101.
10. Павлова, К. Н. Теоретические основы исследования понятия «ценностные ориентации» / К. Н. Павлова // Аспирант. Приложение к журналу вестник забайкальского государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 86-91.
11. Патрахина, Т. Н. Сущность и содержание понятия «мотивация» в системе управления / Т. Н. Патрахина, К. П. Романчук // Молодой ученый. – 2015. – № 7 (87). – С. 461-464.
12. Штефан, Е. Ф. Особенности эмоционального выгорания у сотрудников исправительных учреждений, включенных в служебное общение с осужденными / Е. Ф. Штефан // Пенитенциарная наука. – 2016. – № 1 (33). – С. 73-76.

УДК 159.9.07

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_69

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Лаврентьева Анна Вячеславовна

Кандидат психологических наук, старший преподаватель
кафедры клинической психологии и психологии личности,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: lavrent-anna@mail.ru

В статье показано, что для выявления механизма того, как современных студентов-медиков справляются со стрессами и противостоят эмоциональному выгоранию на этапе снятия ограничений, связанных с пандемией Covid-19, в начале учебного семестра было проведено исследование среди 143 студентов-медиков, обучающихся по специальности «лечебное дело». Эмпирические данные были получены с помощью теста эмоциональное выгорание Маслач, Джексон в адаптации Н.Е. Водопьяновой, теста на определение факторов и проявлений учебного стресса В.Ю. Щербатых, теста копинг-поведение в стрессовых ситуациях Нормана, Эндлера, Джеймса, Паркера в адаптации Т.Н. Крюковой, теста смысложизненных ориентаций. С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена оценивались взаимосвязи между эмоциональным выгоранием, факторами и проявлениями стресса и копингами, смысложизненными ориентациями студентов-медиков. Выявлено, что у каждого третьего студента наблюдается высокий уровень эмоционального выгорания. У студентов младших и старших курсов преобладают симптомы эмоционального истощения, у студентов средних курсов также наблюдаются симптомы деперсонализации. При этом более высокие значения эмоционального выгорания коррелируют с высокими значениями эмоционально ориентированного копинга, низкими значениями проблемно-ориентированного копинга, поиском социальной поддержки и низкими значениями смысложизненных ориентаций. Эмоционально-ориентированный копинг также связан с проявлениями стресса у студентов, с беспокойством из-за пандемии Covid-19, использования дистантных форм обучения и низкими значениями смысложизненных ориентаций. Следовательно, в качестве мишени психологической помощи студентам выступает формирование проблемно-ориентированного копинга и смысложизненных ориентаций.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, стресс, студенты-медики, копинг-стратегии, смысложизненные ориентации, Covid-19.

COPING STRATEGIES AND PURPOSE-IN-LIFE ORIENTATIONS AS PERSONAL FACTORS OF EMOTIONAL BURNOUT AMONG MEDICAL STUDENTS

Lavrentieva Anna Vyacheslavovna

Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department
of Clinical and Personality Psychology, Kazan (Volga region) Federal University

E-mail: lavrent-anna@mail.ru

The given study aims at determining coping strategies for stress and burnout among present-day medical students at the stage of lifting Covid restrictions. The study was conducted among 143 medical students majoring in "Medical Care". Empirical data were obtained using the Maslach Burnout Inventory, the Test for Educational Stress elaborated by V.Yu. Shcherbatykh, Coping Inventory for Stressful Situations developed by Norman S., et.al. and the Life Orientation Test. The Spearman's Rank Correlation Coefficient was used to assess correlations between emotional burnout, stress factors and coping strategies, purpose-in-life orientations among medical students. The study found that one in three students demonstrates a high level of emotional burnout. The symptoms of emotional exhaustion prevail among freshmen and senior students, whereas sophomore and junior students also demonstrate the symptoms of depersonalization. At the same time, higher values of emotional burnout correlate with high values of emotionally-oriented coping, low values of problem-oriented coping, the search for social support and low values of purpose-in-life orientations. Emotionally-oriented coping is also associated with stress manifestations among students, anxiety related to the Covid-19 pandemic, the use of distance learning and low values of purpose-in-life orientations. Therefore, the formation of problem-oriented coping and purpose-in-life orientations is the target of psychological assistance for students.

Keywords: *emotional burnout, stress, medical students, coping strategies, purpose-in-life orientations, COVID-19.*

Эмоциональное выгорание – это «выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на психотравмирующее воздействие» [7, С.90]. Синдром эмоционального выгорания у студентов медиков является «проявлением дистресса, обусловленным сочетанием неоптимальных условий обучения и личностных особенностей» [1, С.27]. Синдром эмоционального выгорания начинает формироваться уже на этапе профессионального обучения и приводит к отчислению студентов и раннему уходу из профессии [11; 13; 15]. При этом студенты, обучающиеся на медицинских специальностях, в силу интенсивности учебной нагрузки в большей степени подвержены данному явлению [1; 4]. Пандемия Covid-19, помимо того, что увеличила уровень тревоги и стрессовую нагрузку на людей, внесла изменения в процесс образования. Студенты-медики беспокоились из-за качества образования, использования дистантных форм обучения [14], высокой рабочей нагрузки, обширности академической программы, частоты экзаменов, высоких ожиданий от самих себя, социальной изоляции, конкуренции со сверстниками [17]. Считается, что одна из главных причин эмоционального выгорания – неумение справляться со стрессом [4; 17]. Как показано в исследовании медицинских работников во время пандемии Covid-19, адаптивные стратегии совладания со стрессом сдерживали негативное влияние стресса на выгорание, что снижало намерение уволиться [12].

В исследованиях эмоционального выгорания медицинских работников [6; 10], волонтеров-медиков [9], студентов-медиков, работающих в красной зоне [3] с высоким уровнем эмоционального выгорания, отмечают использование непродуктивных стратегий совладания со стрессом, таких как конфронтация, принятие ответственности [6; 10]; бегство [10]; высокий контроль поведения и чрезмерное переосмысливание своих действий [9]; бегство-избегание, конфронтация [3]. У специалистов с низким уровнем эмоционального выгорания наблюдают такие копинги, как планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки, переоценка [10], поиск социальных ресурсов, ориентированность на взаимодействие с другими людьми, рационализация проблемной ситуации, переключение внимания, юмор [9], высокий самоконтроль [3]. В исследовании канадских студентов-медиков показана положительная взаимосвязь выгорания с целями, связанными с избеганием, и отрицательная взаимосвязь с целями – овладение мастерством и достижение

результатов [15], у студентов-медиков первого курса планирование, позитивное переосмысление достоверно связаны со снижением уровня эмоционального истощения [16].

Исследования эмоционального выгорания студентов других специальностей также демонстрируют связь высокого уровня эмоционального выгорания с неэффективными копинг-стратегиями – конфронтацией, бегством-избеганием [7], избеганием, отвлечением [2], а низкого уровня – с дистанцированием и поиском социальной поддержки [7], с социальной поддержкой, проблемно-ориентированным копингом [2].

В исследовании студентов-медиков во время первой волны пандемии показано, что осмысленность жизни способствовала сохранению эмоционального благополучия [5].

Как видим, копинг-поведение и смысложизненные ориентации студентов-медиков с разным уровнем эмоционального выгорания в период пандемии исследовались недостаточно полно, хотя эта информация может дать ориентиры для социально-психологической поддержки студентов в учебном процессе и поможет сохранить студентов в вузе.

В данной статье в качестве методологической основы используется трехфакторная модель эмоционального выгорания К. Маслач, в которой выделяют эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личностных достижений, при этом будут рассмотрены такие личностные факторы эмоционального выгорания, как копинг-стратегии и смысложизненные ориентации студентов-медиков. Ведь от того, как человек осмысливает свою жизнь, зависит, как он реагирует на кризисные ситуации в жизни и какие усилия предпринимает для совладания со стрессом.

Цель исследования: выявить уровень и структуру эмоционального выгорания, определить взаимосвязи между копинг-стратегиями, смысложизненными ориентациями и эмоциональным выгоранием студентов-медиков на этапе снятия ограничений, связанных с пандемией Covid-19.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 143 студента-медика, обучающихся по специальности «лечебное дело» в институте фундаментальной медицины и биологии Казанского (Приволжского) федерального университета. В выборку вошли студенты шести курсов, которые были объединены в три подгруппы: первая - студенты младших (74 человека), вторая – студенты средних (41 человек) и третья - старших курсов (28 человек). При формировании выборки в качестве критерия отбора студентов использовались особенности учебной деятельности и профессионализации. Исследование проводилось в начале весеннего учебного семестра с помощью google-форм, в обращении к испытуемым была указана цель и время, необходимое для прохождения тестирования, пункт об информированном согласии, таким образом, в исследовании принимали участие только те, кто добровольно откликнулся на заявленную тему. Данный период пришелся на снятие ограничений, связанных с пандемией Covid-19 (начало февраля 2022 года).

Для достижения поставленной цели были использованы тест на эмоциональное выгорание Маслач, Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой, тест на определение учебного стресса В.Ю. Щербатых, составлена анкета, включающая биографические характеристики и вопросы по оценке беспокойства из-за пандемии Covid-19, тест копинг-поведение в стрессовых ситуациях Нормана, Эндлера, Джеймса, Паркера в адаптации Т.Н. Крюковой, тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева. Взаимосвязи между эмоциональным выгоранием и копингами оценивались с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования. Высокий уровень симптомов эмоционального выгорания был выявлен у 34% испытуемых (48 человек): 15% - у студентов младших курсов, 13% - у студентов средних курсов и 6% - у студентов старших курсов. Относительное сравнение данных показало, что наиболее высокий процент симптомов эмоционального выгорания наблюдается у студентов средних курсов – 44%, а у

студентов младших и старших курсов находится на одном уровне – 30 и 29% соответственно, что соотносится с результатами исследования Макаровой Д.А, Таракановой А.В. [8]. В структуре эмоционального выгорания у студентов младших и старших курсов преобладают симптомы эмоционального истощения (23 и 25% соответственно), в то время как у студентов средних курсов – симптомы деперсонализации (41%) и эмоционального истощения (39%) (Таблица 1).

Таблица 1

Распределение эмоционального выгорания с высокими и крайне высокими значениями между студентами-медиками

Шкалы	1 группа (%)	2 группа (%)	3 группа (%)
Эмоциональное истощение	23	39	25
Деперсонализация	14	41	7
Редукция личных достижений	3	5	4
Психическое выгорание	9	20	11

С помощью коэффициента ранговой корреляции были определены взаимосвязи между шкалами эмоционального выгорания и копинг-стратегиями в ситуации стресса, структурный анализ которых показал, что у студентов младших и старших курсов больше всего взаимосвязей (9 и 12 соответственно), в то время как у студентов средних курсов их меньше (5). У всех студентов получены положительные корреляции между шкалами эмоционального истощения, деперсонализации, психического выгорания и эмоционально-ориентированным копингом (Таблица 2). У студентов всех курсов выявлены отрицательные корреляции между некоторыми шкалами эмоционального выгорания и проблемно-ориентированным копингом, а у студентов младших и старших курсов – отрицательные корреляции между некоторыми шкалами эмоционального выгорания и поиском социальной поддержки (Таблица 2).

Таблица 2

Распределение корреляций между эмоциональным выгоранием и копинг-стратегиями студентов-медиков разных курсов

Шкалы копинг-стратегий	Корреляции по Спирмену		
	1 группа	2 группа	3 группа
Шкалы эмоционального выгорания: ЭИ; Д; Ред; ПВ			
Проблемно-ориентированный копинг	-; -; -0,51**; -0,298*	- ; - ; -0,44**; -	-0,57**; -0,25*; -; -0,5**
Эмоционально-ориентированный копинг	0,67**; 0,5**; -; 0,62**	0,64**; 0,39**; -; 0,54**	0,64**; 0,47*; -; 0,58**
Избегание	-; 0,24*; -; -	-	-0,4*; -; -0,55**; -0,56**
Отвлечение	-; 0,4**; -; -	-; 0,3*; -; -	-
Поиск социальной поддержки	-0,24*; -; -; -0,25*	-	-0,48*; -; -0,76**; -0,73**

Примечание: ЭИ – эмоциональное истощение, Д – деперсонализация, Ред – редукция личностных достижений, ПВ – психическое выгорание; * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$; «-» отсутствие значимых корреляций

Также из таблицы 2 видно, что наблюдаются отличия во взаимосвязях между шкалами эмоционального выгорания и копингом «избегание» среди студентов-медиков младших и старших курсов. У студентов младших курсов копинг избегание положительно связан с деперсонализацией, то есть чем выше проявлен симптом деперсонализации, тем чаще студенты пользуются данным копингом. У студентов старших курсов отсутствует взаимосвязь избегания с деперсонализацией, но наблюдаются отрицательные корреляции между избеганием и эмоциональным истощением, редукцией личных достижений и психическим выгоранием, чем больше проявлены данные шкалы эмоционального выгорания, тем меньше используется избегание.

Факторы и проявления учебного стресса (тест Щербатых) связаны преимущественно с эмоционально-ориентированным копингом у студентов-медиков. У студентов младших курсов с эмоционально-ориентированным копингом положительно связаны такие факторы стресса, как неумение правильно организовать режим дня ($r_s = 0,31, p \leq 0,01$), нерегулярное питание ($r_s = 0,33, p \leq 0,01$), стеснительность, застенчивость ($r_s = 0,45, p \leq 0,01$), беспокойство о здоровье ($r_s = 0,4, p \leq 0,01$); у студентов средних курсов – большая учебная нагрузка ($r_s = 0,46, p \leq 0,01$), непонятные скучные учебники ($r_s = 0,48, p \leq 0,01$), излишне серьезное отношение к учебе ($r_s = 0,44, p \leq 0,01$). Для студентов младших и средних курсов общими оказались взаимосвязи эмоционально-ориентированного копинга с нежеланием учиться, разочарованием в профессии ($r_s = 0,53$, в первой группе, $p \leq 0,01$; $r_s = 0,4$, во второй группе, $p \leq 0,01$); страхом перед будущим ($r_s = 0,42$, в первой группе, $p \leq 0,01$; $r_s = 0,33$, во второй группе, $p \leq 0,01$); общими для всех студентов – проблемами в личной жизни ($r_s = 0,62$, в первой группе, $p \leq 0,01$; $r_s = 0,674$, во второй группе, $p \leq 0,01$; $r_s = 0,671$, в третьей группе, $p \leq 0,01$).

Проблемно-ориентированный копинг, являющийся наиболее конструктивной формой поведения в стрессе, отрицательно связан с фактором стресса «страх перед будущим» у студентов младших курсов ($r_s = -0,3, p \leq 0,01$) и отрицательно – с фактором стресса «нежелание учиться, разочарование в профессии» у студентов старших курсов ($r_s = -0,51, p \leq 0,01$). Эти же факторы связаны с эмоциональным выгоранием. Таким образом, проблемно-ориентированный копинг является личностным ресурсом для студентов-медиков, который следует развивать с целью профилактики и психокоррекции эмоционального выгорания.

У студентов первого курса беспокойство из-за ограничений, связанных с пандемией Covid-19, имеет положительную корреляцию с копингом избегание ($r_s = 0,264, p \leq 0,05$), а беспокойство из-за дистантных форм обучения – положительную корреляцию с копингом отвлечение ($r_s = 0,271, p \leq 0,05$). При этом беспокойство из-за здоровья связано положительно с эмоциональным истощением ($r_s = 0,24, p \leq 0,05$), редукцией личных достижений ($r_s = 0,27, p \leq 0,05$), психическим выгоранием ($r_s = 0,3, p \leq 0,05$); беспокойство из-за ограничений вследствие пандемии связано положительно с деперсонализацией ($r_s = 0,26, p \leq 0,05$); беспокойство из-за дистантных средств обучения связано с эмоциональным истощением ($r_s = 0,241, p \leq 0,05$). У студентов средних курсов беспокойство из-за дистантных форм обучения отрицательно связано с проблемно-ориентированным копингом ($r_s = -0,44, p \leq 0,01$). У студентов старших курсов беспокойство о здоровье в связи с пандемией положительно связано с эмоционально-ориентированным копингом ($r_s = 0,51, p \leq 0,01$), при этом беспокойство о здоровье положительно связано с эмоциональным истощением ($r_s = 0,46, p \leq 0,05$), беспокойство из-за ограничений, связанных с пандемией, имеет положительную корреляцию с копингом социальной поддержки ($r_s = 0,538, p \leq 0,01$), а беспокойство из-за дистантных форм обучения связано с копингами избегание ($r_s = 0,39, p \leq 0,05$) и социальной поддержки ($r_s = 0,4, p \leq 0,05$). Беспокойство из-за ограничений, связанных с Covid-19, связано отрицательно с редукцией личностных достижений ($r_s = -0,54, p \leq 0,01$). Как видим, факторы беспокойства, связанные с пандемией Covid-19, имеют корреляции с эмоциональным выгоранием в основном у студентов младших курсов и

чуть меньше – у студентов старших курсов. Для студентов средних курсов данные факторы уже неактуальны.

Проявления стресса, связанные с учебой у студентов-медиков, также связаны в основном с эмоционально-ориентированным копингом. У студентов младших курсов выявлены положительные корреляции между 16 проявлениями стресса и эмоционально-ориентированным копингом, у студентов средних курсов – с 9 из 16, у студентов старших курсов – с 6 из 16 проявлений стресса (на уровне $p \leq 0,01$). Общими для всех студентов-медиков проявлениями стресса, с которыми наблюдаются положительные корреляции с эмоционально-ориентированным копингом являются ощущение беспомощности, невозможности справиться с проблемами ($r_s = 0,59$, в первой группе, $p \leq 0,01$; $r_s = 0,76$, во второй группе, $p \leq 0,01$; $r_s = 0,53$, в третьей группе, $p \leq 0,01$), невозможность избавиться от посторонних мыслей ($r_s = 0,64$, в первой группе, $p \leq 0,01$; $r_s = 0,63$, во второй группе, $p \leq 0,01$; $r_s = 0,53$, в третьей группе, $p \leq 0,01$), плохое настроение, депрессия ($r_s = 0,69$, в первой группе, $p \leq 0,01$; $r_s = 0,63$, во второй группе, $p \leq 0,01$; $r_s = 0,59$, в третьей группе, $p \leq 0,01$), страх, тревога ($r_s = 0,65$, в первой группе, $p \leq 0,01$; $r_s = 0,71$, во второй группе, $p \leq 0,01$; $r_s = 0,61$, в третьей группе, $p \leq 0,01$) потеря уверенности в себе, снижение самооценки ($r_s = 0,59$, в первой группе, $p \leq 0,01$; $r_s = 0,6$, во второй группе, $p \leq 0,01$; $r_s = 0,48$, в третьей группе, $p \leq 0,01$).

У студентов младших курсов с эмоционально-ориентированным копингом выявлены положительные взаимосвязи также с проявлениями: плохой сон ($r_s = 0,56$, $p \leq 0,01$), нарушение социальных контактов, проблемы в общении ($r_s = 0,48$, $p \leq 0,01$), учащенное сердцебиение, боли в сердце ($r_s = 0,33$, $p \leq 0,01$), затрудненное дыхание ($r_s = 0,44$, $p \leq 0,01$), проблемы с желудочно-кишечным трактом ($r_s = 0,39$, $p \leq 0,01$), напряжение, дрожание мышц ($r_s = 0,45$, $p \leq 0,01$), то есть у студентов младших курсов наблюдаются взаимосвязи эмоционально-ориентированного копинга со всеми уровнями проявления стресса – физиологическим, поведенческим, социальным. Эмоционально-ориентированный копинг предполагает концентрацию внимания на симптомах стресса и в погружение в собственные переживания.

Проблемно-ориентированный копинг у студентов младших курсов отрицательно коррелирует с потерей уверенности в себе, снижением самооценки ($r_s = -0,316$, $p \leq 0,01$), нарушением социальных контактов, проблемами в общении ($r_s = -0,33$, $p \leq 0,01$); поиск социальной поддержки у студентов младших курсов отрицательно связан с плохим настроением, депрессией ($r_s = -0,332$, $p \leq 0,01$), данные копинги играют конструктивную роль в проявлении стрессов. У студентов старших курсов проблемно-ориентированный копинг отрицательно связан с низкой работоспособностью и повышенной утомляемостью ($r_s = -0,56$, $p \leq 0,01$). Также проблемно-ориентированный копинг у студентов старших курсов положительно связан с удовлетворенностью избранной профессией ($r_s = 0,5$, $p \leq 0,01$) и с удовлетворенностью отношениями с учебной группой ($r_s = 0,49$, $p \leq 0,01$), а копинг поиск социальной поддержки – положительно связан с потерей уверенности в себе и снижением самооценки ($r_s = 0,487$, $p \leq 0,01$) и отрицательно с низкой работоспособностью и повышенной утомляемостью ($r_s = -0,46$, $p \leq 0,05$).

Проявления стресса, коррелирующие с копингами, также положительно связаны с эмоциональным выгоранием. Поэтому, развивая конструктивные копинг-стратегии у студентов, можно опосредованно влиять на проявления эмоционального выгорания, добиваясь его снижения или предотвращая развитие выгорания.

Шкалы теста «смыслжизненные ориентации» Д.А. Леонтьева отрицательно связаны с эмоциональным истощением и психическим выгоранием у студентов-медиков трех групп ($p \leq 0,01$), у студентов младших курсов также наблюдаются отрицательные связи шкал смысложизненных ориентаций с редуцией личностных достижений ($p \leq 0,01$), у студентов старших курсов – с деперсонализацией ($p \leq 0,01$). У студентов младших курсов беспокойство из-за здоровья вследствие пандемии Covid-19 имеет отрицательную корреляцию со шкалой локус-контроля Я ($r_s = -0,279$, $p \leq 0,05$).

Также можно отметить значимые положительные корреляции между проблемно-ориентированным копингом и шкалами смысложизненных ориентаций у студентов всех курсов, и отрицательные корреляции между эмоционально-ориентированным копингом и шкалами смысложизненных ориентаций (Таблица 3).

Таблица 3

**Распределение корреляций между копингами
и смысложизненными ориентациями**

Шкалы	Подгруппы	Ц	Пр	Рез	ЛК Я	ЛК Ж	ОЖ
Прорк	1	0,34**	0,33**	0,35**	0,39**	0,29*	0,38**
	2	0,32*	0,34*	-	0,38*	-	0,33*
	3	0,59**	0,43*	0,54**	0,49**	0,57**	0,57**
ЭОК	1	-0,56**	-0,51**	-0,63**	-0,52**	-0,66**	-0,64**
	2	-0,3*	-0,47**	-0,5**	-	-0,54**	-0,42**
	3	-0,59**	-0,65**	-0,664**	-0,662**	-0,656**	-0,681**

Примечание: Прорк – проблемно-ориентированный копинг, ЭОК – эмоционально-ориентированный копинг, Ц – цели в жизни, Пр – процесс жизни, Рез – результативность жизни, ЛК Я – локус контроля-Я, ЛК Ж – локус контроля-жизнь, ОЖ – интегральный показатель осмысленности жизни; * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$; «-» – отсутствие значимых корреляций

Как видно из таблицы 3, у студентов младших и старших курсов более значимые корреляции по всем перечисленным шкалам в сравнении со студентами средних курсов.

Выводы. Высокий уровень эмоционального выгорания у студентов-медиков на этапе снятия ковидных ограничений после каникул в начале семестра наблюдается у 34% выборки, то есть у каждого третьего студента, при этом больше всего эмоциональное выгорание встречается у студентов средних курсов, у студентов младших и старших курсов – на одном уровне. В структуре эмоционального выгорания преобладает эмоциональное истощение, у студентов средних курсов – еще и деперсонализация. У студентов средних курсов меньше всего корреляций между эмоциональным выгоранием и другими шкалами (копингов, теста смысложизненных ориентаций, факторов и проявлений стресса). Этот этап обучения отличается учебным кризисом, сомнениями в правильности выбранной профессии, началом клинического обучения, внимание сосредоточено на содержании учебного процесса. У студентов младших курсов происходит адаптация к новым условиям обучения, к преподавателям, к группе, поэтому выражены все симптомы и факторы стресса наряду с несформированностью копингов. Студенты старших курсов задумываются о правильности выбранной профессии и беспокоятся из-за будущего. Поэтому особенности учебной деятельности также влияют на факторы, из-за которых происходит эмоциональное выгорание студентов. Имеет значение как студенты справляются со стрессами.

Эмоциональное выгорание студентов-медиков связано положительно с неадаптивным копингом – эмоционально-ориентированным копингом; отрицательно – с проблемно ориентированным копингом, у студентов младших и старших курсов также с копингом социальное отвлечение/социальная поддержка. Эмоционально-ориентированный копинг предполагает концентрацию внимания на проявлениях стресса и погружение в свои переживания и связано с факторами и проявлениями стресса у студентов-медиков.

Эмоциональное выгорание связано отрицательно со шкалами смысложизненных ориентаций. Осмысленность жизни, деятельности, наличие целей, ощущение эмоциональной насыщенности своей жизни, продуктивности, возможности влиять на жизнь, ощущение уверенности в своих способностях снижают уровень

эмоционального выгорания студентов. Высокие значения по шкалам смысложизненных ориентаций при этом связаны положительно с проблемно-ориентированным копингом и отрицательно – с эмоционально-ориентированным копингом.

Беспокойство из-за пандемии Covid-19 связано положительно с эмоционально-ориентированным копингом и отрицательно с проблемно-ориентированным копингом, со шкалой локус контроля-я.

Таким образом, формирование конструктивных копингов, смысложизненных ориентаций студентов-медиков может стать мишенью социально-психологической помощи и поддержки и будет способствовать профилактике эмоционального выгорания.

Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета (ПРИОРИТЕТ-2030)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазачев, О. С. Синдром эмоционального выгорания у студентов: поиски путей оптимизации педагогического процесса / О. С. Глазачев // Вестник Международной академии наук (Русская секция). – 2011. – № 5. – С. 26-45. – EDN NTUVJR.
2. Гурина, Э. Э. О проблеме эмоционального выгорания и копинг-поведения студентов / Э. Э. Гурина // Современное общество: проблемы, противоречия, решения: Сборник научных трудов Межвузовского научного семинара, Санкт-Петербург, 29 мая 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский горный университет, 2020. – С. 147-151. – EDN VRSGUL.
3. Доронина, Т.В. Уровень воспринимаемого стресса и особенности копинг-стратегий медицинских работников в условиях пандемии COVID-19 / Т.В. Доронина, А.Е. Окулова, Е.В. Арцишевская // Клиническая и специальная психология. – 2021. – Т. 10, № 3. – С. 64-83. – DOI 10.17759/cpse.2021100305. – EDN XDJEZQ.
4. Жукова, О.В. Профилактика синдрома эмоционального выгорания у студенческой молодежи / О.В. Жукова, А.С. Казызаева, О.И. Швед, др. // Межкультурная коммуникация в образовании и медицине. 2022. №2. С.77-87. <https://icjournal.ru/icjournal/article/view/414>
5. Иванов Д.О. Взаимосвязь смысложизненных ориентаций и тревоги у студентов медиков в первую волну пандемии / Д. О. Иванов, Ю. С. Александрович, И. А. Горьковая [и др.] // Children's Medicine of the North-West. – 2021. – Т. 9, № 1. – С. 130-131. – EDN XNMXPXN.
6. Исаева, Е. Р. Синдром эмоционального выгорания и его влияние на копинг-поведение у медицинских работников / Е. Р. Исаева, И. Л. Гуреева // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2010. – № 6(64). – С. 26-30. – EDN MQHZEP.
7. Ледовская, Т. В. Эмоциональное выгорание и копинг-поведение у студентов очной и заочной форм обучения / Т. В. Ледовская // Актуальные вопросы непрерывного профессионального образования: Сборник материалов, Ярославль, 01-02 марта 2018 года / Под научной редакцией М.В. Новикова. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2018. – С. 90-94. – EDN VANLLS.
8. Макарова, Д. А. Эмоциональное выгорание студентов-медиков / Д. А. Макарова, А. В. Тараканова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 37. – EDN KAZDQM.

9. Молчанова, Л. Н. Взаимосвязи способов совладающего поведения и психического выгорания волонтеров-медиков в условиях профессионально ориентированной волонтерской деятельности (в период пандемии COVID-19) / Л. Н. Молчанова, К. В. Блинова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2021. – Т. 11, № 4. – С. 202-213. – EDN AITCLF.
10. Сыч, И. А. Копинг-поведение медицинских работников с эмоциональным выгоранием / И. А. Сыч, И. В. Сильченко // Психологическое знание в контексте современности: теория и практика: сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Йошкар-Ола, 20–22 февраля 2017 года. – Йошкар-Ола: ООО ИПФ «СТРИНГ», 2017. – С. 293-298. – EDN XQMWFT.
11. De la Fuente J. A structural equation model of achievement emotions coping strategies and engagement-burnout in undergraduate students: a possible underlying mechanism in facets of perfectionism. / J. la Fuente, F. Lahortiga-Ramos, C. Laspra-Solis, et al. // International journal of environmental research and public health. 2020. Vol.17. Iss.6 <https://doi.org/10.3390/ijerph17062106>
12. Lou, N. Nurses and physicians distress, burnout and coping strategies during Covid-19: stress and impact on perceived performance and intentions to quit. Journal of continuing education in the health profession. / N.Lou, T.Montreuil, L. Feldman, et al.// The Journal of continuing education in the health professions. 2022. 42 (1) p 44-52. DOI: 10.1097/ CEH0000000000000365
13. Maroco, J. Predictors of academic efficacy and dropout intention in university students: can engagement suppress burnout? / J. Maroco, H.Assuncao, H. Harju-Luukkainen et al. // PLOS ONE 15 (10), 2020: e0239816
14. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0239816>
15. Mheidly, N. Coping with stress and burnout associated with telecommunication and online learning / N. Mheidly, M.Y. Fares, J. Fares // Front.Public health 8: 574969. 2020. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.574969>
16. Nadon, L. Burning out before they start? An achievement goal theory perspective on medical and education students / L. Nadon, O. Babenko, D. Chazan, et al. // Social psychology of education. 2020. 23, 1055-1071. <https://doi.org/10.1007/s11218-020-09572-0>
17. Shoua-Desmarais, N., von Harscher, H., Rivera, M. et al. First year burnout and coping in One US medical school/ N. Shoua-Desmarais, H. von Harscher, M. Rivera, et al. //Academic psychiatry. 2020. 44, 394-398. <https://doi.org/10.1007/s40596-020-01198-w>
18. Steiner-Hofbauer, V., Holzinger, A. How to cope with the challenges of medical education? Stress, depression and coping in undergraduate medical students / V. Steiner-Hofbauer, A. Holzinger//Acad Psychiatry. 2020. 44, 380-387. <https://doi.org/10.1007/s40596-020-01193-1>

УДК 159

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_78

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В ЗОНЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

Масляков Владимир Владимирович

Д.м.н., профессор, профессор кафедры мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского» Минздрава России
E-mail: maksim.polidanoff@yandex.ru

Полиданов Максим Андреевич

Лаборант кафедры мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского» Минздрава России

Сюсюкина Анна Владимировна

Студентка, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского» Минздрава России

В данной статье рассмотрены ключевые аспекты деятельности психологической службы МЧС России. Описано влияние чрезвычайных ситуаций на психическое здоровье граждан и обоснована целесообразность оказания экстренной психологической помощи пострадавшим. Авторы выделили основные организационные принципы, на которых строится обеспечение психологической помощи в условиях чрезвычайной ситуации, и проанализировали новейшие разработки в этой области. Кроме того, в работе подробно представлен теоретический базис экстренной психологической помощи как научной дисциплины: описана специфика типов экстренных ситуаций и каждого из этапов процесса оказания помощи пострадавшим в результате этих ситуаций; приведена типология лиц, выступающих субъектами экстремальной ситуации при оказании психологической помощи. Рассматривая актуальное состояние системы психологической помощи в структуре МЧС России, авторами выделены направления ее совершенствования и отмечена особая роль межведомственного взаимодействия отечественных силовых структур в деле развития служб экстренных психологов в силовых структурах, что, в частности, нашло отражение в инициативах состоявшегося в 2023 году IV Всероссийского съезда психологов силовых структур Российской Федерации, а именно – создании единого свода методических рекомендаций для психологов, подготовке проекта Федерального закона «Об основах регулирования психологической помощи в Российской Федерации» и формировании Федерального реестра психологов.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация; экстремальная психология; психологическая служба МЧС России; экстренная психологическая помощь; психологическое сопровождение личного состава МЧС.

ORGANIZATIONAL PRINCIPLES FOR IMPLEMENTING PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE IN AN EMERGENCY ZONE

Maslyakov Vladimir Vladimirovich

Doctor of Medical Sciences, Professor,

Professor of the Department of Mobilization Preparation of Public Health

and Disaster Medicine, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky of the Ministry of Health of Russia

E-mail: maksim.polidanoff@yandex.ru

Polidanov Maxim Andreyevich

Laboratory Assistant of the Department of Mobilization Preparation

of Public Health and Disaster Medicine, Saratov State Medical University

named after V.I. Razumovsky of the Ministry of Health of Russia

Syusyukina Anna Vladimirovna

Student, Saratov State Medical University

named after V.I. Razumovsky of the Ministry of Health of Russia

This article discusses the key aspects of the psychological service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. The influence of emergency situations on the mental health of citizens is described and the expediency of providing emergency psychological assistance to victims is substantiated. The authors identified the main organizational principles on which the provision of psychological assistance in an emergency situation is based, and analyzed the latest developments in this area. In addition, the paper presents in detail the theoretical basis of emergency psychological assistance as a scientific discipline: the specifics of the types of emergency situations and each of the stages of the process of providing assistance to victims as a result of these situations are described; the typology of persons acting as subjects of an extreme situation in the provision of psychological assistance is given. Considering the current state of the system of psychological assistance in the structure of the Ministry of Emergency Situations of Russia, the authors identified areas for its improvement and noted the special role of interdepartmental interaction of domestic law enforcement agencies in the development of emergency psychologists in law enforcement agencies, which, in particular, was reflected in the initiatives of the IV All-Russian Congress of Psychologists of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation held in 2023, namely – creation of a unified set of methodological recommendations for psychologists, preparation of a draft Federal law "On the basics of regulation of psychological care in the Russian Federation" and the formation of the Federal Register of Psychologists.

Keywords: *emergency situation, extreme psychology, psychological service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, emergency psychological assistance, psychological support for the personnel of the Ministry of Emergency Situations.*

Наша цивилизация в настоящее время находится на этапе интенсивного научно-технического и социально-экономического развития: широко ведутся исследования в различных областях знаний, внедряются в жизнь новейшие ИТ-технологии, но вместе с тем неуклонно возрастают и масштабы техногенного воздействия на окружающую среду, увеличивается риск аварий на промышленных объектах, растёт угроза стихийных бедствий. Возникающие чрезвычайные ситуации формируют целый комплекс проблем, с которыми приходится иметь дело как отдельным гражданам, так и обществу в целом. Последствия переживания человеком чрезвычайной ситуации разрушают защитные механизмы его психики; как следствие

– государство сталкивается с различными социальными и социопсихологическими проблемами, нарастает напряжение в обществе, обостряются ранее имевшиеся противоречия.

Человек может и не получить физического вреда, но его психологическое состояние в результате экстремальных событий, свидетелем или участником которых он стал, может значительно ухудшиться и в перспективе привести к серьезным проблемам со здоровьем (включая развитие психических расстройств).

Общепризнанным сегодня является тот факт, что психологическая помощь людям, пострадавшим в результате наступления каких-либо чрезвычайных ситуаций, не менее (а, возможно, и более!) значима, чем помощь сугубо медицинского характера: часто бывает так, что последствия психической травмы продолжают проявляться длительное время и весьма осложняют процесс его полного излечения.

В то время как пострадавшего, получившего физическую травму, которая не представляет угрозы для его жизни, можно вернуть в строй в течение сравнительно небольшого временного периода (несколько недель, месяцев), восстановление нормального психологического состояния у лиц, переживших серьезную психическую травму, требует гораздо больших усилий и времени: терапия продолжается иной раз годами, а то и десятилетиями!

Актуальность оказания психологической помощи в экстремальных ситуациях не вызывает сомнений: изучение психосоциальных последствий стихийных бедствий, влияние их на психическое здоровье граждан и разработка способов нейтрализации (минимизации) таких последствий сегодня особенно востребованы.

Цель работы заключается в изучении основных организационных принципов, на которых основывается предоставление психологической помощи в условиях чрезвычайных и экстремальных ситуаций.

Экстремальная ситуация и чрезвычайная ситуация – далеко не тождественные понятия. Так, под чрезвычайной ситуацией следует понимать обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате объективно опасного происшествия (аварии, катастрофы, стихийного бедствия и т.д.); то есть в данном случае речь идет о том, что действительно имело место и выступает очевидной угрозой для жизни человека. Экстремальная же ситуация – это неожиданно возникшая ситуация, представляющая собой угрозу или субъективно воспринимаемая человеком как угроза для его жизни, здоровья, личной целостности и благополучия [1].

Отличительными особенностями экстремальной ситуации являются: внезапность, сильнейший стресс-фактор, неточность поступающих данных, что усложняет процесс прогнозирования и управления ситуацией. Человек в этом случае оказывается ведомым по отношению к ситуации – она его «контролирует», в этой связи растет его эмоциональное и психическое напряжение, и, как правило, человеку требуется определенное время для осмысления происходящего и принятия адекватного сложившемуся положению решения.

После ликвидации последствий экстремальной ситуации и/или эвакуации пострадавших из зоны ее развертывания, когда у человека исчезает потребность в задействовании всех его психоэмоциональных и физиологических резервов для преодоления кризиса, испытавшие воздействие экстремальных факторов переживают стадию адаптации; в этих условиях они рассматриваются как пострадавшие, а в ряде случаев – и как нуждающиеся. В этот момент начинают проявляться последствия перенесенных переживаний – становится понятным уровень ущерба, нанесенного психическому здоровью пострадавших, а также вероятный прогноз динамики состояния жертв в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Неполнота информации об особенностях преодоления стрессовых ситуаций человеком в экстремальных условиях мешает выявлению взаимосвязи различных видов психологической защиты индивида, а также уровня тревожности тех, кто пережил критические с точки зрения угрозы жизни и здоровью события.

Необходимость исследования данной проблематики заложила основу развитию новой научной дисциплины с выраженным прикладным характером – экстремальной психологии.

Экстремальная психология – это раздел психологической науки, который изучает всеобщие психологические закономерности человеческой жизни и деятельности в непривычных условиях существования. Основная цель исследований в области экстремальной психологии заключается в улучшении процесса психологического подбора и подготовки людей к работе в экстремальных условиях, а также в создании эффективных мер защиты от негативного психологического воздействия [1].

Психологическая помощь пострадавшим в чрезвычайных ситуациях (ЧС) является важной частью работы по ликвидации последствий таких событий. Она направлена на снижение уровня психологического стресса, который испытывают пострадавшие, а также на профилактику развития посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Изучением данного раздела психологии занимаются, в первую очередь, психологи и психиатры, непосредственно участвующие в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

В МЧС России действует Центр экстренной психологической помощи (ЦЭПП), который объединяет специалистов, оказывающих психологическую помощь пострадавшим в результате ЧС.

Изначально в России не существовало отдельной организации, оказывавшей психологическую помощь пострадавшим. В первые годы после создания МЧС России психологической помощью пострадавшим занимались специалисты-психологи высокой квалификации, работавшие в МЧС. Они оказывали помощь жертвам ЧС с самого начала и до момента завершения острого периода стресса.

К концу 1990-х гг. назрела потребность создания отдельного подразделения по оказанию психологической поддержки людям, пострадавшим в ЧС, а также тем, чьи близкие стали жертвой таких ЧС. Так в 1999 году и был основан ЦЭПП. В настоящее время ЦЭПП имеет шесть филиалов, расположенных в различных регионах России. В общей сложности в штате психологической службы МЧС России работает более 700 человек [3].

Основными задачами психологической службы МЧС России является психологическая поддержка личного состава МЧС России, а также оказание первой психологической помощи при чрезвычайных ситуациях.

Специалисты МЧС России, как известно, постоянно подвергаются физическим и эмоциональным перегрузкам, поэтому деятельность психологической службы МЧС России направлена, в том числе, на минимизацию негативного влияния профессиональной деятельности на сотрудников Министерства.

Психологическое сопровождение личного состава МЧС России включает в себя разнообразные мероприятия, направленные на диагностику, подготовку, лечение, профилактику и реабилитацию.

Основная цель психологической диагностики заключается в выявлении возможных психологических отклонений у новых сотрудников и абитуриентов вузов МЧС России, а также последующем наблюдении за ними во время их служебной деятельности.

Психологическая подготовка направлена на повышение психологической стойкости сотрудников МЧС России в условиях стрессовых ситуаций и развитие их навыков эффективного общения с пострадавшими. Также крайне важным аспектом является оказание помощи сотрудникам, испытывающим психологические проблемы, путем проведения соответствующих лечебных и профилактических мероприятий. Ранняя диагностика и своевременное лечение психологического неблагополучия являются неотъемлемой частью данного процесса. Кроме того, проведение исследований психологического климата в коллективах МЧС России позволяет определить приоритетные направления и важность психологической работы для

руководства. Для решения задачи скорейшего восстановления сил и возобновления исполнения спасателями своих трудовых обязанностей в МЧС России применяется особый комплекс медико-психологических мероприятий [5].

В рамках оказания первой психологической помощи при чрезвычайных ситуациях специалисты ЦЭПП и его филиалов работают с пострадавшими и их родственниками. Они помогают людям справиться с эмоциональным шоком, восстановиться после психологической травмы и адаптироваться к новым условиям жизни.

Работая с пострадавшими, которым необходима психологическая поддержка, специалисты МЧС дифференцируют субъектов экстремальной ситуации на группы:

1. Жертвы – индивиды, непосредственно испытавшие на себе последствия чрезвычайного инцидента.

2. Пострадавшие – лица, понесшие ущерб (как материальный, так и физический), а также те, кто потерял своих близких или не располагает информацией об их местонахождении.

3. Очевидцы – люди, проживающие в близости от места происшествия, которые могли лично наблюдать трагическое происшествие.

4. Наблюдатели – индивиды, которые услышав о случившейся катастрофе, приняли решение отправиться на место событий, чтобы увидеть всё происходящее своими глазами.

5. Специалисты – высококвалифицированные профессионалы, занятые в сфере чрезвычайных ситуаций, в обязанности которых входит работа и оказание помощи в зоне происшествия.

6. Телезрители – люди, следящие за развитием экстремальной ситуации дистанционно, с помощью аудиовизуальных средств массовой информации [1].

Данное разделение необходимо для оценки и прогнозирования психических последствий в зависимости от характера полученного воздействия негативных факторов на людей, возникших в результате чрезвычайной ситуации. Оперативность предоставления экстренной психологической помощи оказывает непосредственное влияние на сохранение психического здоровья пострадавших, их способность быстро восстановиться и вернуться к нормальному ритму жизни.

В отличие от физического ущерба, психическая травма всегда имеет медиатором психику человека. Физическое повреждение воздействует на конкретную анатомическую область, причиняя травму, в случае же с психической травмой всё обстоит гораздо сложнее. Для того чтобы психическая травма могла быть вызвана любым фактором чрезвычайной ситуации, этот фактор должен быть воспринят и осознан человеком как угроза его жизни и здоровью. В экстремальных условиях часть потерпевших мобилизует свои силы, оберегая свою личную безопасность и оказывая помощь окружающим (это наблюдается примерно у 10% людей). Ещё 10–15% людей способны контролировать свои эмоции и при наличии умелого руководства готовы участвовать в спасательных операциях. Оставшаяся часть подвержена негативным психическим состояниям, которые способствуют развитию психической травмы и приводят к панике, нарушениям поведения и негативным психическим реакциям. Предоставление адекватной и своевременной первичной медико-психологической помощи этой рискованной группе позволяет снизить неблагоприятные последствия психической травмы. В случае неудачи в предоставлении такой помощи запускаются не только механизмы развития психической травмы, но и создаются условия для фиксации и вытеснения негативных переживаний в подсознание индивида, что приводит к значительным нарушениям в психике и развитию психосоматических патологий, лечение и реабилитация которых требуют продолжительного времени [7].

В соответствии с законом «Об оказании психологической и психиатрической помощи в ЧС» (2002) в зоне чрезвычайной ситуации существуют различные отделения и формы помощи.

Одной из них является «телефон доверия», этот сервис позволяет предоставлять психологическую поддержку пострадавшим и их близким в дистанционном формате. Через средства массовой информации гражданам сообщаются номера «телефонов доверия», чтобы каждый, кто нуждается, мог связаться и получить необходимую консультацию. В то же время эта форма работы направлена на предотвращение негативных социальных явлений, а также распространение недостоверной информации о событии (сплетен и слухов). Результатом работы службы «Телефон доверия» выступает коррекция текущего психического состояния граждан [4]. Очевидно, что отсутствие достоверной и своевременной информации способствует возникновению паники, что является необходимой предпосылкой для страха. При этом, он как характерная психологическая защита – весьма индивидуален. В борьбе с паническими настроениями лучшим способом является предоставление населению именно полной и убедительной информации о сложившейся ситуации.

Отделение кризисных состояний предоставляет стационарную помощь людям с психическими расстройствами, возникшими во время чрезвычайного происшествия. Здесь специалисты работают над оказанием неотложной помощи и поддержки тем, кто нуждается в медицинском наблюдении и лечении. Помимо этого, существуют психотерапевтические бригады специализированной медицинской помощи, которые предоставляют помощь на месте происшествия. Эти бригады состоят из опытных психологов и психотерапевтов, которые способны оказывать срочную помощь и поддержку людям в критических ситуациях.

Также в структуре МЧС России действуют кабинеты социально-психологической помощи, которые оказывают помощь людям с психическими расстройствами, возникшими во время чрезвычайной ситуации. Этот вид помощи предоставляется не только в самой зоне ЧС, но и за ее пределами, в том числе амбулаторно [4].

Все эти отделения и формы помощи работают в единой системе, чтобы обеспечить максимальную эффективность и доступность помощи для пострадавших. Важно, чтобы каждый, кто оказался в трудной ситуации, знал, что существует служба поддержки и помощи людям в критических ситуациях, которая оказывает содействие в преодолении психологических трудностей и восстановлении после экстремальных событий.

За годы деятельности психологической службы МЧС России ее сотрудники не раз демонстрировали свой высокий профессионализм – они оказывали помощь пострадавшим в условиях более чем 150 чрезвычайных ситуаций федерального масштаба. Кроме того, они активно участвовали в ряде международных гуманитарных операций, в ходе которых уровень их подготовки, мужество и компетентность заслужили высокую оценку [6].

Экстренная психологическая помощь во многом сравнима с неотложной медицинской помощью – чем быстрее человек ее получает, тем больше вероятности, что пострадавший сможет уберечь свое психическое здоровье от необратимых изменений и вернуться к нормальной жизни. По этой причине психологи, работающие в структурах МЧС России, стараются прибыть на место чрезвычайной ситуации как можно оперативнее – часто одновременно с экстренными службами; при этом они продолжают свою работу до полной ликвидации последствий ЧС.

В процессе оказания экстренной психологической помощи выделяют отдельные ее этапы:

1. Подготовительный этап. На этом этапе разрабатывается план действий для предоставления экстренной психологической помощи, в котором отражаются следующие сведения:

- характеристика места происшествия;
- расчетное количество людей, которым нужно оказать помощь;

- численность специалистов, необходимых для оказания психологической помощи;

- место работы и порядок действий для каждого из специалистов.

2. Основной этап. На этом этапе специалисты непосредственно оказывают помощь пострадавшим от ЧС и тем, кто принимает участие в ликвидации ее последствий. Деятельность специалистов-психологов на основном этапе направлена на поддержку и обеспечение оптимальных условий работы спасателей.

3. Завершающий этап. Этот этап отличается тем, что продолжающееся оказание психологической помощи пострадавшим сопровождается систематизацией информации и анализом собранных данных, а также составлением прогноза развития ситуации. Важно учитывать, что на данном этапе спасатели, задействованные в ликвидации ЧС, уже начинают чувствовать усталость, их психоэмоциональный тонус снижается, они могут переживать состояние физического утомления, поэтому психологическая поддержка в этот момент им крайне необходима [2].

Помимо деятельности в зоне чрезвычайной ситуации, специалисты-психологи МЧС России работают и в иных направлениях по профилю своей службы. Так, в 2010 году ими была создана автоматизированная информационная система «Психолог», которая стала незаменимым инструментом в сфере регулирования различных аспектов работы службы психологической помощи. С помощью этой системы сотрудники психологической службы имеют возможность общаться в дистанционном формате, прогнозируя социально-психологические риски в зоне ЧС, а также получать доступ к постоянно актуализируемой базе данных с прикладной справочной информацией.

Психология экстремальных ситуаций получает всё большее признание в отечественной высшей школе, представляя собой новое и весьма перспективное направление в психологической науке. Ярким примером этого является введение специальности «Психология экстремальных и кризисных ситуаций» в учебные планы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Преподаватели-лекторы, читающие этот курс в МГУ, в большинстве своем являются выдающимися экспертами психологической службы МЧС России [3].

В настоящее время продолжает совершенствоваться и такое направление медицины, как психиатрическая и психологической помощи в зоне чрезвычайных ситуаций. В частности, 21 сентября 2023 года прошел IV Всероссийский съезд психологов силовых структур Российской Федерации, который собрал более 150 представителей психологических служб силовых ведомств. Центр «Патриот» стал открытой медиаплощадкой для обсуждения важных вопросов межведомственного взаимодействия. Одним из ключевых вопросов, стоявших на повестке дня, был вопрос разработки проекта Федерального закона «Об основах регулирования психологической помощи в Российской Федерации». В указанном законопроекте планировалось осветить вопросы аттестации психологов и полномочия федеральных органов исполнительной власти в этой сфере. Также на данном форуме были представлены новые методические рекомендации, подробно раскрывающие специфику действий психологов по таким направлениям, как «Посттравматическое стрессовое расстройство», «Организация скринингового обследования участников СВО и их семей для раннего выявления психических расстройств, связанных со стрессом», «Особенности подбора специалистов для психологических служб образовательных организаций высшего образования силовых ведомств». Создание такого свода методических рекомендаций способствует улучшению взаимоотношений между ведомствами, формированию единых методологических подходов к оказанию психологической помощи и решению актуальных вопросов, связанных с поддержанием психологического здоровья граждан нашей страны.

На съезде также обсуждался вопрос создания Федерального реестра психологов, формирования рабочей группы по развитию психологических служб для подбора

специалистов, а также внедрения профессионального стандарта «Психолог в служебной деятельности».

По итогам IV Всероссийского съезда психологов силовых структур Российской Федерации было принято решение о создании Межрегиональной общественной организации под названием «Российское общество психологов силовых структур». Это событие является важным шагом в направлении улучшения и развития системы психологической помощи в силовых структурах России. Межрегиональная общественная организация с такой спецификой, безусловно, будет способствовать укреплению сотрудничества между различными психологическими службами, а также обмену опытом и знаниями, играя, в том числе, важную роль в стандартизации и повышении качества психологической помощи в целом, а также в развитии профессиональных стандартов для психологов, работающих в силовых структурах.

В заключение отметим – IV Всероссийский съезд психологов силовых структур Российской Федерации стал важной вехой в деле развития системы специальной экстренной психологической помощи в России; в ходе его работы были обсуждены и приняты решения, направленные на улучшение положения психологической помощи в зоне чрезвычайных ситуаций, а создание межрегиональной общественной организации и разработка новых методических рекомендаций стали особенно значимыми шагами в направлении совершенствования экстренной психологической помощи на государственном уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шойгу, Ю.С. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных. – Москва: Смысл, 2007. С. 8–16.
2. Шойгу, Ю.С. Принципы оказания экстренной психологической помощи в условиях чрезвычайных и экстремальных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2010. – №12(1). С. 166–167.
3. Шойгу, Ю.С. Организация деятельности психологической службы МЧС России // Национальный психологический журнал. Экстренная психологическая помощь. – 2012. – №1(7). С. – 131–133.
4. Министерство здравоохранения Российской Федерации. Приказ от 24 октября 2002 г. №325 «О психологической и психиатрической помощи в чрезвычайных ситуациях». – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=12042> (дата обращения: 02.10.2023).
5. Интернет-служба Экстренной психологической помощи МЧС России. Психологическое сопровождение деятельности личного состава МЧС России. – URL: <https://psi.mchs.gov.ru/deyatelnost/soprovozhdenie-lichnogo-sostava> (дата обращения: 02.10.2023).
6. Интернет-служба Экстренной психологической помощи МЧС России. Оказание экстренной психологической помощи. – URL: <https://psi.mchs.gov.ru/deyatelnost/okazanie-ekstrennoy-psih-pomoshchi> (дата обращения: 02.10.2023).
7. Косачев, В.Е. Первая помощь при психической травме / В.Е. Косачев, Н.В. Третьяков, В.А. Шаповалова // Профессия: Теория и практика. Медицинская сестра. – 2016. – №3. – С. 31–34.

УДК 159.9

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_86

СОПОСТАВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ТРУДОВУЮ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН

Роднина Кристина Андреевна

Преподаватель кафедры психологии филиала МГУ в Ташкенте –

Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0009-0002-9053-8666

E-mail: rodnina.kristina@bk.ru

В статье рассматривается влияние гендерных стереотипов на участие женщин в трудовой деятельности в различных культурах. Цель исследования – проанализировать, как культурные различия в гендерных ролях, религиозных убеждениях, семейных отношениях и представлениях о женственности и мужественности способствуют стереотипному мышлению. Гипотезой исследования является тезис о том, что различные вариации гендерных стереотипов в разных культурах существенно влияют на карьерные устремления женщин, выбор работы и трудовую деятельность. Методология исследования включает применение гендерного подхода и сравнительный анализ существующей литературы, исследований и примеров из традиционных, коллективистских, индивидуалистических и эгалитарных культур. Результаты показывают, что гендерные стереотипы существенно влияют на выбор женщинами карьеры, возможности трудоустройства, перспективы карьерного роста, образовательные решения и уровень баланс между работой и личной жизнью. Гендерные стереотипы приводят к появлению барьеров, которые препятствуют прогрессу женщин на рынке труда, способствуя профессиональной сегрегации, гендерному разрыву в оплате труда и ограниченному представительству на руководящих должностях. Понимая нюансы культурных различий и уровень их влияния, мы тем самым расширяем окно возможностей для определения стратегий, которые помогут нивелировать гендерные стереотипы, способствуя большему гендерному равенству в трудовой деятельности.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, культурные различия, трудовая деятельность, профессиональное развитие, самооценка, традиционные культуры, эгалитарные культуры, карьерный рост.

COMPARISON OF GENDER STEREOTYPES IN DIFFERENT CULTURES AND THEIR IMPACT ON WOMEN'S LABOR ACTIVITY

Rodnina Kristina Andreevna

Lecturer in the Department of Psychology of the branch of Moscow State University
in Tashkent - Moscow State University named after M.V. Lomonosov

ORCID: 0009-0002-9053-8666

E-mail: rodnina.kristina@bk.ru

The article examines the impact of gender stereotypes on women's participation in the labor force in different cultures. The purpose of the study is to analyze how cultural differences

in gender roles, religious beliefs, family relationships, and ideas about femininity and masculinity contribute to the perpetuation of these stereotypes. The hypothesis of the study is the thesis that different variations of gender stereotypes in different cultures significantly affect women's career aspirations, job choice and overall work activity. The research methodology includes applying a gender perspective and comparative analysis of existing literature, studies and existing examples from traditional, collectivist, individualistic and egalitarian cultures. The results show that gender stereotypes significantly influence women's career choices, employment opportunities and career prospects. Stereotypes influence the aspirations of women, shaping their educational decisions, career path and choice of work-life balance. The perpetuation of gender stereotypes creates barriers that impede women's opportunities and progress in the labor market, contributing to occupational segregation, gender pay gaps and limited representation in leadership positions. By understanding the nuances of these cultural differences and their impact, we can identify strategies that can help break down gender stereotypes, promoting greater gender equality in the workplace.

Keywords: *gender stereotypes, cultural differences, work activity, professional development, self-esteem, traditional cultures, egalitarian cultures, career development.*

Гендерные стереотипы — это широко распространенные убеждения и предположения о характеристиках, социальных ролях и поведенческих особенностях, которые считаются подходящими для людей в зависимости от их пола [1]. Стереотипы зачастую упрощают и обобщают различия между мужчинами и женщинами. Данные убеждения могут оказать глубокое влияние на формирование общественных ожиданий, определяя восприятие и поведение людей. Гендерные стереотипы развиваются с течением времени в результате сложного взаимодействия культурных, социальных и когнитивных факторов. Культурные нормы, репрезентация в массовой культуре и СМИ, семейное воспитание и образование — все это способствует укреплению и передаче этих стереотипов.

Гендерные стереотипы играют ключевую роль в формировании общественных ожиданий различными способами: 1. Роли и поведение. Стереотипы диктуют ожидаемые роли и поведение людей в зависимости от их пола. Например, традиционные стереотипы могут ассоциировать мужчин с такими качествами, как напористость, лидерство и независимость, связывая женщин с воспитанием, заботой и покорностью [5]. 2. Выбор карьеры. Стереотипы влияют на воспринимаемую пригодность различных профессий для определенного пола [3]. Это может привести к профессиональной сегрегации, когда в некоторых профессиях доминирует один пол, что ограничивает выбор карьеры и возможности людей. 3. Лидерство и авторитет. Стереотипы часто влияют на восприятие лидерства и власти [9]. Мужчины обычно считаются более подходящими для руководящих должностей, в то время как женщины могут столкнуться со скептицизмом или предвзятостью при поиске руководящих должностей. 4. Образование и академическая карьера. Стереотипы оказывают влияние на ожидания относительно академической деятельности. Например, стереотипы, предполагающие, что мужчины лучше разбираются в математике и естественных науках ведут к недостаточной представленности женщин в областях STEM (естественные науки, технология, инженерия и математика) [2].

Влияние гендерных стереотипов имеет далеко идущие последствия: 1. Психологические эффекты: люди, которые не соответствуют социальным гендерным нормам, могут испытывать беспокойство, стресс и проблемы с самооценкой из-за давления общества. 2. Неравные возможности. Гендерные стереотипы способствуют неравному доступу к образованию, трудоустройству и руководящим должностям, ограничивая прогресс женщин и закрепляя гендерное неравенство. 3. Ограничение потенциала. Стереотипы лимитируют потенциал людей, создавая искусственные границы для развития их способностей и стремлений. 4. Усиление неравенства.

Гендерные стереотипы укрепляют системное гендерное неравенство, узаконивая неравные взаимоотношения полов и неравное распределение ресурсов.

Ожидания от определенных гендерных ролей глубоко укоренены в культурных нормах и ценностях, определяя, как общество обязанности людей в зависимости от их пола. Взаимодействие религии, культуры и гендера имеют сложную комплексную природу и пересекается с другими аспектами идентичности, такими как этническая принадлежность, раса и социально-экономический статус. Понимание этих культурных различий имеет решающее значение для устранения гендерного неравенства в трудовой деятельности женщин.

В коллективистских культурах приоритет отдается сплочению семьи и общества, что приводит к сильным ожиданиям в отношении гендерных ролей, когда женщинам отводятся основные задачи по домашней работе. Структура расширенной семьи, преобладающая во многих коллективистских культурах, создает дополнительное давление на женщин, диктуя им выполнение обязанностей по уходу за детьми, пожилыми людьми и другими членами семьи [4]. В результате профессионально-экономическая деятельность женщин ограничивается домашними обязанностями, которые лимитируют время, мобильность и доступ к образованию и возможностям трудоустройства.

Индивидуалистические культуры характеризуются приматом личных достижений, независимости и самовыражения. Обозначенные ценности способствуют выстраиванию более гибких гендерных ролей и большему признанию профессиональной активности женщин, которые в индивидуалистических культурах имеют больше свободы действий, чтобы делать выбор в отношении своего образования, карьеры и баланса между работой и личной жизнью, не сталкиваясь с давлением со стороны общества по выполнению воспитательных и хозяйственных обязанностей.

В традиционных культурах обязательно соблюдение четко определенных гендерных ролей, которые были незыблемыми на протяжении поколений. От мужчин ожидается выполнения роли кормильца семьи, что детерминирует процессы разделения труда, когда мужчины выполняют оплачиваемую работу вне дома, чтобы прокормить свои семьи. Экономическое участие женщин в традиционных культурах может ограничиваться культурными нормами, которые отдают приоритет их роли в семье. К примеру, в традиционной индийской культуре гендерные роли четко определены. Ожидается, что женщины будут выполнять функции опекуна, домохозяйки и воспитательницы [9]. Это отражается в таких культурных практиках, как браки по расчету. Мужчин часто рассматривают как «добытчиков» и «защитников». Как результат, выбор карьеры для женщин может склоняться к таким профессиям преподавателя или медсестры, в то время как мужчинам часто рекомендуется делать карьеру в области инженерии, технологий или бизнеса.

В эгалитарных культурах традиционные гендерные роли не обладают высокой значимостью. В них декларируются равные права и возможности для всех полов. Данные культуры признают, что и мужчины, и женщины могут внести ценный вклад во все сферы жизни, включая трудовую деятельность. В эгалитарных культурах поощряется получение образования и построение карьеры. Женщины при этом не сталкиваются с теми социальными ограничениями, которые присутствуют в традиционных культурах. Гендерные роли в эгалитарных культурах более подвижны, что позволяет людям выбирать роли, соответствующие их талантам, интересам и стремлениям, не ограничиваясь стереотипами. В эгалитарных культурах представленность женщин в различных профессиях более разнообразна и с большей вероятностью отражает их таланты и амбиции. Женщины имеют возможность осваивать широкий спектр профессий и вносить значимый вклад в различные отрасли. Например, в скандинавских странах, таких как Швеция, Норвегия и Дания, большое внимание уделяется гендерному равенству. Переосмысляя традиционные гендерные роли в данных государствах, продвигается идея о том, что и мужчины, и женщины

могут одинаково способны выполнять любую работу. В результате женщины широко представлены на руководящих должностях, в политике и в областях STEM [8]. Отцы в этих культурах часто берут отпуск по уходу за ребенком, а обязанности по уходу распределяются между партнерами более равномерно, чем в традиционных расширенных семьях.

Несмотря на то, что эгалитарные культуры в большей степени благоприятствуют участию женщин в рабочей активности, последние не застрахованы от гендерного неравенства. Такие факторы, как гендерный разрыв в оплате труда, эффект «стеклянного потолка» и неравномерное распределение обязанностей по уходу, по-прежнему могут создавать препятствия для женщин [7].

Развитые азиатские страны несмотря на активную эмансипацию женщины в последние 50 лет сохраняют элементы традиционных культурных стереотипов [6]. В частности, в Японии существует концепция, известная как «кавай», которая культивирует привлекательность и мягкость. Данное обстоятельство приводит к общественному мнению, что женщины должны воплощать в себе эти качества. От женщин ожидают вежливости, покорности и заботливости, что уменьшает шансы последних занимать руководящие должности, поскольку настойчивость рассматривается как несовместимая с этими традиционными качествами. В Южной Корее существует культурный стереотип, известный как «аджумма», относящийся к женщинам среднего возраста, которых часто считают настойчивыми и откровенными. Этот стереотип играет роль лимитирующего фактора в профессиональном карьерном росте женщин, поскольку он связывает обозначенные черты с определенной возрастной группой и может снизить у молодых женщин желание проявлять асертивность на рабочем месте.

Гендерные стереотипы в России, как и во многих культурах, повлияли на различные аспекты жизни женщин. Несмотря на долгий период социалистического развития с культивированием гендерного равенства в современной РФ наличествует определенная степень профессиональной сегрегации, где ряд отраслей считается более подходящим для мужчин. Например, такие области, как инженерия, технологии и тяжелая промышленность, часто считаются мужскими областями, в то время как образование, здравоохранение и административные должности позиционируются как более подходящие для женщин. Стереотипы о роли женщин как основных лиц, осуществляющих уход за детьми, приводят к социальным ожиданиям, что женщины будут ставить семью выше карьеры.

Влияние гендерных стереотипов на трудовую активность женщин является сложной и многогранной проблемой, которая находит свое отражение в разных культурах и обществах. Распространенный характер стереотипов проявляется в их влиянии на различные аспекты жизни женщин: от образования и карьерных устремлений до выбора работы и возможностей карьерного роста. Сравнение гендерных стереотипов в разных культурах выявило комплексную природу социальных норм, исторических контекстов, религиозных убеждений и экономических факторов, формирующих представления о женственности и мужественности. Данные представления, в свою очередь, способствуют сохранению гендерных стереотипов, которые препятствуют прогрессу активности женщин на рынке труда. Во широком спектре культур, от традиционных до эгалитарных, от коллективистских до индивидуалистических гендерных стереотипов играют ключевую роль в формировании образа работающей женщины. Стереотипы влияют не только на отдельных женщин, но и имеют более широкие социально-психологические последствия, включая сохранение профессиональной сегрегации, гендерного разрыва в оплате труда, беспокойство, стресс и проблемы с самооценкой из-за давления общества. Дихотомия между традиционной и эгалитарной культурой демонстрирует значительное влияние, которое культурные нормы оказывают на роль женщин в профессионально-трудовой активности. Понимание культурных различий имеет важное значение для разработки эффективных мер, которые будут способствовать

гендерному равенству, демонстрируя деструктивную роль стереотипов и создавая условия, в которых женщины смогут в полной мере быть задействованными на рынке труда, независимо от культурного контекста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Капиян А.Ю., Заболотская Е.А. Теория гендерной идентичности с учетом гендерных стереотипов в обществе // Научный аспект. – 2022. – Т. 2. № 1. – С. 206-211.
2. Савинская О.Б., Лебедева Н.В., Вилкова К.А. Гендерные стереотипы и женские стратегии в высшем STEM-образовании: обзор междисциплинарного поля // Журнал исследований социальной политики. – 2022. – Т. 20. № 3. – С. 505-520.
3. Черчес Т.Е., Святохо Л.В. Гендерные стереотипы и гендерная идентичность как факторы выбора профессии в различных профессиональных группах // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2022. – № 3 (86). – С. 116-120.
4. Dabiriyani Tehrani H., Yamini S. Gender differences concerning the horizontal and vertical individualism and collectivism: A meta-analysis // Psychological Studies. – 2022. – Vol. 67. – №. 1. – P. 11-27.
5. Obioma I. F., Hentschel T., Hernandez Bark A. S. Gender stereotypes and self-characterizations in Germany and Nigeria: A cross-cultural comparison // Journal of Applied Social Psychology. – 2022. – Vol. 52. – №. 8. – P. 764-780.
6. Richardson M. A., Roberts R. Modern women and traditional gender stereotypes: An examination of the roles women assume in Thailand's agricultural system // Journal of International Agricultural and Extension Education. – 2020. – Vol. 27. – №. 4. – P. 7-21.
7. Segovia-Pérez M. et al. Being a woman in an ICT job: an analysis of the gender pay gap and discrimination in Spain // New Technology, Work and Employment. – 2020. – Vol. 35. – №. 1. – P. 20-39.
8. Silander C. et al. Nordic research on gender equality in academic careers: a literature review // European Journal of Higher Education. – 2022. – Vol. 12. – №. 1. – P. 72-97.
9. Stone K. Motherhood and waged work: West Indian, Asian and white mothers compared // One Way Ticket. – Routledge, 2022. – P. 33-52.
10. Tremmel M., Wahl I. Gender stereotypes in leadership: Analyzing the content and evaluation of stereotypes about typical, male, and female leaders // Frontiers in Psychology. – 2023. – Vol. 14. doi: 10.3389/fpsyg.2023.1034258

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД, (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

УДК 159.9.07

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_91

ОСОБЕННОСТИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Ильичёв Иван Владимирович

Преподаватель кафедры физического воспитания, ФГБОУ ВО Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

E-mail: ewan.tennis@yandex.ru

Аксенов Александр Александрович

Преподаватель кафедры физического воспитания, ФГБОУ ВО Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

E-mail: a.axenoff2018@yandex.ru

Воронина Наталья Валерьевна

Преподаватель кафедры физического воспитания, ФГБОУ ВО Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

E-mail: doki.o6@mail.ru

Аксенова Александра Андреевна

Лаборант кафедры компьютерной и информационной безопасности ФГБОУ ВО МИРЭА, Российский технологический университет

E-mail: sashunya/strelkova2000@ya.ru

Данная работа направлена на выявление специфики стрессоустойчивости студентов вузов различных специальностей. Авторы исследуют механизмы социально-психологической адаптации и стрессоустойчивости студентов, выявляя наиболее проблемные моменты. В статье подчеркивается, что стресс, по мнению ряда авторов, является неотъемлемой частью обучения и поэтому очень важно формировать стрессоустойчивость студентов с первых курсов обучения по различным направлениям.

Объектом исследования в данном случае является стрессоустойчивость студентов, предметом-специфика механизмов стрессоустойчивости в зависимости от специальностей и направлений подготовки.

На базе ряда вузов автором проведено практическое исследование, отражающее цель и содержание данной работы и на основании его результатов предложены рекомендации по психолого-педагогической работе со студентами.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, адаптация, высшее образование, ресурсы стрессоустойчивости, жизнестойкость, стресс, уровень тревожности,

адаптационный потенциал, эмпирическое исследование, образовательный процесс, рекомендации психолога, саморегуляция.

FEATURES OF STRESS RESISTANCE OF STUDENTS OF VARIOUS SPECIALTIES

Ilyichev Ivan Vladimirovich

Teacher of the Department of Physical Education in Moscow
Aviation Institute (National Research University)

E-mail: ewan.tennis@yandex.ru

Aksenov Alexander Alexandrovich

Teacher of the Department of Physical Education in Moscow
Aviation Institute (National Research University)

E-mail: a.axenoff2018@yandex.ru

Voronina Natalia Valeryevna

Teacher of the Department of Physical Education in Moscow
Aviation Institute (National Research University)

E-mail: doki.o6@mail.ru

Aksenova Alexandra Andreevna

Laboratory assistant of the Department of Computer and Information Security
MIREA, Russian Technological University

E-mail: sashunya/strelkova2000@ya.ru

E-mail: sashunya/strelkova2000@ya.ru

This work is aimed at identifying the specifics of stress resistance of university students of various specialties. The authors investigate the mechanisms of socio-psychological adaptation and stress tolerance of students, identifying the most problematic moments. The article emphasizes that stress, according to a number of authors, is an integral part of learning and therefore it is very important to form the stress resistance of students from the first courses of study in various fields.

The object of research in this case is the stress resistance of students; the subject is the specifics of the mechanisms of stress resistance depending on the specialties and areas of training.

Based on a number of universities, the author conducted a practical study reflecting the purpose and content of this work and based on its results, recommendations for psychological and pedagogical work with students were proposed.

Keywords: stress resistance, adaptation, higher education, stress resistance resources, resilience, stress, anxiety level, adaptive potential, empirical research, educational process, psychologist recommendations, self-regulation.

Актуальность. Современный образовательный процесс в высшей школе имеет определенную специфику, касающуюся не только содержания обучения и формирования компетентностей у студентов, но также и психолого- педагогического сопровождения образования. Информационная нагрузка, объем изучаемого материала, а также необходимость сочетания аудиторной нагрузки с практической деятельностью, разнообразный контингент студентов, специфика различных направлений подготовки обуславливают возникновение стресса у студентов уже на первом курсе, что негативно сказывается на социализации, скорости и качестве

усвоения учебной информации. Сложности, связанные с эмоциональным дискомфортом, интенсивным напряжением в процессе обучения ведут к формированию устойчивого стресса, а также к психофизиологическому истощению [4].

В контексте вышесказанного представляется актуальным изучение особенностей проявления стресса, а также развития стрессоустойчивости у студентов различных направлений подготовки. Целью работы определено изучение особенностей стрессоустойчивости у студентов различных специальностей. Объектом исследования является стрессоустойчивость студентов, предметом определена специфика механизмов стрессоустойчивости в зависимости от специальностей и направлений подготовки.

Для достижения цели, поставленной на начальном этапе исследования, нами определен ряд задач:

1. Исследовать специфику стресса, возникающего у студентов в вузе;
2. Определить особенности стрессоустойчивости у студентов;
3. Разработать рекомендации для развития стрессоустойчивости у студентов.

Методы и методология

Наиболее значимыми источниками по тематике исследования мы определили, как классические исследования по тематике изучения стресса (Г. Селье, В. Кеннон, А. Розенблют), так и современные публикации, отражающие изучение общей тематики стресса (Е.О. Зятькова, И.Я. Стоянова, Н.А. Бохан), так и специфические, по выявлению стрессоустойчивости студентов (А.Ф. Амиров, Ю.Е. Коньшина, А.Э. Гайсина, И.Ф. Халитова).

В качестве основных методов работы нами использованы теоретические (теоретико- методологический и сравнительный анализ источников по данной тематике), а также практические (опрос и анкетирование студентов различных направлений и специальностей).

Базой практического исследования определен ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», диагностическое обследование студентов- бакалавров 1 курса в количестве 35 человек различных направлений подготовки.

Результаты и их обсуждение

Изучение стресса является одним из наиболее актуальных направлений в психологии. Понятие стресса, его сущность и содержание претерпели существенное изменение со времен Г. Селье, В. Кеннона. Г. Селье в своих работах делал акцент на мотивационном компоненте стресса, становлении его как фактора, способствующего когнитивному и эмоциональному развитию человека [10]. Результаты практических исследований подтвердили максимальную эффективность работы обучающихся различных возрастов в условиях нестабильности, при оптимальной сложности учебных задач [4]. В контексте данных работ стресс необходимо рассматривать не только как результат воздействия большой информационной нагрузки, нарушения механизмов социализации, но и как основу для совершенствования навыков учебной деятельности, а также инструментов психологической защиты и мобилизации.

Стресс, по мнению большинства ученых, оказывает негативное влияние на работоспособность, выстраивание отношений с окружающими, развитие механизмов адаптации в процессе обучения (Е. А. Махрина, А. В. Василенко). Данные авторы также подчеркивают большое влияние стресса на развитие личностных качеств, профессиональную успешность в дальнейшем. Стрессоустойчивость, как качество, которое можно развивать и совершенствовать, позволяет снижать вредное воздействие стресса на учебную и иную деятельность, развитие творческих способностей. За период обучения в вузе происходит не только профессиональное, но и личностное развитие студентов, появляется способность к самоанализу, определению своего личностного потенциала, построению дальнейших жизненных перспектив [7].

Именно поэтому важно выявить специфику стресса, а также становления стрессоустойчивости у студентов различных направлений подготовки, ориентируясь на качественные различия в зависимости от курса и специальности. Как подчеркивает И. С. Дьяков, в процессе обучения приоритетным является исследование эмоционального и информационного стресса, которые очень тесно связаны между собой. Большой объем информации, необходимость воспринимать и перерабатывать ее с большой скоростью обуславливают раннее возникновение стресса у студентов, а также снижение интеллектуальных функций и ухудшение когнитивных процессов. Данные тенденции связаны с актуальностью формирования и развития стрессоустойчивости в качестве взаимодействия всех психических процессов, в том числе, активное включение эмоциональной сферы (Б. Х. Варданян, С. И. Дьяков). По нашему мнению, стрессоустойчивость обеспечивает гармоничное функционирование всех психических процессов, особенно в проблемных и конфликтных ситуациях, что способствует продуктивной социальной и учебной деятельности. Как интегративное качество личности, стрессоустойчивость объединяет в себе эмоционально-волевые, интеллектуальные мотивационные компоненты личности, которые содействуют психологической самоорганизации в жизни в целом, и в учебной деятельности, в частности.

Большинство современных исследователей [2;4; 5] в качестве основных задач ставят перед студентами развитие толерантности к стрессу, восприятие его с положительной точки зрения и выработку механизмов психической саморегуляции и совладания со стрессом.

Е.В. Абраменко, Е.Г. Ефимов [1] подчеркивают, что в соответствии с причинами стресса (высокие учебные нагрузки, непонимание студентами друг друга, низкая культура общения), необходимо совершенствовать компоненты стрессоустойчивости, опираясь на преобладающие факторы формирования стресса. При этом важно опираться на особенности студенческого возраста, в котором возможна максимальная творческая деятельность, реализация учебного и научного потенциала. В данном случае отмечается, что высокий уровень стресса провоцирует ухудшение самочувствия студентов, снижение уровня здоровья, что повышает неудовлетворенность учебным процессом, снижает качество усвоения учебного материала [1]. Трудности в обучении, в свою очередь, обуславливают возникновение нарушений в развитии механизмов социальной адаптации, созданию общего дискомфорта в жизни студентов [7].

Анализируя результаты научных и практических исследований стресса, мы пришли к выводу о необходимости диагностики стрессоустойчивости студентов для дальнейшей выработки рекомендаций по психологическому сопровождению процесса обучения вне зависимости от специальности и направления подготовки.

Эмпирическое исследование стрессоустойчивости проводилось нами совместно с психологической службой Волгоградского социально-педагогического университета в контексте разработки программ психолого-педагогического сопровождения для психологов и кураторов курсов. В качестве основных диагностических методик нами были определены тест самооценки стрессоустойчивости (С. Коухен, Г. Виллиансон), тест «Шкала личностной тревожности» Ч. Д. Спилбергера, методика Е. А. Тарасова «выявления степени подверженности стрессорным воздействиям». Кроме того, был проведен опрос, направленный на изучение мотивации поступления и обучения на данных направлениях.

Данные методики позволяют выявить корреляцию между такими личностными характеристиками как тревожность, самооценка и стрессоустойчивость. В течение 2022-2023 учебного года нами были обследованы 35 человек, обучающихся на 1 курсе гуманитарных и естественно-научных направлений. В процессе данного исследования было определено, что 24% студентов имеют высокий уровень стрессоустойчивости, а 5% - очень высокий. Студенты данных групп имея высокую устойчивость к стрессу, хорошо учатся, отмечают важность включения в занятия по интересам, придают большое значение позитивной коммуникации со сверстниками. 41% студентов имеет

высокую оценку собственной стрессоустойчивости, 18%- немного выше среднего. В своих ответах они отмечают достаточно успешную адаптацию к сложным жизненным обстоятельствам, а оставшиеся 12% с низкой самооценкой сформированности механизмов устойчивости к стрессу называют в качестве основных проблем затруднения в общении с одногруппниками, сложности в усвоении учебного материала. Они подчеркивают, что ситуации стресса оказывают негативное воздействие на учебную и социальную жизнь, а также препятствуют занятиям наукой и творчеством.

Стрессоустойчивость, по мнению 47% опрошенных, является не только личностной характеристикой, но и результатом минимизации тревожности, конфликтности, развития эмпатии, толерантности и коммуникативных качеств.

В отношении подверженности стрессорным воздействиям были получены следующие результаты: студенты естественно- научных направлений подготовки показали более высокие результаты (53,6 балла при норме 31-46 баллов), тогда как у студентов, обучающихся по гуманитарным направлениям общие показатели находятся на среднем уровне (43,9 баллов). Рабочей гипотезой в данном случае мы определили сопоставление полученных данных с результатами опроса по тематике поступления и обучения. На вопрос «Почему вы выбрали обучение по данному направлению?» 68% студентов ответили, что не поступили на желаемый факультет и им было предложено обучение здесь, 13% при этом вообще не желали продолжать учебу, и только 19% были полностью удовлетворены учебным процессом. При этом студенты, обучающиеся на гуманитарных направлениях, показали высокий уровень учебной мотивации, желание обучаться именно на тех направлениях и специальностях, на которые поступили.

Определяя взаимосвязь между подверженностью стрессовым воздействиям и учебной мотивацией, можно подчеркнуть, что мотивация обучения у студентов, поступивших на нежелательные направления подготовки, находится на среднем или средненизком уровне и высокий уровень подверженности стрессам обусловлен большим объемом сложно понимаемой информации, нежеланием и трудностями адаптации в учебном процессе, а также постоянным страхом получить низкие баллы, не сдать экзамен, неправильно ответить на семинаре.

Результаты теста самооценки стрессоустойчивости отразили пониженную самооценку (21,9 баллов при норме 10-19 баллов) у студентов, которые учатся на естественно-научных направлениях и среднюю самооценку (18,75) у тех, кто учится на гуманитарных направлениях. Высокой самооценки ни у кого выявлено не было.

По шкале личностной тревожности Спилбергера было выявлено, что личностная тревожность у всех студентов находится на высоком уровне (от 49,7 до 54 баллов). По мнению студентов, это связано не только с учебной мотивацией, но и с высокой ответственностью, переживаниями за результаты экзаменов. Большинство учебных ситуаций воспринимаются ими как потенциально нежелательные, имеющие определенную степень риска получения низких баллов либо нежелательной оценки преподавателями или одногруппниками.

Наличие повышенного уровня тревожности определяет снижение учебной мотивации, а также минимизирует способности к стрессоустойчивости студентов, что, безусловно, оказывает негативное влияние на качество обучения и восприятие учебной информации.

По результатам исследования были выявлены следующие причины появления стрессов у студентов:

- нежелание учиться на данных направлениях подготовки (68%)
- повышенная учебная нагрузка на лекциях и большой объем информации, необходимый для подготовки к семинарам и экзаменам (34%);
- неправильно организованный режим питания и обучения, включая чтение учебников в ночное время и ранним утром (15%);

- сложности в установлении контакта с преподавателями, которые не всегда могут и хотят учесть индивидуальные особенности студентов при обучении (14%);
 -недопонимание и конфликты среди студентов (5%).

Данные причины позволяют нам выработать рекомендации по организации психологического сопровождения и повышению уровня стрессоустойчивости у студентов:

- вовлечение в сопровождение учебного процесса кураторов курса, психологов, а также преподавателей, ведущих основные дисциплины;
- использование в процессе обучения методов и средств, которые позволяют сделать обучение более интересным, комфортным;
- организация мероприятий, направленных на улучшение психологического климата в группах, сплочение, организацию коллективных творческих дел;
- проведение занятий, бесед, тренингов, ориентированных на повышение уровня стрессоустойчивости у студентов, позволяющих преодолевать эмоциональные, психологические и жизненные трудности [6].

При реализации данных рекомендаций нам представляется интересной точка зрения С. Мадди, отраженная в работах Е.О. Зятыковой, И.Я. Стояновой, Н.А. Бохан [5], которая предполагает восприятие риска и стресса как ресурса саморазвития, фактора укрепления стрессоустойчивости. Именно на этом мы предлагаем акцентировать внимание при организации работы психологов и кураторов в вузе.

Выводы и рекомендации

В качестве основных результатов исследования необходимо отметить то, что в различных источниках стресс воспринимается не только как фактор, который негативно воздействует на учебную и социальную жизнь студентов, но и как ресурс, позволяющий формировать механизмы стрессоустойчивости, социальной адаптации, повышения качества обучения.

Выявленные нами взаимосвязи между учебной мотивацией, уровнем тревожности и самооценкой стрессоустойчивости определяют необходимость работы психолога прежде всего, с желанием студентов учиться на конкретных направлениях подготовки, повышением учебной мотивации, а также организацией психологически комфортного пространства в вузе. Средний уровень самооценки стрессоустойчивости у студентов- гуманитариев обусловлен спецификой выбора профессии и повышенным уровнем учебной мотивации.

Исходя из этого, психологическое сопровождение развития стрессоустойчивости у студентов различных специальностей необходимо выстраивать начиная с первого курса, не только индивидуально, но и в группах, моделируя потенциально стрессовые ситуации и анализируя варианты их разрешения с минимальными эмоциональными затратами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абраменко Е.В., Ефимов Е.Г. Исследование стрессоустойчивости и конфликтности в контексте психологической безопасности студента // КПЖ. 2019. №3 (134). С.89-92.
2. Амиров А.Ф., Коньшина Ю.Е., Гайсина А.Э., Халитова И.Ф. Оценка уровня тревожности и педагогические меры повышения стрессоустойчивости студентов младших курсов // Медицинский вестник Башкортостана. 2019. №2 (80). С. 30-34.
3. Анохин А. М., Воробьева А. Р. Психолого-педагогические условия формирования стрессоустойчивости у студентов колледжа // Мир науки и мысли. The World of Science and Ideas. 2023. №1. С. 104-107.
4. Дьяков С. И. Стрессоустойчивость студентов-психологов разного профиля обучения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2022. №1 (74). С. 87-96.

5. Зятькова Е.О., Стоянова И.Я., Бохан Н.А. Психологические ресурсы стрессоустойчивости и жизнестойкости студентов в контексте психического здоровья // Ученые записки университета Лесгафта. 2021. №5 (195). С. 483-487.
6. Кравчук А.А., Слюсарева М.А., Прохненко А.В. Психологические особенности проявления стрессоустойчивости студентов различных специальностей // Форум молодых ученых. 2020. №12 (52). С. 294-298.
7. Махрина Е. А., Василенко А. В. Особенности стрессоустойчивости студентов-первокурсников // E-Scio. 2022. №6 (69). С. 1-10.
8. Новикова К. В., Ткач Е. Н., Рубанова Е. Ю.. Взаимосвязь стрессоустойчивости и личностного адаптационного потенциала (на примере студентов университета) // Живая психология. Т. 9 №3.№7. 2022. С. 132-140.
9. Повышение чувствительности денервированных структур, пер. с англ., М., 1951 (совм, с Розенблют А.). 348 с.
10. Селье Г. Стресс без дистресса, М.: Прогресс, 1982. 139 с.
11. Сугрובה Н. Ю. Обучение студентов педагогического вуза умению планировать и анализировать свою деятельность на практических занятиях// Живая психология. Т. 10 №3.2023. С. 132-140.
12. Шуткина Ж. А., Бурова Е. А., Лобанов С. Н. Взаимосвязь стрессоустойчивости и личностной тревожности у студентов с разным уровнем саморегуляции // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №75-2. С. 417-419.

УДК 159.9.07

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_98

ДИАГНОСТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ БАРЬЕРОВ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

Соболевская Татьяна Викторовна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

E-mail: 2014101156@pnu.edu.ru

Ткач Елена Николаевна

Доцент, кандидат психологических наук,

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

E-mail: elenat3004@mail.ru

В статье представлены результаты теоретико-эмпирического исследования психологических барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов университета. Уточнено понятие психологических барьеров учебно-профессиональной деятельности и предпринята попытка классифицировать их по группам. Результаты проведенного эмпирического исследования свидетельствуют о том, что у студентов возникают разные психологические барьеры учебно-профессиональной деятельности. Студенты подтверждены депрессивным состоянием, они сталкиваются с отсутствием поддержки со стороны окружения, есть студенты, для которых актуальны сниженная мотивация, стресс, усталость, страх, тревожность, недовольство собой. Все эти студенты нуждаются в специально организованной психолого-педагогической помощи.

Ключевые слова: психологические барьеры, учебно-профессиональная деятельность, студенты.

DIAGNOSIS OF PSYCHOLOGICAL BARRIERS EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL ACTIVITIES UNIVERSITY STUDENTS

Sobolevskaya Tatyana Viktorovna

postgraduate student, Pacific National University

E-mail: 2014101156@pnu.edu.ru

Tkach Elena Nikolaevna

Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences,

Pacific National University, Khabarovsk

E-mail: elenat3004@mail.ru

The article presents the results of a theoretical and empirical study of psychological barriers to the educational and professional activities of university students. The concept of psychological barriers to educational and professional activities has been clarified and an attempt has been made to classify them into groups. The results of the empirical study indicate that students experience different psychological barriers to educational and professional activities. Students are confirmed to have depressive states, they are faced with a lack of support from the environment, there are students for whom reduced motivation, stress,

fatigue, fear, anxiety, and dissatisfaction with themselves are relevant. All these students need specially organized psychological and pedagogical assistance.

Keywords: *psychological barriers, educational and professional activities, students.*

С проблемой психологических барьеров учебно-профессиональной деятельности сталкивается в той или иной степени большая часть студентов университета. Такие барьеры, проявляясь в форме определенного психоэмоционального состояния, могут возникать в результате высокой тревожности, боязни неудачи, чрезмерной самокритичности и неадекватной когнитивной оценки своих возможностей в учебно-профессиональной деятельности [9, 20, 22, 25].

Различные психологические барьеры учебно-профессиональной деятельности студентов, вызывая существенное психическое напряжение и глубокие переживания, зачастую приводят к ригидности поведения обучающихся в образовательной среде.

Вопросы, связанные с изучением психологических барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов университета, весьма актуальны, так как обучение в университете занимает значительную часть времени и жизни обучающихся, к тому же университет – это не просто место получения профессиональных знаний и умений, это пространство социализации человека, воспитания личности, погружения в значимую учебно-профессиональную среду, где студент должен научиться самостоятельно задействовать и продуктивно использовать свои ресурсы для преодоления возникающих трудностей.

Обнаруживается противоречие между потребностью в решении проблемы выявления и преодоления психологических барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов, обучающихся в университете, и отсутствием информации об актуальном состоянии студентов в образовательном пространстве университета и ресурсах для оказания нуждающимся адекватной психолого-педагогической помощи.

Цель исследования – выявить и проанализировать содержание и выраженность психологических барьеров студентов университета.

Задачи исследования:

- 1) осуществить анализ проблемы психологических барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов университета;
- 2) разработать и применить диагностическую анкету для выявления психологических барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов университета;
- 3) проанализировать полученные результаты.

Теоретические основания исследования

Сфера исследований по проблеме психологических барьеров учебной и профессиональной деятельности студентов разнообразна и получила освещение в работах Дроздовой Н.В., Яруллиной Л.Р., Сибгатуллина Р.Р., Гудименко О.В., Назарова С.М., Васильевской Е.А., Маниной В.А., Подымова Н.А. и других [1–25].

На основе анализа научной психолого-педагогической литературы было уточнено понятие психологических барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов.

Под психологическими барьерами учебно-профессиональной деятельности студентов мы понимаем психическое состояние, вызывающее эмоциональное напряжение и психологический дискомфорт, возникающее в процессе обучения и тормозящее процесс формирования навыков, умений и развитие личностных и профессиональных способностей личности.

Для удобства восприятия информации мы предприняли попытку классифицировать выделенные причины, вызывающие трудности обучающихся, по группам и представили совокупность психологических барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов в виде модели (рисунок 1).

Рисунок 1 – Модель психологических барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов

Опираясь на представленную нами классификацию, охарактеризуем более подробно выделенные нами психологические барьеры учебно-профессиональной деятельности студентов.

1. Когнитивные барьеры – это препятствия, которые мешают воспринимать, обрабатывать и запоминать информацию. Данные барьеры могут возникать из-за различных факторов, например, таких, как забывчивость, трудности запоминания и сосредоточения, отвлекаемость и медленный темп мышления. Кроме этого к факторам возникновения когнитивных барьеров можно отнести недостаток знаний и опыта, предубеждения и стереотипы. Такие барьеры оказывают влияние на формирование основных структурных компонентов учебной деятельности: мотивации, учебной задачи, учебных действий и операций, контроля и оценки результатов деятельности [19].

2. Психоэмоциональные барьеры – это возникающий дискомфорт, который проявляется в виде беспокойства, подавленности, агрессии. Чрезмерное психоэмоциональное напряжение мешает обучающимся сосредотачиваться на учебном процессе и рождает мнимую проекцию присутствия проблем [13].

3. Барьеры неуверенности у обучающихся могут быть связаны с разными причинами, например, с разного рода страхами и сомнениями, связанными с самоосуществлением среди других людей: страх сделать ошибку, показаться «не таким», страх собственной некомпетентности (невроз некомпетентности). Обучающиеся могут перестать проявлять активность в образовательном пространстве, утрачивая субъектность.

4. Мотивационные барьеры характеризуется низким уровнем мотивации к

учебному процессу. Братцева О.А. и Пырьева Е.В. выделяют следующие критерии наличия у обучающихся мотивационных барьеров в учебно-профессиональной деятельности: отсутствие стремления к приобретению знаний, желание получить диплом при формальном усвоении знаний, поиск обходных путей при сдаче экзаменов и зачетов, неудовлетворенность выбором профессии [2].

5. Волевые барьеры. В образовательном процессе могут возникать ситуации, где обучающимся необходимо проявить волевые качества, например усердие, настойчивость, ответственность. Это могут быть ситуации, связанные с необходимостью достаточно длительного проявления Я-усилий при отсутствии мощной мотивации, в частности при столкновении с проблемами, трудностями, нежеланием осваивать учебный материал, выполнять определенные задания и др. Для продуктивного, полноценного развития от человека как субъекта жизнедеятельности требуется выдерживать возникающее напряжение и проявлять усилия. Если человек демонстрирует неспособность к длительным усилиям, это может быть серьезным барьером в процессе развития, в том числе в контексте учебно-профессиональной деятельности и обрекать прекрасные и значимые начинания на бесплодность [12].

6. Коммуникативные барьеры. В нашем исследовании мы относим к коммуникативным барьерам такое явление, как отсутствие обратной связи от окружающих, то есть дефицитарность, нехватку информации о себе от других. Рассматривая данный барьер в плоскости учебной деятельности и взаимодействия между субъектами образовательного процесса, стоит отметить, что переживания, связанные с непродуктивной коммуникацией с другими людьми, в частности участниками образовательного процесса, снижают эффективность учебно-профессиональной деятельности обучающихся, так как затрудняют передачу информации, препятствуют пониманию друг друга, ухудшают взаимоотношения [15].

7. Психологические барьеры учебно-профессиональной деятельности студентов могут быть связаны с различными аспектами учебного процесса, такими как нагрузка, стресс, утомление. Они могут стать причиной снижения эффективности обучения, ухудшения здоровья и общего благополучия обучающихся. Возникновение психологических барьеров может быть обусловлено индивидуальными особенностями обучающихся, например, типом нервной системы, что важно учитывать в процессе организации образовательного процесса.

Организация и результаты эмпирического исследования

Эмпирическое исследование было организовано и проведено в 2022–2023 гг. Общая выборка составила 154 студента ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» (г. Хабаровск).

В работе были использованы такие методы исследования, как анкетирование, описание, сравнение, контент-анализ.

В качестве основной диагностической методики была использована специально разработанная анкета по выявлению психологических барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов.

Анализ полученных данных позволил выявить, что 93% студентов в той или иной степени сталкиваются с психологическими барьерами учебно-профессиональной деятельности, которые вызывают напряжение и тормозят процесс обучения. Только 7% опрошенных студентов отметили, что никогда не сталкиваются с психологическими барьерами учебно-профессиональной деятельности. Результаты опроса представлены на рисунке 2.

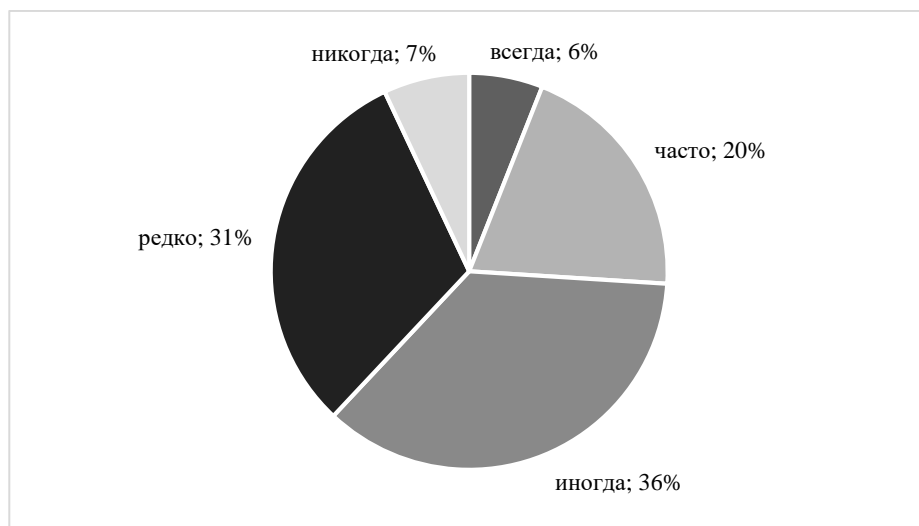

Рисунок 2 – Выраженность частоты столкновения студентов с психологическими барьерами учебно-профессиональной деятельности

В анкете нами был дан примерный список причин, выступающих в роли препятствий, возникающих в процессе обучения, вызывающих напряжение, стресс и тормозящих процесс приобретения учебно-профессиональных навыков. В результате проведенного эмпирического исследования были получены определенные результаты.

Со всеми выделенными нами когнитивными барьерами сталкивается большая часть студентов, как наиболее часто возникающие были отмечены такие барьеры, как забывчивость и трудности запоминания, отвлекаемость, трудность сосредоточиться и удерживать внимание (рисунок 3)

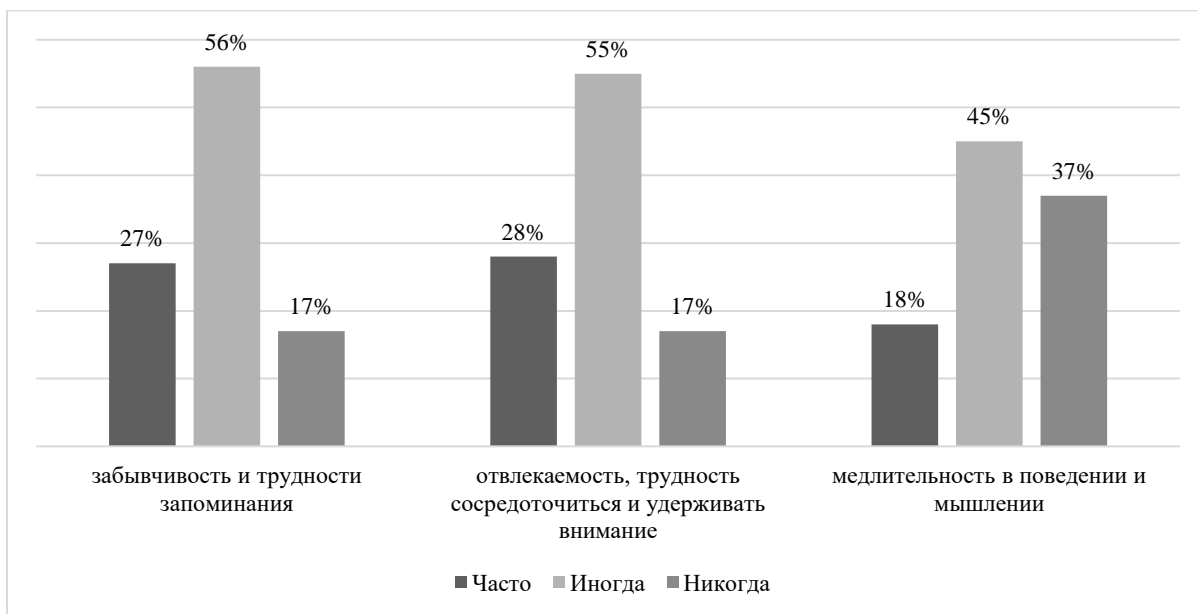

Рисунок 3 – Выраженность когнитивных барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов

В процессе исследования было выявлено, что быструю утомляемость актуальна для большей части опрошенных студентов (рисунок 4).

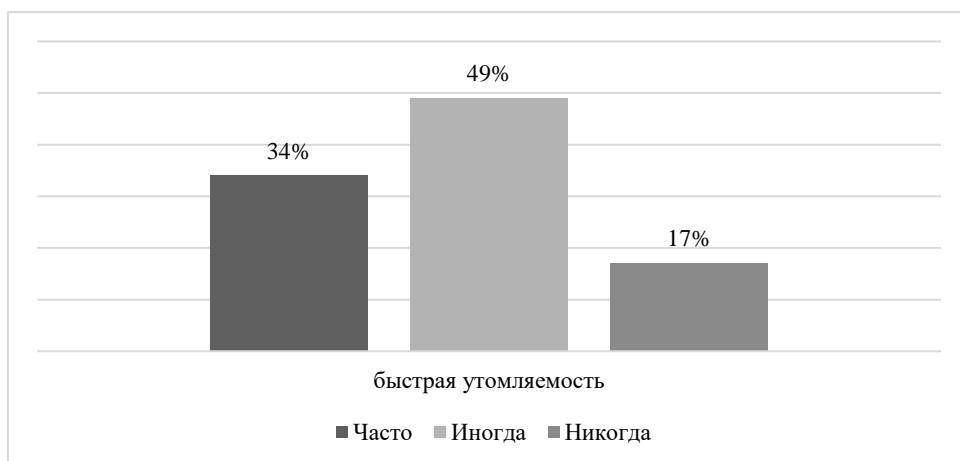

Рисунок 4 – Выраженность психофизиологических барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов

Наименее распространенной среди психоэмоциональных барьеров является вспыльчивость. Стеснительность и робость, сильное волнение на самостоятельных, контрольных, устных ответах, экзаменах испытывает также большая часть опрошенных студентов (рисунок 5)

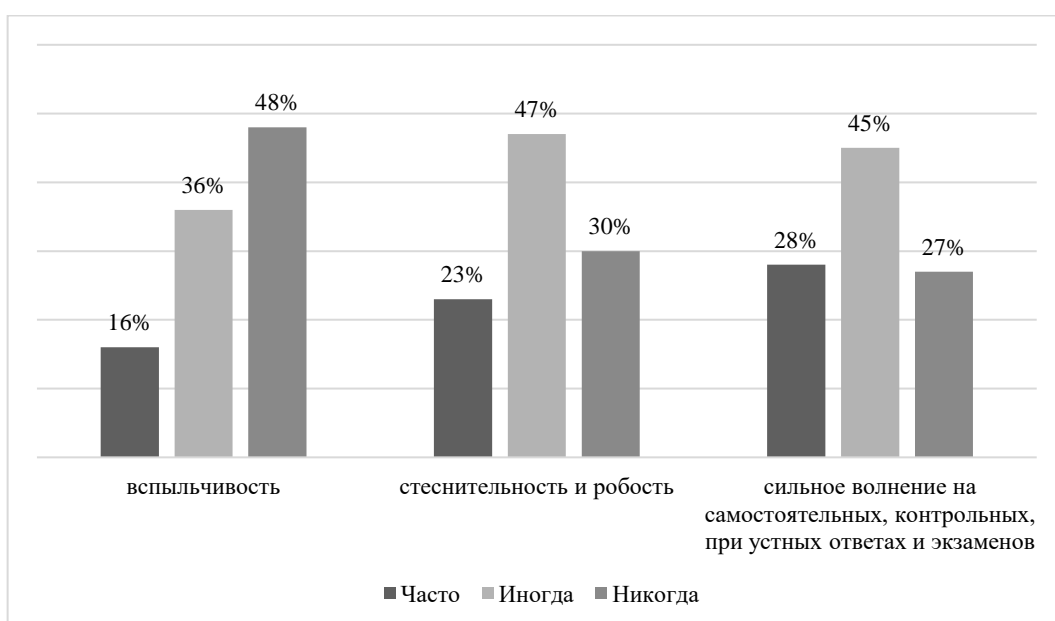

Рисунок 5 – Выраженность психоэмоциональных барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов

Барьеры неуверенности актуальны для большей части студентов, они в той или иной степени испытывают страх говорить на учебных занятиях, страх сделать ошибку и страх собственной некомпетентности (рисунок 6).

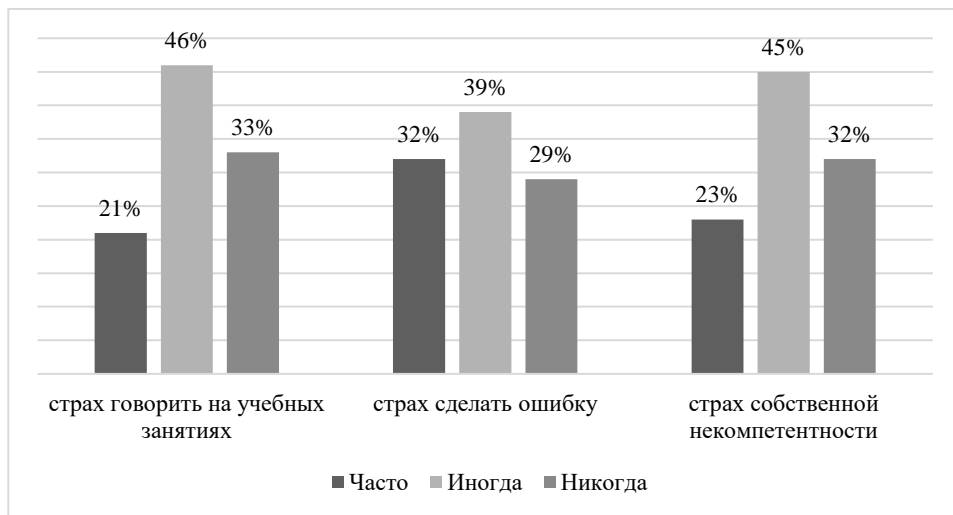

Рисунок 6 – Выраженность барьеров неуверенности учебно-профессиональной деятельности студентов

Согласно полученным в опросе данным, в определенных обстоятельствах для студентов актуальными становятся мотивационные и волевые барьеры учебно-профессиональной деятельности (рисунок 7, рисунок 8)

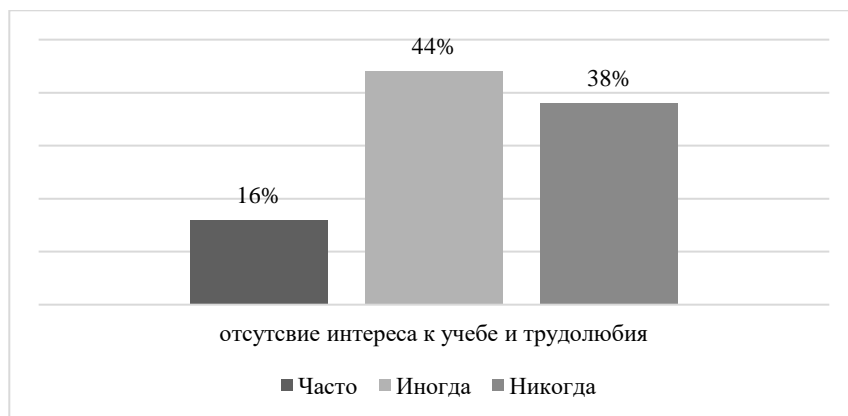

Рисунок 7 – Выраженность мотивационных барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов

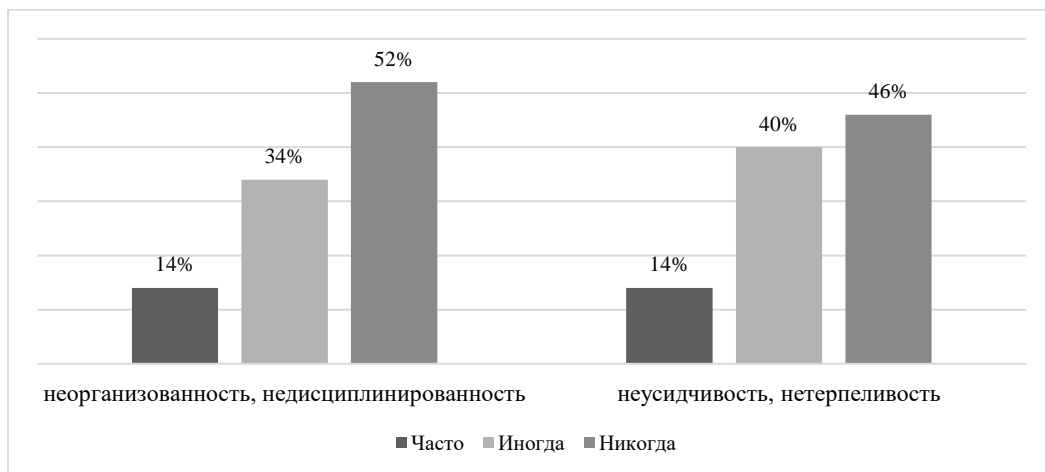

Рисунок 8 – Выраженность волевых барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов

Результаты проведенного опроса показали, что большая часть студентов сталкивается с коммуникативными барьерами учебно-профессиональной деятельности, нуждается в обратной связи от окружающих (рисунок 9)

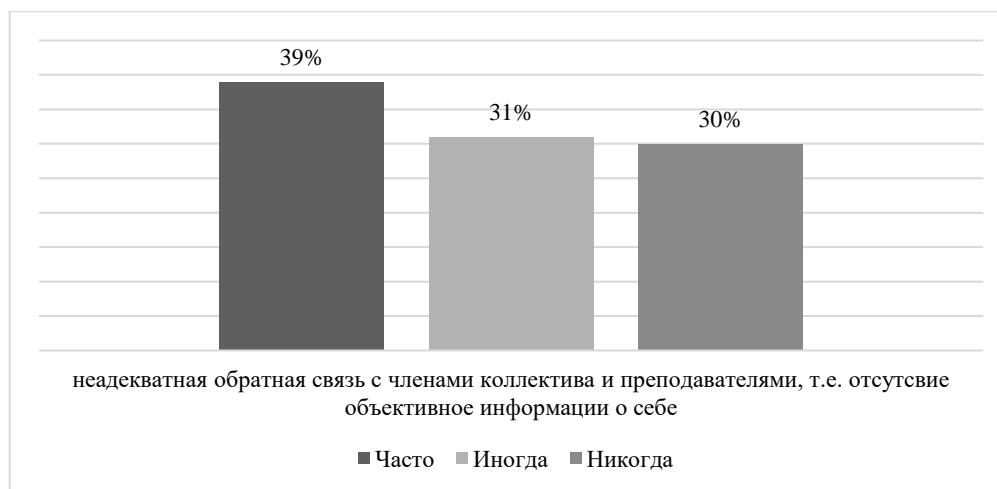

Рисунок 9 – Выраженность коммуникативных барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов

Также студентам было предложено дополнительно дать свободный ответ и ответить на вопрос о том, есть ли ещё какие-либо причины, влияющие на продуктивность учебно-профессиональной деятельности, снижающие эффективность обучения в университете и не позволяющие реализовывать на практике приобретенные знания, навыки и умения? Из всех полученных ответов мы выделили 39 ответов, относящихся к психологическим барьерам.

Метод контент-анализа свободных ответов студентов позволил сгруппировать и выделить следующие психологические барьеры учебно-профессиональной деятельности (таблица 1).

Таблица 1

Результаты контент-анализа свободных ответов студентов

Психологический барьер	Высказывания студентов	Количество человек
Прокрастинация и лень	«Моя лень и откладывание дел на потом»; «Прокрастинирую»; «Не могу вовремя сдать задания»	8
«Я» в качестве причины	«Я сама и есть причина» «Законы мои мне мешают, да и всё в принципе»	8
Депрессивное состояние, смыслоутрата	«То, что я не вижу смысла вертеться как юла, потому что жить-то не хочется»	5
Отсутствие поддержки в группе и со стороны близких, некомфортная атмосфера в группе, окружение	«Отсутствие поддержки со стороны одногруппников»; «Атмосфера в группе»; «Чувствую себя в группе не в своей тарелке»; «Одногруппники не поддерживают меня»	5
Отсутствие мотивации	«Отсутствие понимания для чего учиться»	4

Усталость и стресс	«У меня стресс»; «Сильно устаю»	4
Страх проявлять себя	«Не могу говорить в аудитории с людьми»; «Страх публично выступать»	3
Тревожность	«Мне тревожно»; «Тревожусь и это мне мешает»	2

Анализ полученных данных показал, что для студентов актуальны прокрастинация и лень. Обращают на себя внимание ответы респондентов о депрессивных состояниях, об отсутствии поддержки в студенческой группе, у некоторых студентов отсутствует мотивация, для некоторых актуальны стресс, усталость, страх, тревожность, недовольство собой.

На основании всего вышесказанного мы можем констатировать, что у студентов университета возникают разные психологические барьеры учебно-профессиональной деятельности. Обращает на себя внимание тот факт, что студенты подтверждены депрессивным состоянием и тревожности, а также сталкиваются с отсутствием поддержки со стороны окружения.

Проведенное нами исследование позволило обозначить и выявить актуальное состояние изучаемой проблемы. Научные изыскания в этом направлении будут продолжены, перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в детальной проработке модели психологических барьеров учебно-профессиональной деятельности. Наиболее перспективной для нас является идея разработки теоретических оснований и практических механизмов реализации процесса оптимизации образовательного пространства, направленных на оказание продуктивной психолого-педагогической помощи студентам в преодолении психологических барьеров учебно-профессиональной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богуславская В.Ф., Мирошниченко А.В., Осипова А.А. Проблема смысловых барьеров в обучении // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №7(6).
2. Братцева О.А., Пырьева Е.В. Мотивационные барьеры студентов: понятие, причины, способы преодоления // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5(96). С. 50-53.
3. Василевская Е.А., Манина В.А. Проблема преодоления психологического барьера учебной деятельности в отечественной психологии // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017. №27. С.182-188.
4. Галушак К.Ю., Хамзеева Д.Р. Психологические барьеры в профессиональной деятельности педагога // Вестник науки и образования. 2021. № 8-3(111). С.77-80.
5. Гарданова Ж.Р., Манина В.А. Анализ взаимосвязи уровня саморегуляции поведения и способности к преодолению психологических барьеров у студентов // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2021. №9. С.67-75.
6. Гринюков А.А. Учебно-профессиональная деятельность, ведущая деятельность в юношеском возрасте // Студенческий научный форум. URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018003303> (дата обращения: 01.11.2022).
7. Гудименко О.В. Самоактуализация как фактор преодоления психологических барьеров у студентов-психологов в процессе профессиональной подготовки: дис. ... канд. психол. наук. Омск, 2007.
8. Дроздова Н.В. Содержание мотивации учебной деятельности студента-психолога на этапе профессионализации как ключевая характеристика психологического барьера // Наука и современность. 2016. № 45. С.78-83.
9. Дроздова Н.В. Формирование конструктивной стратегии преодоления

- студентом психологических барьеров в учебной деятельности : дис. канд. ... психол. наук. Самара, 2009.
10. Зайцева В.А., Понежа Г.А. Психологические барьеры как фактор профессионального роста // Территория науки. 2012. № 1. С.207-212.
 11. Зубкова И.В. Коммуникативные барьеры как фактор повышения риска непонимания в межличностных отношениях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития». 2011. №4(2). С.72-76.
 12. Ишмухаметов Р. Р. Барьеры в самореализации личности // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2011. №2. С. 195-202.
 13. Максимюк Е. В. Источники психологического и эмоционального дискомфорта обучающихся и методические способы их преодоления // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2022. № 3. С. 49-64.
 14. Манина В.А. Психологическая поддержка студентов в преодолении психологических барьеров учебной деятельности : дис. ... психол. наук. Самара, 2015.
 15. Млынарчик И.А., Шакирова Н.М. Коммуникативные барьеры студентов в процессе общения в вузе // Актуальные вопросы современной науки. Томск : ООО «Дендра», 2019. С. 120-126.
 16. Назаров С.М. Психологические барьеры на пути к достижению успеха в профессиональной деятельности // Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами. М.: ООО «Эдельвейс», 2019. С.226-230.
 17. Назметдинова И.С., Столярова С.С. Понимание психологических барьеров и барьероустойчивости в психологической науке // Современная наука. Новый взгляд. Вроцлав: ООО «Диаманд Трейдинг тур», 2015. С.87-91.
 18. Осипова А.А. К вопросу о функциональном анализе психологического барьера // Российский психологический журнал. 2014. №1(2). С.9-16.
 19. Подымов Н.А., Ли Чжан, Нго Т. Н. Психологические барьеры в учебно-профессиональной деятельности студентов // Проблемы современного образования. 2018. №3. С.35-46.
 20. Пономарева Е.Ю. Причины возникновения психологических барьеров у обучающихся высшей школы в понимании предмета познания // Гуманитарные науки. 2021. №2(54). С.141-146.
 21. Самохвалова А.Г. Структурно-функциональная модель психологического благополучия современных студентов / А.Г. Самохвалова, Е.В. Тихомирова, О.Н. Вишневская [и др.]. // Российский психологический журнал. 2021. №18(4). С.47-63.
 22. Соболевская Т.В., Ткач Е.Н. Психологические барьеры учебно-профессиональной деятельности студентов и возможности их преодоления в аспекте здоровьесбережения // Актуальные вопросы и перспективы физической культуры, спорта и безопасности жизнедеятельности. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2023. С.180-186.
 23. Ульянова А.А. Понятие психологического барьера и его виды // Academy. 2018. №1. С.92-95.
 24. Шамсиева Ф.С. Психологическая поддержка студентов в преодолении психологических барьеров учебной деятельности // Вестник науки. 2022. №4(49). С.159-162.
 25. Яруллина Л.Р., Сибгатуллин Р.Р. Учебный стресс как психологический барьер при формировании личности специалиста // Непрерывное профессиональное образование как фактор устойчивого развития инновационной экономики. Казань: ООО «Редакционно-издательский центр «Школа», 2017. С.358-363.

УДК 159.9.078

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_108

ТРЕНИНГ КАК В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ АДАПТИВНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Яро Абубакар

Специалист по работе с иностранными студентами, аспирант кафедры общей психологии, психодиагностики и психологического консультирования, Южно-Уральский государственный университет (НИУ)

E-mail: aboubakaryaro.officiel@gmail.com

Горелова Галина Газимовна

Доктор психологических наук, профессор, факультет психологии, Южно-Уральский государственный университет (НИУ)

В статье рассматриваются теоретические основы повышения адаптивности иностранцев к успешному обучению и жизни в Россию в тесной взаимосвязи с их личностными качествами, такими как жизнестойкость, толерантность и культурный интеллект. Готовность студентов к определённой деятельности требует различных степеней развития этих, как и других качеств. Цель исследования – определить эффективные пути адаптации иностранных студентов на уровне психологической подготовки для реализации их целей приезда в Россию. Научная новизна заключается в теоретическом анализе и определении эффективности результатов тренировочного процесса с опорой на индивидуальные особенности студентов для повышения уровня личностных ресурсов и адаптационного потенциала. Выводы: По итогам наблюдения и рассмотрения теоретического материала, нами был определён ряд личностных особенностей, которые формируют положительную динамику для определения эффективных путей психологической готовности студентов, к адаптации.

Ключевые слова: социальная адаптация, успешная адаптивность, тренинг, иностранные студенты, личностные ресурсы, активный метод обучения, практические методы, рефлексия.

TRAINING AS IN THE SYSTEM OF INCREASING THE ADAPTABILITY OF FOREIGN STUDENTS

Yaro Aboubakar

Specialist of International Student Support, postgraduate student of the Department of General Psychology, Psychodiagnostics and Psychological Counseling, South Ural State University (NRU)

E-mail: aboubakaryaro.officiel@gmail.com

Gorelova Galina Gazimovna

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Faculty of Psychology, South Ural State University (NRU)

The article discusses the theoretical foundations for increasing the adaptability of foreigners to successful education and life in Russia in close relationship with their personal qualities, such as resilience, tolerance and cultural intelligence. The readiness of students for a certain activity requires different degrees of development of these, as well as other qualities. The purpose of the study is to determine effective ways of adaptation of foreign students at the level of psychological preparation for the realization of their goals of coming to Russia. Scientific novelty lies in the theoretical analysis and determination of the effectiveness of the results of the training process based on the individual characteristics of students to increase the level of personal resources and adaptive potential. Conclusions: Based on the results of observation and consideration of theoretical material, we have identified a number of personal characteristics that form a positive trend to determine effective ways of students' psychological readiness for adaptation.

Keywords: *Social adaptation, success adaptability, Training, foreign students, personal reserves, active learning method, practical methods, reflection.*

Важным и эффективным условием прогресса и успешной жизни любого человека являлось и является создание и расширение социального пространства взаимодействия, в котором он адаптируется к ситуации. Поэтому создание интерактивного тренинга такого пространства можно считать стратегической для цели развития перспективных личностных качеств, способствующих повышению адаптивности иностранных студентов к их деятельности и учебе в России.

Иностранные студенты по прибытии участвуют в адаптационных программах, включающих в себя ознакомление с культурой России, туристическими достопримечательностями городов пребывания, структурой своего вуза и др. Но эти факторы дают только важную ознакомительную информацию, не оказывая реального адаптивного влияния на жизнедеятельность иностранных студентов.

Как мы выяснили в ряде предыдущих исследований, в процессе адаптации к новой социальной среде очень важны и необходимы такие личностные качества, как жизнестойкость, культурный интеллект, толерантность к неопределенности и самоотношение. Вот почему так важно иметь первичный инструмент для совершенствования или развития личностных качеств, которые позволят им хорошо учиться, живя в России, тем нивелируя переживания тоски, конфликты с окружающими при принятии чужой и иной культур.

Суть нашей статьи заключается в том, чтобы использовать тренинг как эффективный способ развития у человека выделенных выше личностных качеств. При этом мы исходим из следующих предположений:

- Традиционный тренинг личностного роста, открывая что-то новое в каждом человеке, но не влияет на его адаптацию в новой социальной среде.

- Специальный тренинг, нацеленный, на развитие в необходимых личностных качествах, позволяет иностранным студентам лучше адаптироваться в новой среде.

Академические успехи и самовосприятие иностранного студента во многом зависят от их целей, мотивов, ценностей и социальных ролей в новом для него мире в России.

Необходимо отметить, что любая деятельность не может быть четко понята в полном объеме до тех пор, пока не разработана теория, способная выявить не только ее особенности, но и охарактеризовать ее способности влияния на все составляющие ее факторы.

«Социальная адаптация» – это процесс адаптации человека к условиям окружающей среды, который длится каждый день. Она отличается от физиологической адаптации, которая заключается в том, что люди приспособляются к новым климатическим условиям или же акклиматизируются на новых территориях обитания. С этими данными связываются изменения в поведении и работе человека [1].

Психологические аспекты адаптации – это приспособление человека как личности к жизни в обществе на основе требований этого общества и собственных интересов. Процесс приспособления к условиям социальной среды – социальная адаптация – осуществляется посредством усвоения норм и ценностей данного общества.

Более актуальными причинами, влияющими на адаптацию иностранных студентов в России, считаются проблемы учебного процесса, особенно когда приезжающие не имеют опыта достаточного обучения за рубежом. Часто они испытывают дополнительные трудности (финансовые, социальные, бытовые, психологические и др.). В этой ситуации иностранные студенты должны обладать физиологическими и психологическими ресурсами для скорого и действенного выполнения учебных задач.

Проблемы эффективного образования требуют изменений традиционных способов обучения, поиска форм и методов скорейшей адаптации иностранных и других студентов [2]. Для улучшения приспособленности иностранных студентов к изменяющимся условиям учебы и жизни, через которые они проходят в российских вузах, могут помочь активные методы самопознания. Это возможно если их личностные качественные характеристики активируются через технику тренингов [3].

Тренинг – это кратко временное, но активное изучение, нацеленное на создание, развитие и классификация способностей, необходимых для выполнения профессиональной или личной задачи, и мотивирование человека в отношении увеличения производительности работы [4].

В психологии, тренинг – это активный метод обучения, основанный на выполнении определенных упражнений для развития социальных навыков. Конечно, в процессе обучения участники получают знания. Однако это не чисто теоретическая форма знаний, она обязательно связана с реальным применением [5]. Обучение может проходить в группе или индивидуально.

Если рассматривать тренинг как метод помощи человеку в самореализации или приобретении новых качеств, то он безусловно относится к активным методам [6]. «Активный метод обучения есть средство повышения учебно-познавательной активности учащихся, побуждения к активной интеллектуальной и практической деятельности в процессе освоения предмета, когда активен не только преподаватель, но и студенты» [7]. Для успешного обучения иностранных студентов необходимо наличие активизированных личностных качеств, действующих в психосоциальной среде и соответствующих нормам диапазона адаптивности. Тренинги характеризуются четкой структурой, их можно разделить на блоки с использованием различных методик и форм социального обучения.

Социально-психологический сектор разработал практические методы, стратегии и инструменты для работы с иностранцами, которые испытывают трудности с адаптацией к новым социокультурным условиям. Классификация «ассимиляционистов» и различные варианты социально-психологического тренинга являются наиболее разработанными из возможных методов. Отечественные психологи, такие как Н.М. Лебедева, О.В. Лунева, М.Ю. Мартынова, Т.Г. Стефаненко и А.Н. Татарко, разработали теоретические основы для программ обучения этнической толерантности [8]. Ф.Р. Резников и Г.И. Марасанов на базе РУДН разработал программу тренингов иностранных студентов к адаптации в российском вузе [9]. Для классификации тренингов существует множество причин. В отечественной психологии существует множество классификаций, основанных на степени успеха в достижении результатов.

В экспериментальных исследовательских такие характеристики, как мотивация к учебной деятельности, самооценка, межличностные дела, самоощущения, активность, настроение диагностировались согласно социально-психологическому подходу к адаптации Роджерса и Р. Даймонда, включая

адаптивность/дезадаптивность, принятие/непринятие других, эмоциональный комфорт/дискомфорт, внутренний/внешний контроль, и так далее. [10].

Показатели удачной адаптации системы обычно считается ее жизнеспособность, повышение стойкости к переменам в находящейся вокруг окружающей среде. Можно сказать, что "ген адаптивности", определяющий столкновение с непредсказуемой реальностью в определенной степени, присущ иностранным студентам. Они приезжают из своей страны в Россию, а значит, что они в потенциале обладают склонностью к проявлению таких личностных ресурсов как жизнестойкость и склонность к обладанию культурным интеллектом.

Тренинги с использованием личностных ресурсов помогут определить ряд важных параметров у иностранных студентов:

- определить личностную структуру, которая будет способствовать повышению адаптации;
- активизировать мотивацию учебной деятельности;
- отрабатывать навыки самоанализа и саморазвития;
- повысить умения сплоченности группы;
- улучшить жизненные планы по профессиональной деятельности.

При проведении тренинга используют следующие этапы методы: ритуал приветствия и информационное сообщение, игры-разминки, зеркало, мини-лекции для построения диапазона, флаг команды, ролевые игры с тестированием по ситуации и для вывода, обсуждение и анализ упражнений и рефлексия.

Так, после всех тренингов, проводимых нами в процессе исследования, ряд иностранных студентов-первокурсников и вновь прибывших выразили желание интегрироваться в объединения университета, предложения разные проекты. Это свидетельствует о том, что благодаря условия тренинга, они легче адаптируются к новым условиям обучения и деятельности, быстрее вписываются в новый коллектив и достаточно легко и адекватно ориентируются в жизненных обстоятельствах на новом месте жительства. Проведенный эксперимент и его результаты может быть положен в основу системы психологической поддержки, которая улучшит адаптацию иностранных студентов и разработанное пособие «Успешная адаптация», которое объединяет существующие пособия, используемые в некоторых университетах в социокультурной адаптации, призваны способствовать академическим успехам иностранных студентов.

Процедура проведения тренингов предусматривая, что студенты объединяются в группу, которая будет существовать в течение нескольких лет. Чтобы обеспечить комфортное пребывание в группе и создать благоприятный климат в коллективе, иностранных студентов нацеливали приложить усилия, чтобы адаптироваться к новой группе, узнать друг друга и сблизиться. Задачи тренингов определены в таблице 1.

Таблица 1

Формирование компетенции в определенной области психологической реальности в процессе тренинга

Области	Формирования Задачи			
	1	2	3	4
Процесс представления	Создание благоприятного психологического климата: понятие тренинга, психологического климата; наблюдение за атмосферой;	Знакомство друг с другом: представление об адекватности знакомства с другим человеком и как важно	Сближение и установление доверительных отношений: определение межличностным отношениям; доверительным	Поиск общих опытов и интересов: определение личности, характера и темперамента, как понять реакции друг

	объяснить, как отрицательный климат сопровождается отсутствием комфорта.	создание первого впечатления.	е отношения и поиск средств, чтобы добиться доверительных отношений.	друга и сделать вывод о том, что все разные.
Эмоциональное отношение	Формирование психологического климата и проявление возможности почувствовать его.	Анализ опыта произвести первое впечатление и опыта знакомства: неудачного, удачного.	Вспомнить о доверительных отношениях, которые нам удалось построить в своей жизни, и о тех, которые не удалось. Рассказать об общих проектах	Создать условия, в которых люди разных интересов смогут найти друг друга, найти общий язык, свои увлечения.
Умений	Умение анализировать, синтезировать и проводить самоанализ	Развитие навыков саморегуляции, эмпатии.	Демонстрировать чувство доверия в группе	Продемонстрируйте ситуации, когда опыт другого человека полезен

Источник: Составлено автором на основании процедуры тренинга и значительного воздействия на участников.

Культурные, эмпирические и когнитивные цели были целями психологического тренинга. То есть в содержании мы делаем упор на уникальные черты личности, проявляющиеся в контексте культурного обмена. Предпочтение отдается интерактивной форме, поскольку она помогает заполнить пробелы в знаниях о специфике межличностного поведения иностранных студентов, обучающихся в России.

Реализация программы тренинга осуществляется автором совместно с ассоциацией иностранных студентов Южного Урала. В течение месяца состоялись встречи с иностранными студентами. Еженедельные встречи собирали от 20 до 45 человек для свободного общения. Студенты имели разный уровень языковой подготовки, поэтому для тренинга использовались переводчики, которые выступали в занятиях как участники и одновременно переводили все тексты, так как русский и английский языки были языками тренинга.

Структура занятий состояла из трех частей: введения – знакомства, основы – мотивации и темы, и завершения – рефлексии. Все части включают различные упражнения, динамические методы, групповые и ролевые игры. И именно рефлексия станет выполнять функцию координатора, организатора и интегратором других качеств личности.

В творческих упражнениях для иностранцев создается четкая ситуация успеха. Предусмотрено участие каждого члена группы в организации совместной картинки или группового конкурса. Модератор определяет, насколько студенты активны в своих группах, какие материалы или предметы используются для достижения поставленной цели.

Важно учесть, что иностранцы из некоторых стран сдержанно реагируют на определенные жесты или контакты, такие как держать партнер за руку, ставить свою руку на плечо другого. Однако приобретенные используя навыки интеллектуальной

культуры и толерантности, они быстро осваиваются и могли поддержать свои группы динамично выполнять задание.

По завершении тренинга проводились устные и письменные опросы, а также фотопроекторные процедуры, чтобы выявить эмоционально-впечатленное состояние участников.

Заключение

Из этого следует, что метод психосоциального тренинга имеет богатый диагностический и адаптационный потенциал как технология межкультурной адаптации иностранных студентов в вузе. Упражнения на рефлексивность помогают получать оперативную информацию о социальной структуре коллектива и личностном положении ее членов. Психологические игры дают возможность взглянуть на проблемы межличностного взаимодействия с другой точки зрения – комфорта личность, сглаживания ее агрессивности и нахождения мер по сплочению группы. Модели поведения, продемонстрированные в проблемных ситуациях и воспроизведенные с учетом культурной ассимиляции, подходят нивелирование межкультурного конфликта. И программа тренинга устанавливает мотивационную основу для применения формальных диагностических процедур и выявления навыков и личностных качеств иностранных студентов. В процессе тренинга демонстрируется адаптивность поведенческих характеристик участников и их точки зрения на групповое взаимодействие, что формирует стремление преуспеть в обучении и стать примером представителя своей страны в России.

Таким образом, тренинг как средство для повышения адаптивности – это управляемый процесс включения иностранных студентов в социально-образовательную среду организации и ее основные функциональные и организационные процессы. Преподавателям университетов важно предоставлять актуальные и привлекательные методы и технологии благодаря результатам тренинга, адаптировать курсы, содержание и цели которых будут соответствовать потребностям и особенностям нового поколения студентов [2].

Адаптация считается одной из ключевых практических областей для самореализации в современном обществе. В начале обучения в университете психологическая подготовка иностранных студентов является одной из предпосылок повышения их адаптивности в России, а с иной стороны, обеспечивает им условия для успешного результата обучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, Д.А. О понятии «адаптация». Исследование адаптации студентов к условиям учебы в институте // Человек и общество. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.
2. Яро, А. Информатизация образования и личностное развитие молодежи поколения Z / А. Яро, М.И. Рыжкова // Научный поиск. Сборник трудов 15-й конференции аспирантов и докторантов ЮУрГУ. 2023. (в печати)
3. Мазуренко, О.М. Понятие адаптивности в хозяйственной системе в контексте понимания взаимодействия экономики и устойчивого развития / О. М. Мазуренко // Экономическая наука сегодня: сборник научных статей. – Минск: БНТУ, 2016. – Вып. 4. – С. 239 - 244.
4. Шепелева, Л.Н. Программы социально-психологических тренингов. СПб.: Питер, 2007. – 160 с.
5. Словарь терминов по общей и социальной педагогике / сост. А.С. Воронин. – Екатеринбург: ЕГПУ, 2006. – 523 с.
6. Андросович, К. А. Использование тренингов для повышения адаптации первокурсников профессионального лицея // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – Новосибирск: Изд-во «СибАК», 2013. – Ч. II. – № 11 (34). – С. 118–124.

7. Зарукина Е.В. Активные методы обучения: рекомендации по разработке и применению: учеб. – метод. пособие. – СПб.: СПбГИЭУ, 2010. – 59 с.
8. Лебедева, Н.М. Тренинг этнической толерантности для школьников [Текст]: учеб. пособие для студентов психол. специальностей / Н.М. Лебедева, О.В. Лунева, Т.Г. Стефаненко. – М.: Привет, 2004. – 358 с.
9. Резников Е.Н. Теоретические и методологические проблемы этнической психологии. Мн.: Изд. центр БГУ, 2006.
10. Фетискин, Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., изд-во Института Психотерапии. – 2005. – 490 с.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

УДК 159.9

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_115

ДОВЕРИЕ КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРАКТА В ОРГАНИЗАЦИИ

Зорина Татьяна Владимировна

Аспирант, Институт психологии Российской академии наук

E-mail: tatsiana.zoryna@gmail.com

Учитывая важность для специалиста по управлению персоналом и менеджмента организации выявления детерминант эффективного управления персоналом, в данной статье внимание уделено роли доверия и справедливости в формировании и поддержании психологического контракта в организации. На основании данных категорий предложена типология психологического контракта, также представлен инструментарий для исследования состояния психологического контракта. Данная статья может иметь значение для исследователей, для руководителей организаций, менеджеров, специалистов управления персоналом в целях достижения вовлечённости и максимальной эффективности команды, а также снижения текучести кадров.

Ключевые слова: психологический контракт, доверие, справедливость, нарушение психологического контракта, социальный обмен, организация.

TRUST AS THE BASIS OF AN EFFECTIVE PSYCHOLOGICAL CONTRACT IN AN ORGANISATION

Zorina Tatiana Vladimirovna

Postgraduate student, Institute of Psychology of the Russian Academy
of Sciences

E-mail: tatsiana.zoryna@gmail.com

Considering the importance for HR specialists and organizational management of identifying the determinants of effective personnel management, this article focuses on the role of trust and fairness in the formation and maintenance of a psychological contract in an organization. Based on these categories, a typology of psychological contract is proposed, and tools for studying the state of the psychological contract are also presented. This article may be important for researchers, for heads of organizations, managers, and personnel management specialists in order to achieve team involvement and maximum efficiency, as well as reduce staff turnover.

Keywords: psychological contract, trust, fairness, violation of psychological contract, social exchange, organisation.

Чтобы организация могла достичь своих стратегических целей и получить конкурентное преимущество, она должна стремиться назначать, развивать, поддерживать и удерживать людей с соответствующими навыками. Концепция психологического контракта представляет собой базу, применяемую в качестве средства понимания и управления трудовыми отношениями [6, с. 287]. Когда работник воспринимает нарушение психологического контракта, испытывает несправедливость, теряет доверие, его уровень вовлеченности падает. Работник с высокой вероятностью рассмотрит варианты ухода из организации. Современные научные исследования указывают на доверие как на важный для жизни организации психологический фактор, способствующий ее развитию и повышающий эффективность деятельности [1]. При этом восприятие работником справедливости взаимодействия также влияет на его гражданское поведение в организации. Учитывая важность для специалиста по управлению персоналом и менеджмента организации выявления детерминант эффективного управления персоналом, в данной статье внимание уделено роли доверия и справедливости в формировании и поддержании психологического контракта в организации.

Организациям следует стремиться создавать организационную культуру, ориентированную на доверие, чтобы транслировать её внутри и за пределами компании [4]. Доверие к организации, её руководству представляет собой компонент, который влияет на общую эффективность работы в организации и имеет связь с соблюдением психологического контракта [13]. Транслирование принципов доверия и справедливости через организационную культуру может быть ключом в выстраивании эффективного взаимодействия с работниками.

В психологическом контракте особое внимание уделяется восприятию сотрудниками договорённостей. В его основе лежит теория социального обмена, основанная на принципе взаимности. Взаимность подразумевает, что человек чувствует себя обязанным ответить соразмерно при получении выгоды [15]. Психологический контракт – это неформальное соглашение между работником и работодателем, состоящее из совокупности взаимных ожиданий и обязательств (Руссо, 1989). Психологические контракты возникают, когда люди верят, что их организация пообещала предоставить им определенное вознаграждение в обмен на вклад, который они вносят в организацию. Восприятие того, что обещания выполняются, усиливает приверженность, намерение оставаться в организации и организационное гражданское поведение [6, 7].

В то время как условия трудового договора являются формальными и юридически обязательными, психологические контракты неформальны, субъективны по своей природе, не имеют юридической силы и часто лишены ясности. Койль-Шапиро и Руссо указывают, что формирование психологического контракта начинается еще до того, как человек приступает к новой работе, на этапе прохождения собеседований в организацию, а затем проходит различные стадии развития [7, с. 930; 11]. На этапе приёма на работу соискатель на основе содержания вакансии, которое обычно включает: описание, обязанности, ожидания, требования, условия, ценности и другие - соотносит свои ожидания и возможности с тем, что предлагает организация. На этапах собеседований и до получения предложения о работе претендент на вакантное место во время взаимодействия с представителями организации подтверждает либо не подтверждает свои ожидания, договаривается с будущим работодателем. Представители организации более подробно рассказывают о конкретной роли, на которую кандидат проходит собеседование, а также об ожиданиях, возможностях карьерного роста, оплате и льготах. Здесь кандидаты получают первые представления о культуре организации и команды. В данном процессе устанавливаются отношения доверия между работником и работодателем. После подписания трудового договора психологический контракт развивается и меняется по мере того, как работодатель и работник корректируют свои ожидания друг от друга.

Наиболее общая операционализация психологического контракта - это вера в обязательства, существующие между двумя или более сторонами. Согласно Руссо, обязательство - это намерение совершать будущие действия, о которых стороны договорились. Проблемы могут возникнуть, когда любая из сторон психологического контракта чувствует себя обманутой, испытывает несправедливость и недоверие. Хотя психологический контракт между работодателем и работником является неформальным, он не менее важен, чем формальный трудовой договор, который работник подписывает перед началом работы в организации. Гест и Конвей указывают, что содержание психологического контракта опосредуется доверием и справедливостью выполнения договорённостей [11].

«Доверие касается ожиданий вещей, на которые надеются, а недоверие — ожиданий вещей, которых боятся» [1, с. 90]. Доверие можно определить как готовность быть уязвимым перед действиями другой стороны (Майер, Дэвис и Шурман, 1995). В последние годы возрос поток работ, рассматривающих доверие как показатель качества внутриорганизационных отношений (Р. Крамер, Р. Майер, Дж. Дэвис и Ф. Шурман, С. Ситкин и Н. Рос, Л. Хосмер [1, с. 33]. Наиболее общим подходом в определении доверия является его описание в терминах когнитивных процессов. Исходя из данного подхода «доверие есть осознание человеком собственной уязвимости или риска, возникающих в результате неопределенности мотивов, намерений и ожидаемых действий людей, от которых он зависит» [1, с. 30]. Особое место в понимании основ доверия занимают теории общественного и социального обмена. Конструкция доверия представляет собой центральный аспект отношений социального обмена, поскольку повышает готовность принять уязвимость [8]. Доверие обеспечивает уверенность в способности партнёра действовать так, как от него ожидается. Так, доверие тесно взаимосвязано с взаимными обязательствами и строится в течение определенного периода, опосредуя отношения обмена.

Отметим, что справедливость, как важная характеристика взаимодействия работодателя и работника, освещалась в теориях социального обмена, в концептуализации гражданского поведения и психологического контракта. К категории справедливости обращаются многие исследователи в области организационной психологии. В работе Смирновой А.Ю. справедливость в организации обозначается как фактор, обеспечивающий высокую мотивацию к трудовой деятельности, производительности труда, формированию конструктивных установок к труду и т.п. [3]

Руссо Д. считает, что психологический контракт состоит из трех элементов: воспринимаемые обязательства работника, воспринимаемые обязательства работодателя (организации) и воспринимаемое выполнение/ нарушение обязательств работодателя [12]. Однако Гест Д. (1998) настаивает на том, что существует еще одно измерение психологического контракта, а именно состояние психологического контракта. Гест Д. (1998) считает состояние психологического контракта важным предвестником поведения и отношения работников, помимо различий, объясняемых содержанием психологического контракта [9]. Введение характеристики состояния психологического контракта, так как его определили Гест Д. и Конвей Н., расширило структуру психологического контракта, включив в него доверие и справедливость, меньше фокусируясь на данных обещаниях (содержании). Состояние психологического контракта связано с тем, выполнены ли обещания и обязательства, справедливы ли они, и как они влияют на доверие [10].

Гест Д. (1998), помимо факторов, которые оказывают влияние на формирование психологического контракта (индивидуальные и организационные), выделил ключевые другие элементы психологического контракта. В первую очередь, это методы и техники управления персоналом, влияющие на состояние психологического контракта [9], справедливость и доверие, приверженность, удовлетворенность работников и другие последствия, выраженные в поведении работника в организации.

Ниже предложена адаптированная на русский язык модель психологического контракта Геста Д. и Конвея Н. (см. рис. 1):

Рисунок 1 - Адаптированная модель психологического контракта Д. Геста и Н. Конвея

Таким образом, Гест Д. (1998) сделал попытку раскрыть факторы, определяющие психологический контракт, приводящие к положительным и отрицательным последствиям, выраженным в поведении работников.

Интерес также представляет типология психологического контракта, представленная в научных работах Ребриловой Е.С. Автор предлагает изучать свойства психологического контракта, а именно состояние и направленность. Состояние психологического контракта характеризует, в своём роде, адаптацию работника к организационным условиям и может быть неудовлетворительным, равновесным, удовлетворительным. Также предлагается выделять направленность психологического контракта (отрицательную, нейтральную и положительную), данная характеристика является оценкой выполнения ожиданий организации. На основе совокупности данных характеристик автор выделяет позитивный, близкий к позитивному, пограничный, негативный типы психологического контракта. Для изучения данных характеристик автором разработана методика «Структура и свойства психологического контракта».

В научной литературе описываются два основных типа психологического контракта: транзакционный и отношенческий. Транзакционные контракты носят экономический характер и часто являются временными, работодатель предоставляет деньги в обмен на производительность труда сотрудников. Отношенческие контракты, напротив, развивают долгосрочные взаимовыгодные отношения между работником и работодателем, часто включая обучение и развитие, возможности карьерного роста и гарантии занятости. Авторы сходятся во мнении, что отношенческий тип способствует развитию более высокого уровня доверия. По сути, психологический контракт строится на повседневных действиях и заявлениях, транслируемых одной из сторон и на том, как они воспринимаются и интерпретируются другой. Психологические контракты охватывают следующие аспекты трудовых отношений: гарантии занятости; перспективы карьерного роста; репутация работодателя; поддержка непосредственного руководителя; справедливость оплаты и льгот.

Новый подход к типологизации психологического контракта был предпринят Шором Л. и Барксдейлом К. (1998), представившими типологию «Степень сбалансированности и уровень обязательств». Были предложены типы психологического контракта, исходя из баланса выполнения обязательств работодателем и работником. Психологические контракты подразделяются на четыре группы [14]:

1. Сбалансированный сильный психологический контракт. Работники считают, что они очень обязаны своему работодателю, а работодатель многим обязан им.

2. Сбалансированный слабый психологический контракт. В этом типе отношений работники считают, что они могут поддерживать трудовые отношения, прилагая ограниченные усилия и ожидают того же от работодателя.

3. Несбалансированный перевыполненный психологический контракт включает чрезмерные обязательства работников. В этой несбалансированной форме контракта работники чувствуют, что они в большом долгу перед работодателем, поскольку работодатель выполнил свои обещания в прошлом.

4. Несбалансированный невыполненный психологический контракт, при котором обязательства не были исполнены. В этой несбалансированной форме контракта работники чувствуют, что они выполнили свои обещания, но с ними обошлись несправедливо, поэтому работодатель сильно им обязан.

Поддержание прочных психологических контрактов достигается за счет эффективных коммуникаций руководства с персоналом и наличия прозрачных процессов. Когда работник доверяет организации, чувствует, что организация исполняет в полной мере его психологические контрактные ожидания, он, скорее всего, отреагирует действиями, которые принесут пользу организации. Неудовлетворенные ожидания сотрудников легко приводят к психологическому нарушению контракта, что, в свою очередь, негативно влияет на доверие, гражданское поведение, организационные обязательства и производительность, ничто из этого не приводит к высоким показателям по удержанию персонала. Результаты нарушения контракта могут привести к тому, что организации понесут высокие затраты, негативно влияющие на её бизнес-процессы. На основе таких критериев как соблюдение-несоблюдение психологического контракта, доверие-недоверие, справедливость-несправедливость предлагается следующая типология психологического контракта между работодателем и работником:

- неэффективный психологический контракт: работник не доверяет руководству организации, враждебен, готов уволиться в любой момент. Такие работники имеют высокий уровень конфликтности с руководством, желают нанести ущерб организации, готовы уволиться. Работник испытывает несправедливость, нарушение психологического контракта;

- нейтральный психологический контракт: работники не мешают работе, не интересуются важной организационной деятельностью. Работники не испытывают высокого уровня доверия к организации, но и не враждебны по отношению к ней. Работник не испытывает нарушения контракта либо уровень нарушения не резко выражен;

- амбивалентный психологический контракт: взаимодействие строится на одновременном доверии и недоверии к работодателю в исполнении своих обязательств. Психологический контракт во многом поддерживается, но при этом работник регулярно испытывает его несоблюдение;

- эффективный психологический контракт: при таком контракте работники вовлечены в работу, проявляют энтузиазм, доверяют работодателю, считают отношение справедливым. Психологический контракт соблюдается.

Козн А. (2013) подчеркивает, руководящие работники и специалисты управления персоналом должны своевременно обращать внимание на то, как работники воспринимают отношение руководства к ним, чтобы восприятие несправедливости не нанесло ущерба трудовым отношениям. Справедливое обращение, укрепление доверия положительно воздействуют на вовлеченность работников [5, с. 606].

Для оценки состояния психологического контракта в научных исследованиях могут быть использованы следующие методики: методика А.Б. Купрейченко оценки доверия/ недоверия сотрудника коллегам и руководителям организации; методика оценки уровня доверия в организации Р.Б. Шо; методика Е.С. Ребриловой «Структура и свойства психологического контракта»; методика «Нарушение психологического контракта» (Н. Конвей); методика «Соблюдение/несоблюдение психологического

контракта», разработанная С. Робинсон и Е. Моррисон; шкалы «Процессуальная справедливость» методики диагностики организационной справедливости Дж. Колкитта.

Таким образом, психологический контракт - это концепция, которую можно применять для понимания природы отношений между работодателем и работником. Человеческий капитал все чаще признается основой для конкурентного преимущества и для сохранения этого преимущества важно поддерживать и выполнять психологический контракт. По сути, эффективный психологический контракт, соответствующий видению и стратегии компании, поддерживает доверие к организации и, следовательно, способствует поддержанию высокой производительности, вовлечённости и удержанию высококвалифицированных работников. В статье предложена типология психологического контракта, учитывающая такие важные критерии как его соблюдение, справедливость и доверие. Данная статья может иметь значение для исследователей, занимающихся изучением данной темы, а также для руководства организаций, специалистов управления персоналом в целях достижения вовлечённости и максимальной эффективности команды, а также снижения текучести кадров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Купрейченко, А.Б. Психология доверия и недоверия / А.Б. Купрейченко // - М.: Издательство Институт психологии РАН. - 2008. - 564 с.
2. Ребрилова, Е.С. Психологический контракт как характеристика субъекта труда в контексте социальных условий производственной среды: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.03 / Ребрилова Елена Сергеевна. - Тверь: Тверской государственный университет, 2009. - 232 с.
3. Смирнова, А. Ю. Диагностика справедливости в организации: психометрические характеристики шкалы «Процессуальная справедливость» методики диагностики организационной справедливости Дж. Колкитта / А.Ю. Смирнова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. - 2020. - Т. 20, № 1. - С. 80-88.
4. Campbell, B.A. Rethinking sustained competitive advantage from human capital / B.A. Campbell, R. Coff, D. Kryscynski // Academy of Management Review. - 2012. - 37(3). - pp. 376-395.
5. Cohen, A. A global evaluation of organizational fairness and its relationship to psychological contracts / A.A. Cohen // Career Development International. - 2013. - 18(6). - pp. 589-609.
6. Conway, N. A daily diary study of affective responses to psychological contract breach and exceeded promises/ N. Conway, R.B. Briner// Journal of Organisational Behaviour. - 2002. - 23. - pp. 287-302.
7. Coyle-Shapiro, J.A.M. A psychological contract perspective on organizational citizenship behavior / J.A.M. Coyle-Shapiro // Journal of Organizational Behavior. - 2002. - 23(8). - pp. 927-946.
8. Deutch, M. Trust and Suspicion / M. Deutch // Journal of Conflict Resolution. - 1962. - 11. - pp. 265-279.
9. Guest, D.E. Is the psychological contract worth taking seriously? / D. Guest // Journal of Organisational Behaviour. - 1998. - 19. - pp. 649-664.
10. Guest, D.E. Employee well-being and the psychological contract: a report for the CIPD / D.E. Guest, N. Conway // Research report. London: Chartered Institute of Personnel and Development. - 2004 - 97 p.
11. Rousseau, D.M. Psychological and Implied Contracts in Organizations / D.M. Rousseau // Employee Rights and Responsibilities Journal. - 1989. - 2. - pp. 121-139.
12. Rousseau, D.M. Psychological contracts in organizations: Understanding written and unwritten agreements / D.M. Rousseau // Thousand Oaks. CA: Sage.- 1995.- 264 p.

13. Seok, C.B. Development and Validation of Employee Trust Scale: Factor Structure, Reliability and Validity / C.B. Seok, G. Cosmas, J.A. Mutang, S.I. Hashmi // International Journal of Social, Behavioral, Educational, Economic, Business and Industrial Engineering. - 2015 - 9 (8)- pp. 2916-2921.
14. Shore, L.M. Examining degree of balance and level of obligation in the employment relationship: A social exchange approach / L.M. Shore, K. Barksdale // Journal of Organizational Behavior. - 1998.- 19 (Spec Issue).- pp. 731-744.
15. Sonnenberg, M. Balancing HRM: The psychological contract of employees: A multi-level study / M. Sonnenberg, B. Koene, J. Paauwe // Personnel Review. - 2011. - 40(6).- pp. 664-683.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

УДК 159.9

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_122

СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗОВАННО- ПРЕСТУПНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ

Бакиров Рамиль Равилович

Преподаватель кафедры уголовного процесса,
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

E-mail: Bakirovramil1981@yandex.ru

Валиахметов Ильдар Ринатович

Старший преподаватель кафедры бизнес-аналитики,
Учреждение высшего образования «Университет управления «ТИСБИ»

Данная работа раскрывает специфику разработки и реализации социально-психологических моделей управления организованными преступными сообществами. Автор исследует особенности структуры и функционирования преступных группировок, роль лидера в преступной деятельности и его социально- психологические характеристики. Это необходимо для того, чтобы выявить способы и модели максимально эффективного управления организовано- преступными сообществами.

В работе анализируется личность лидера- организатора сообщества, его влияние на остальных членов группы, а также способы взаимодействия участников сообщества между собой.

В контексте вышесказанного целью нашей статьи является исследование социально- психологических моделей управления организовано- преступными сообществами. Объектом выступают преступные сообщества, предметом исследования являются модели, способы и приемы управления их деятельностью.

Ключевые слова: организованное преступное сообщество, модель управления, психологические особенности, разобшение преступных организаций, группа отрицательной направленности, социально- психологический подход, групповое преступление, лидерские качества

SOCIO-PSYCHOLOGICAL MODELS OF MANAGEMENT OF ORGANIZED CRIMINAL COMMUNITIES

Bakirov Ramil Ravilovich

Lecturer of the Department of Criminal Procedure,
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

E-mail: Bakirovramil1981@yandex.ru

Valiakhmetov Ildar Rinatovich

Senior Lecturer of the Department of Business Analytics,
Institution of Higher Education "University of Management "TISBI"

This work reveals the specifics of the development and implementation of socio-psychological models of management of organized criminal communities. The author explores the features of the structure and functioning of criminal groups, the role of the leader in criminal activity and his socio-psychological characteristics. This is necessary in order to identify ways and models of the most effective management of organized criminal communities.

The paper analyzes the personality of the leader- organizer of the community, his influence on the other members of the group, as well as the ways in which community members interact with each other.

In the context of the above, the purpose of our article is to study the socio-psychological models of management of organized criminal communities. The object is criminal communities; the subject of research is models, methods and techniques of managing their activities.

Keywords: *organized criminal community, management model, psychological characteristics, separation of criminal organizations, group of negative orientation, socio-psychological approach, group crime, leadership qualities*

Специфика развития организованной преступности отражается на составе и характере преступлений, а также результатах противоправной деятельности. Анализ состояния преступности современными исследователями показал, что в преступлениях принимали участие люди, ранее совершавшие подобные действия, а также члены групп, созданных специально для преступных целей [7].

На настоящий момент на территории РФ функционирует несколько тысяч преступных группировок и безусловно, это играет немаловажную роль в структуре преступности, мотивах их совершения. Одним из актуальных вопросов на настоящий момент для психологов, криминалистов и специалистов, осуществляющих оперативно- розыскные действия является значимость исследования структурных элементов групповой преступности, моделей и механизмов управления группой, а также роли лидера в организации групповой деятельности преступных группировок (ОПГ).

Данная проблематика вызывает интерес с точки зрения изучения функционирования антиобщественно настроенных группировок, а также изучения моделей управления группами с целью их разобщения и нейтрализации сотрудниками правоохранительных органов. Распознавание специфических особенностей организации и совершения противоправных деяний предоставляет возможности для разработки стратегических решений, а также рекомендаций тактико-психологического характера по расследованию различных видов преступлений [8].

Вышесказанное обуславливает постановку цели работы- исследование социально- психологических моделей управления организованно- преступными сообществами. Объектом нами определены преступные сообщества, предметом исследования конкретизированы модели, способы и приемы управления их деятельностью.

Для достижения поставленной исследовательской цели мы конкретизировали ряд задач:

1. Определение специфики групповой деятельности в сфере организованной преступности;
2. Выявление роли лидера в формировании и деятельности организованных преступных группировок;

3. Изучение способов и механизмов управления организованными преступными группировками.

Методы и методология

В качестве основного метода нами определен теоретико- методологический анализ классической и современной литературы по данной тематике. Изучение фундаментальных работ таких авторов как Г. С. Абрамова, Е. П. Ильин и пр. позволит определить концептуальную основу организации и функционирования групп в обществе, а публикации современных авторов позволяют изучить особенности формирования преступных группировок (Р. Т. Бакиров, А. Н. Грязнов, Е. А. Чеверикина), определить личностные и коммуникативные характеристики лидеров ОПГ, а также выявить способы и приемы воздействия на преступные группы (С. Г. Еремеев).

Специфика групповой деятельности в сфере организованной преступности

Для того, чтобы выявить специфические характеристики ОПГ как одного из видов организованной преступности, необходимо обратиться к определению и психологической характеристике группы, и пониманию того, в соответствии с какими принципами и закономерностями она функционирует.

Кроме того, очень важным пониманием является понимание того, какой состав у данной группы, иерархические связи, а также цели, для реализации которых была создана данная группа.

Важно отметить, что преступная группа – это неформальное сообщество, с выраженной антиобщественной направленностью и это сообщество выступает субъектом совместной противоправной деятельности [5]. Основным фактором создания подобных формирований является достижение общей цели- совершения преступления. При этом в качестве причин создания групп можно отметить: осознание отдельными лицами невозможности совершения преступлений в одиночку без сообщников, совместные преступные интересы и цели, а также личные отношения и связи между членами группировки.

По мнению В. М. Бычкова, а также А. В. Гайнуллиной, организованные преступные группировки характеризуются наибольшей опасностью вследствие следующих психологических признаков:

- четкая строгая иерархия, субординация, дисциплина и подчинение авторитетам в группе;
- устойчивость иерархических связей и стабильность структуры группы;
- замкнутость и закрытость от общества, способность к восстановлению после выявления и применения мер уголовного наказания;
- наличие в структуре преступного сообщества компонентов защиты, средств и методов психологического воздействия и физического насилия в случае неповиновения членов группы.

Данные особенности имеют влияние не только на отношения внутри группы, но и на характер преступлений, а также на степень опасности данных деяний. Чем сплоченней и организованней группировка, тем более опасны и масштабны совершаемые преступления.

Роль лидера в формировании и деятельности организованных преступных группировок

В данной части нам необходимо выявить личностные характеристики лидеров, оказывающие существенное влияние на деятельность группы, виды и состав преступлений. Для этого обратимся к исследованиям Е. Б. Анисимова [2] и Е. Е. Космодемьянской [8], которые экспериментальным путем выстраивали социально-психологический портрет лидера ОПГ.

В качестве важнейших характеристик были отмечены социально-демографические (средний возраст), образовательные (неполное среднее образование), а также средний возраст совершения первого преступления (15-16 лет). Данные характеристики позволяют сформировать устойчивый авторитет, который

основывается как на социальном опыте, так и на лидерских качествах данных членов ОПГ, осуществляющих контроль и руководство.

Руководство преступной группой заключается в подборе членов группы, сохранении стабильного состава и мотивации к совершению определенных видов преступлений. В самом начале организации группы лидер выстраивает четкую иерархию и в соответствии с ней роли и функции участников. Е. Б. Анисимов приводит в пример одну из группировок, которая совершала преступления на территории г. Тольятти. В данной ОПГ были «старший смены», «звеньевой», «рядовой» и каждый из этих участников четко знал свою роль, действия, которые необходимо выполнить, а также степень подчинения [1].

В соответствии от уровня и функций лидера осуществляется и руководство ОПГ.

Лидеры среднего звена в ОПГ выполняют функции управления и координации непосредственно исполнения преступлений. Данные лидеры могут возглавлять небольшие группы местного масштаба и затем вливаться в одну большую группировку либо действовать в ее составе, но отдельно от других членов «под крышей». Зачастую как результат деятельности подобных небольших групп, можно констатировать их расширение или объединение нескольких в одну большую организованную преступную группировку. Очень часто возглавляет подобную группировку лидер одной из групп, но бывает, что руководителем становится авторитет, который может даже находиться на зоне либо в другом регионе. Непосредственно в совершении преступлений он участия не принимает и в дальнейшем доказать его причастность к преступному деянию иногда бывает сложно, если не доказать факт руководства ОПГ.

В качестве основных личностных характеристик лидера преступных групп исследователи выделяют низкую степень выдержки, уверенность в себе, завышенную самооценку, целеустремленность и жесткость, порой даже жестокость. В познавательной сфере констатируются развитое логическое мышление, аналитические способности, умение планировать и прогнозировать.

Практически у всех авторитетных лидеров исследователи отмечали нарушение коммуникации в социуме, нестабильность социальных связей, отношений с близкими и родственниками. Данные личности испытывают сложности с усвоением социальных норм и правил, выстраиванием межличностных отношений, характеризуются высокой конфликтностью и близкими отношениями с другими асоциальными элементами общества.

Данные характеристики позволяют исследовать наиболее важные моменты, связанные с управлением ОПГ, использованием личностных качеств и механизмов коммуникации, которые позволяют выработать свой стиль руководства, создать модель управления группировкой и осуществлять преступные деяния.

Способы и механизмы управления организованными преступными группировками.

По мнению С. А. Басак и В. А. Гусева [4], управление преступной деятельностью ОПГ необходимо рассматривать в контексте авторитета и функций лидера. Опираясь на классификацию лидерских функций, которую упоминают данные авторы (организационная, информационная, дисциплинарная и стратегическая), необходимо анализировать и модели управления данными группами. Данные функции выражаются в конкретных действиях, которые предусматривают ответственность по ст. 210 УК РФ. Специфика данной статьи заключается в том, что для наступления ответственности нет необходимости доказывать все совершаемые ОПГ преступления, значимо доказать лишь факт руководства группой [1].

Как мы уже сказали ранее, зависимости от типа лидера выстраиваются и модели управления ОПГ и в данном контексте нам прежде всего необходимо рассмотреть мотивацию совершения преступлений, вступления в группировки. Мотивы участия в ОПГ, которые можно дифференцировать на добровольные и принудительные, также обуславливают управление группой, так как определяют те основания, на которых базируется власть лидера. В ситуации «подчинения с

удовольствием» [3] лидер осуществляет руководство, основываясь на добровольном исполнении членами ОПГ и подкрепление является положительным (повышение по иерархической лестнице, получение определенных привилегий, материальное поощрение). Данная модель строится на системе выстраивания отношений между участниками, основанных на добровольном подчинении власти. Кроме того, для данной модели характерны возможности сокрытия преступлений, а также помощи арестованным и членам их семей. Это обеспечивает формирование более тесных связей между членами группы, становление обязательств, а также укрепляет мотивацию участия в групповой преступной деятельности.

Иная ситуация в случаях, когда фундамент власти – это страх и нестабильные отношения в преступной группе. Данная модель основывается на отрицательном подкреплении- наказании за невыполнение или недостаточно правильное и четкое соблюдение ролей и осуществление определенных действий. В подобных случаях лидеры ОПГ эффективными считают устрашение, запугивание и наказание членов группы.

Несмотря на различия в зависимости от типа авторитета лидера, модели управления ОПГ имеют общие характеристики, касающиеся именно функций руководства:

- распределение функциональных обязанностей членов формирования;
- выявление возможностей и определение полномочий каждого участника группы с целью распределения функций и ролей;
- взаимодействие с социумом, в том числе, с представителями правоохранительных органов, иными преступными группировками, что определяет специфику формирования коммуникативных качеств членов группировок.

Преступные сообщества, по определению различных авторов [3;8] устойчивы и сложны по своему содержанию и психологическое обеспечение их деятельности является одним из важнейших компонентов совершения преступлений.

Поэтому при дифференциации моделей управления необходимо еще изучить социально- психологическую иерархию управления ОПГ. В данном контексте можно выделить:

- централизованную модель управления, основанную на власти и авторитете одного лидера, управляющего всей группировкой;
- разветвленную модель, когда лидер осуществляет руководство не непосредственно над исполнителями, а над лидерами более низкого уровня, а те в свою очередь, реализуют властные функции у себя в группах.

При осуществлении управления ОПГ их лидеры с каждым новым преступлением более четко и функционально распределяют роли и действия участников:

- одни осуществляют организаторские функции: разведку, поиск и подготовку объектов преступления, разработку способов совершения преступлений;
- другие являются непосредственными исполнителями преступных деяний;
- третьи способствуют хранению, перемещению и сбыту похищенного имущества.

Как мы отмечали ранее, организованные преступные группировки характеризуются определенными социально- психологическими закономерностями и особенностями функционирования и реализации взаимосвязей между членами сообществ. Большое влияние на становление модели управления ОПГ оказывает не только внутренняя структура группы, но также и внешние условия жизнедеятельности формирования. «Закрытость» преступной группировки обусловлена ее антиобщественной направленностью, корыстными эгоистическими устремлениями членов группы, а также общей преступной направленностью. Если в течение какого-то времени члены группы получают поддержку, а также отмечают общую безнаказанность после совершения преступлений, то группа становится более сплоченной, связи более прочными, а характер преступлений- более опасным.

В деятельность организованных преступных группировок включаются различные виды преступлений, а их исполнителями являются участники, имеющие различные профессии, образовательный уровень, социальный статус и личностные характеристики.

Четко спланированная преступная деятельность, распределение ролей влечет за собой максимальное достижение криминального результата и может способствовать появлению возможности избежать наказания в силу взаимопомощи и взаимоподдержки.

Данные обстоятельства обусловлены такими факторами как [3]:

1. Эмоциональные факторы, отражающие взаимосвязи между членами группы;
2. Внешние факторы, показывающие влияние общества на структуру и функционирование группы;
3. Личностные качества лидеров организованной преступной группы, которые позволяют использовать коммуникативные и когнитивные способности для достижения преступных целей.

Заключение

В качестве основных выводов необходимо отметить, что основными факторами формирования организованных преступных сообществ являются личностные (объединение людей в группы по определенным признакам, общности), антиобщественные (совершение преступных деяний), коммуникативные (реализация потребности в коммуникации среди лиц, схожих по статусу, намерениям, опыту преступной деятельности).

При этом нами было определено, что специфика функционирования группы зависит от модели управления ОПГ, которые возможно дифференцировать по различным основаниям:

1. По мотивации участия членов группы в ее функционировании;
2. По иерархической структуре управления;
3. По распределению ролей и функций среди участников преступной группировки.

Знание моделей управления организованными преступными сообществами является важным для осуществления оперативно- розыскной деятельности, а также разобращения членов выявленных группировок и снижения опасности их деяний, а также вторичной профилактики преступлений. С. Г. Еремеев [6] в качестве способов разобращения преступных групп предлагает развенчание лидера, смена формального лидера неформальным, переориентацию лидера и его дискредитацию. В соответствии с этим предполагается и смена модели управления организованной преступной группировкой. Управление при этом может осуществляться не только лидерами самостоятельно, но и с внедренными сотрудниками правоохранительных органов либо преступными элементами, различными способами, переориентированными на минимизацию совершения преступлений. Самое главное в данной ситуации – определение наиболее эффективной модели управления ОПГ с целью снижения эффективности противоправной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, Г.С. Практическая психология: учебное пособие / Г. С. Абрамова. - Москва: Прометей, 2018. - 538 с.
2. Анисимов Е. Б. О криминалистической характеристике руководителя преступной организации // Известия АлтГУ. 2009. №2. С. 77-80.
3. Бакиров Р. Т., Грязнов А. Н., Чеверикина Е. А. Социально-психологические особенности формирования организованной преступной группы // КПЖ. 2015. №6-3. С. 114-117.

4. Басак С. А., Гусев В. А. Психологические особенности разобщения преступных организаций // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2001. №2. С. 89-92.
5. Гайнуллина А.В. Учет психологических аспектов при расследовании групповых преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №6. С. 190-194.
6. Еремеев С. Г. Психологические приемы и способы воздействия на преступные группы в целях их разобщения на стадии предварительного расследования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. №4 (63). С. 69-73.
7. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. — СПб.: Питер, 2009. — 576 с.
8. Космодемьянская Е. Е. Психологические особенности групп отрицательной направленности и их лидеров и возможности использования знаний о них в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2016. №1 (22). С. 49-57.
9. Сухов Анатолий Николаевич Социально-психологический подход к пониманию организованной преступности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. №1 (72). С.25-28.
10. Чалдини, Р. Психология влияния: [перевод с английского] / Роберт Чалдини. - 5-е изд. - Санкт-Петербург [и др.] : Питер, Прогресс книга, 2018. - 475 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 371.47.022

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_130

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕЙ А. С. МАКАРЕНКО В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Фидря Анна Валерьевна,

*Студентка факультета филологии, истории и обществознания филиала
Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани*

Южакова Татьяна Леонидовна,

*Доцент, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории, обществознания
и педагогических технологий филиала Кубанского государственного
университета в г. Славянске-на-Кубани*

E-mail: yuzhakovatl@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются основные идеи воспитательной системы Антона Семёновича Макаренко, подчеркивается их актуальность для современной системы образования; обосновывается значимая роль семейного, трудового и игрового воспитания, роль организации самоуправления. Авторы сопоставляют указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» с принципами педагогической системы А. С. Макаренко.

Ключевые слова: педагогическая система А. С. Макаренко, трудовое воспитание, семейное воспитание, коллектив, самоуправление, духовно-нравственное развитие.

INTERPRETATION OF A. S. MAKARENKO'S IDEAS IN MODERN RUSSIAN EDUCATION

Fidrya Anna Valeryevna,

*Student of the Faculty of Philology, History and Social Studies of the branch
Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban*

Yuzhakova Tatiana Leonidovna,

*Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of History, Social Studies
and Pedagogical Technologies of the branch of the Kuban State
University in Slavyansk-on-Kuban*

E-mail: yuzhakovatl@mail.ru

This article examines the main ideas of the educational system of Anton Semenovich Makarenko, emphasizes their relevance for the modern education system; substantiates the significant role of family, work and play education, the role of the organization of self-government. The authors compare the Decree of the President of the Russian Federation No. 809 "On the approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening

of traditional Russian spiritual and moral values" with the principles of the pedagogical system of A. S. Makarenko.

Keywords: *the pedagogical system of A. S. Makarenko, labor education, family education, collective, self-government, spiritual and moral development.*

Педагогическая система воспитания А. С. Макаренко получила признание как в нашей стране, так и на международном уровне. В 1988 г. ЮНЕСКО признало Антона Семёновича, одновременно с Д. Дьюи, М. Монтессори, Г. Кершенштейнер, уникальным педагогом мира.

Многим из нас А. С. Макаренко известен как создатель и руководитель колоний, где воспитывались беспризорники и несовершеннолетние правонарушители, а также трудно воспитываемые дети, которых привозили родители, не справлявшиеся с их воспитанием. Антон Семёнович Макаренко вошёл в историю посредством своей работы с беспризорниками в колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского. Эти учреждения были созданы из-за существования в СССР значительного числа детей, которые после Первой мировой и Гражданской войн остались без родителей: в 1922 году в стране насчитывалось около семи миллионов малолетних бродяг [1].

Педагогический опыт и педагогические взгляды Антона Семёновича Макаренко выражены в его произведениях: «Марш 30 года» (1932), «ФД-1» (1932), в главном труде – «Педагогическая поэма» (1925-1935), в художественном произведении – «Флаги на башнях» (1938) и автобиографической повести – «Честь» (1937-1938), романе – «Пути поколения» (не закончен), «Книги для родителей» (1937) и в научно-педагогической работе «Методика организации воспитательного процесса (1936).

Ключевыми идеями системы воспитания Макаренко являлись следующие подходы: воспитание в коллективе и через коллектив, трудовое воспитание, воспитание в семье, воспитание в игре. Сегодня же можно констатировать тот факт, что его идеи были приняты со значительным искажением. Главным фактором в своей воспитательной работе он считал установление тесных связей между родителями и детьми. Процесс воспитания в семье – это важнейшее средство обеспечения существования преемственности поколений, это исторический процесс вхождения подрастающего поколения в жизнь общества [2]. Антон Семёнович отводил важную роль в развитии общества семейному воспитанию. «Воспитывая детей, нынешние родители воспитывают будущую историю нашей страны и, значит, историю мира» [3]. Он регулярно выступал с лекциями для родителей. Воспитанию детей посвящены такие работы, как «Книга для родителей», «Лекции о воспитании детей», «Выступления по вопросам семейного воспитания». В своей лекции «О воспитании детей» в разделе «Общие условия семейного воспитания», А. С. Макаренко говорил: «Прежде всего, обращаем ваше внимание на следующее: воспитать ребенка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитывать. Правильное воспитание с самого раннего детства – это вовсе не такое трудное дело, как многим кажется. По своей трудности это дело по силе каждому человеку, каждому отцу и каждой матери. Хорошо воспитать своего ребенка легко может каждый человек, если только он этого действительно захочет, а кроме того, это дело приятное, радостное, счастливое». Главная роль в воспитательном процессе уделяется личному примеру взрослых и трудовому воспитанию. «Ваше собственное поведение – самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете» – писал А.С. Макаренко. Понимание современными родителями сущности воспитания является весьма важным и сегодня, в XXI в., когда все усилия большинства отцов и матерей направлены на материальное обеспечение семьи и детей, а об

организации жизни ребенка, его досуга мало кто задумывается [2]. Дети отдаляются от родителей, живут в своём мире под влиянием смартфонов, гаджетов, компьютерных игр, которыми родители даже не интересуются, не задумываются о последствии формирования жизненных установок и ценностей таким образом. А. С. Макаренко говорил, что ребёнка воспитывает весь окружающий мир: и люди, и вещи, и различные явления, но, прежде всего, первое место отводится людям, а именно родителям и педагогам.

К следующим главным факторам в своей воспитательной работе Антон Семёнович отводил пропаганде гуманного и внимательного отношения к детям, уважения их интересов, введению труда в школе.

В наши дни в России, примерно, тысяча школ придерживаются макаренковской модели организации. Общество уже признаёт, что детские дома и интернаты не справляются со своими задачами, дети выходят полностью неподготовленными к реальной жизни. А большинство колоний так и не достигают своей главной цели – перевоспитания несовершеннолетних [4]. Взгляды А. С. Макаренко были направлены, в первую очередь, на уважительное и доверительное отношение к личности ребёнка, сочетавшееся с требовательностью. Работу воспитанника-организатора никто не контролировал по мелочам, он сам отвечал за конечный результат. Деятельность органов самоуправления никогда не подменялась деятельностью воспитателей [5]. Так, ребята чувствовали себя истинными творцами своей жизни, которые совместно с учителями принимают решения и реализуют их, что позволяло вызвать лучшее в человеке, обеспечить ему радостное самочувствие, ощущение защищённости, уверенности в своих силах, сформировать постоянную потребность движения вперёд [5]. Всё это достигалось А. С. Макаренко за счёт организации самоуправления.

**Система полномочий в колонии имени А. М. Горького
(воспроизводится по рисунку А. С. Макаренко)**

Общее собрание	Педагогический совет
Совет командиров	Заведующий колонией
Командир отряда	Дежурный по колонии
Воспитанник	

**Рисунок 1 – Распределение полномочий в колонии имени А. М. Горького
(воспроизводится по рисунку А. С. Макаренко)**

Общее собрание стало первым органом власти, возникшим в 1921 г. Именно на общих собраниях А. С. Макаренко старался увлечь ребят перспективой жизни в социалистическом государстве и убедить строить свою жизнь по-новому [6]. Они необходимы были для формирования у ребят чувства ответственности за принятые решения. С 1923 г. создавались временные сводные отряды для сельскохозяйственных работ, культурных мероприятий и т. п. Макаренко по этому поводу писал: «Сводные отряды позволили сформироваться единому коллективу, в котором есть рабочая (сводные отряды) и организационная дифференциация, демократия общего собрания, приказ и подчинение товарища товарищу и нет условий для образования командирской касты» [7, с. 109]. Таким образом, воспитанники выполняли не только рабочие функции, но и организаторские. С 1926 г. возник высший хозяйственный орган – совет командиров. Он собирался один раз в неделю, по субботам, и планировал следующую неделю, составлял сводные отряды [5]. Данная система полномочий была довольно проста и, что важно, она работала. Наибольшей чёткости и разнообразия полномочий система организаторской деятельности достигла в Коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, в которой руководимый А. С. Макаренко коллектив стал уже не просто сельскохозяйственной коммуной, а высокопрофессиональным производственным

коллективом, изготавливающим единственные в стране фотоаппараты ФЭД и электросверлилки ФД [8].

Структура самоуправления в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского

Общее собрание	Педагогический совет
Производственная комиссия (1)	Правление (4)
Производственно-цеховые тройки (2)	Руководитель учреждения
Штаб соревнования (3)	Совет клуба (11)
Комитет комсомола (9)	Хозкомиссия (5)
Совет дружины (10)	Санитарная комиссия (6)
Совет командиров	Дежурный по колонии (7)
Командир класса (8)	Командир отряда
Воспитанник	

Рисунок 2 – Структура самоуправления в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского

Сравнивая структуры самоуправления в колонии им. А. М. Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского (рисунки 1, 2), можно заметить, что аппарат управления в последней значительно расширился. Коммуна Ф. Э. Дзержинского представляла собой хозяйственный организм высокого уровня производства, который требовал не только чёткой организации производства (№ 1, 2, 3, 4 на схеме), но и высокого уровня знаний – возрастает роль учёбы (№ 8), в стенах коммуны появляется рабфак. Кроме того, в течение семи лет коммуна работала без воспитателей, и за поддержание чистоты, порядка, уюта отвечали сами ребята (№ 5, 6, 7). Наполненной и разнообразной была жизнь общественных организаций (№ 9, 10), в коммуне работало более 20 кружков, осуществлялись самые невероятные путешествия в мир смекалки и мечты в клубной работе (№11) [5].

Важную роль в системе самоуправления А. С. Макаренко отводил традициям, которые способствовали исчезновению в коллективе разборок, скандалов, постоянных объяснений. Так как они несли в себе чёткие правила по решению разнообразных практических задач, это упрощало жизнь воспитанников.

Антон Семёнович так организовывал педагогический и трудовой процесс, что «каждый ребёнок включался в систему реальной ответственности»: и в роли командира, и в роли трудящегося, что несомненно также требовало привлечения творческого потенциала. В его задачи не входило воспитать из беспризорника нового человека. Он всего лишь учил правильному распоряжению имуществом и творческому труду. Для А. С. Макаренко одной из главных целей считалось донести до каждого воспитанника, что он является собственником колонии. Антон Семёнович формирует в сознании каждого беспризорника чувство ответственности, совести и понимание того, что чем хуже будет всем, тем хуже будет ему самому. Воспитание собственников, которые умеют грамотно распоряжаться тем, чем владеют, не нанося вред коллективу – в этом и есть идея системы А. С. Макаренко. Он выступал за широкую и полную демократизацию воспитания и обучения, за создание нормального психологического климата в детской среде, который даёт каждому гарантию защищённости, а значит гарантию свободного и творческого развития [9]. Антон Семёнович подчёркивал, что в коллективе «личность выступает в новой позиции воспитания – она не объект воспитательного влияния, а его носитель – субъект, но субъектом она становится, только выражая интересы всего коллектива» [10, с. 403]. Другой советский педагог, В. А. Сухомлинский, считал, что основа полноценной жизни коллектива,

совершенствование взаимоотношений внутри него зависит от духовного богатства каждого человека. Он полагал, что коллектив – есть средство нравственного и духовного развития ребёнка. «Мудрая» власть коллектива помогает личности преодолеть черты эгоизма, равнодушия, занять гражданскую позицию, включиться в созидательную, гуманистически направленную деятельность на благо других людей [10, с. 113].

Проблему нравственного развития школьников в коллективе рассматривала Татьяна Ефимовна Конникова, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории нравственного воспитания кафедры общей педагогики ЛГПИ им. А. И. Герцена в 60-е – 70-е годы. Воздействие коллектива на ребёнка зависит от того, насколько он активен. Условием становления гуманистических отношений она считала участие детей в делах на благо других, сотрудничество с другими коллективами ради общей цели, преодоление вместе трудностей и переживание общих достижений [11, с. 808].

В настоящее время духовно-нравственное развитие и воспитание подрастающего поколения не потеряли своей актуальности, они выступают в качестве первоочередных задач системы образования Российской Федерации [12, с. 209]. В 2022 г. был издан Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», нацеленный на защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, передачу их от поколения к поколению; на противодействие распространению деструктивной идеологии; на формирование на международном уровне образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей [13]. В связи с сегодняшними событиями, когда украинские власти упорно стараются вычеркнуть культурное и историческое наследие РФ, это является особенно важным.

К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [13]. Это все те составляющие, на которых основывается воспитательная система А. С. Макаренко. Следование им способствует повышению сплочённости народов России, осознанию ими важности в сохранении и укреплении традиционных ценностей. Духовно-нравственному развитию школьников способствует общеобразовательная школа с малых лет. Ещё с начальных классов, руководствуясь образовательным стандартом, учитель уделяет большое внимание духовно-нравственному и патриотическому воспитанию своих учеников как на уроке, так и во внеурочной деятельности. Современный педагог может многому научиться, обращаясь к опыту, накопленному советской педагогикой, в частности, в трудах А. С. Макаренко, ориентированных на сбережение и реализацию традиционных ценностей в системе воспитания подрастающего поколения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыжова, М. Трудовые коммуны. Опыт Антона Макаренко / М. Рыжова // Суть времени. – 2014. – № 62.
2. Кравченко, Т. Н. Установки для современных родителей в педагогическом наследии А. С. Макаренко / Т. Н. Кравченко // Педагогическая наука и практика. – 2018.
3. Макаренко, А. С. Лекции о воспитании детей / А. С. Макаренко // Педагогические сочинения : в 8 т. Т. 4. – Москва: Педагогика, 1984. – URL: http://az.lib.ru/m/makarenko_a_s/text_1937_lektzii_o_vosp_detey.shtml (дата

- обращения: 26.07.2023).
4. Огольцова, Е. Г. Особенности воспитательной системы Антона Семёновича Макаренко / Е. Г. Огольцова, М. А. Богданова, А. А. Титова // Молодой учёный. – 2017. – № 52 (186). – С. 219–221. – URL: <https://moluch.ru/archive/186/47561/> (дата обращения: 26.07.2023).
 5. Платонова, С. М. Принципы развития самоуправления в коллективах Антона Семёновича Макаренко / С. М. Платонова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2022. – № 4. – С.
 6. Морозов, В. В. Смыслоразностные установки педагога А. С. Макаренко в воспитании «Невоспитуемых» / В. В. Морозов // Социальная педагогика. – 2013. – № 4. – С. 21–30.
 7. Макаренко, А. С. Педагогическая поэма в 2 книгах. Книга 1 / А. С. Макаренко. – Москва : Юрайт, 2023. – 348 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/516568> (дата обращения: 28.05.2023). – ISBN 978-5-534-06888-7.
 8. Макаренко, А. С. Педагогические сочинения: в 8 т. / А. С. Макаренко; редкол. М. И. Кондаков и др. – Москва: Педагогика, 1983–1986.
 9. Комарова, А. В. Современный взгляд на идеи А. С. Макаренко и И. П. Иванова о взаимосвязи личности и коллектива / А. В. Комарова, Т. В. Слотина // Российский гуманитарный журнал. – 2014. – № 2. – С.
 10. Стефановская, Т. А. Классный руководитель: функции и основные направления деятельности : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Т. А. Стефановская. – 3-е изд., стер. – Москва : Издательский центр «Академия», 2006. – С. 113. – ISBN 978-5-7695-4641-9.
 11. Иванов, И. П. Педагогика коллективной творческой жизни // Педагогические труды академика И. П. Иванова. – Т. 1. – Санкт-Петербург : Издательство Политехнического Университета, 2013. – С. 78–100.
 12. Ильинская, И. П. Духовно-нравственное воспитание младших школьников в условиях полиэтнической образовательной среды / И. П. Ильинская // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 1. – Т. 2. – С. 209–215.
 13. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=1> (дата обращения: 14.08.2023)

УДК 376.

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_136

РОЛЬ ЦЕННОСТНО-КОГНИТИВНОГО КОМПОНЕНТА ИНКЛЮЗИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ В УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ИНКЛЮЗИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Чеботарева Ольга Владимировна

Соискатель кафедры педагогики и управления образованием,
ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»,
E-mail: ochebotareva@mail.ru

В статье исследуется критическая роль ценностно-когнитивного компонента инклюзивной компетентности учителя в успешной реализации инклюзивной образовательной практики. Рассматриваются составляющие данного компонента, их понятия, функции, аспекты. Анализируется влияние ценностных убеждений учителей на их мотивацию и отношение к работе в условиях инклюзии. В работе также объясняется значимость когнитивных компетенций педагога в вопросе организации обучения. Автор подчеркивает важность теоретических знаний (понимание принципов инклюзии, потребностей учащихся с различными особенностями) и умение применять их на практике (адаптация образовательного процесса в соответствии с возможностями учеников). Результаты исследования показывают, что развитие ценностно-когнитивного компонента следует считать ключевым условием для повышения эффективности образования в условиях инклюзии.

Ключевые слова: инклюзивная компетентность, ценностный компонент, когнитивный компонент, инклюзивное образование, педагогическая компетентность, образовательная система, особые потребности, инклюзивное общество, мотивация, профессиональное развитие учителей.

THE ROLE OF THE VALUE-COGNITIVE COMPONENT OF INCLUSIVE TEACHER COMPETENCE IN THE SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF INCLUSIVE EDUCATIONAL PRACTICES

Chebotareva Olga Vladimirovna

Candidate of the Department of Pedagogy and Education Management,
Tomsk State Pedagogical University
E-mail: ochebotareva@mail.ru

The article explores the critical role of the value-cognitive component of inclusive pedagogical competence in the successful implementation of inclusive learning practices. Components of this component, their concepts, functions, aspects are considered in the paper. The authors analyze the influence of teachers' values on their motivation and attitude to work in an inclusive environment. The work also explains the importance of cognitive competences in the organization of training. The study emphasizes the importance of theoretical knowledge (understanding the principles of inclusion and the necessity of students with different characteristics) and the ability to apply them in practice (adaptation of the educational process to students). The results of the article suggest that the development of a value-cognitive

component should be considered as key condition for improving the effectiveness of education in inclusive settings.

Keywords: *inclusive competence, value component, cognitive component, inclusive education, pedagogical competence, education system, special needs, inclusive society, motivation, teacher professional development.*

Инклюзивное обучение в последние несколько десятилетий выступает одной из актуальных тенденций развития сферы образования в России. Это, безусловно, важный шаг на пути к созданию общества с равными возможностями для всех. Такое образование позволяет формировать у людей правильные суждения и ценности, а также грамотно выстраивать и реализовывать в социуме процессы, в которых участвуют представители общества как с ОВЗ, так и без таковых. Инклюзивное общество не только помогает создать равные возможности для всех, но также способствует социальной интеграции людей с особыми потребностями, формированию навыков саморегуляции, укреплению в социуме демократических ценностей и толерантности. Именно поэтому формирование правильного понимания данного явления и реализацию успешного образовательного процесса в таких условиях следует считать первостепенными задачами современного педагога. Из этого можно сделать вывод о важности инклюзивной компетентности учителя, осуществляющего обучение в условиях совместного образования детей с инвалидностью или ОВЗ и без них.

Для понимания сути вопроса компетентность можно определить, как совокупность навыков, знаний и опыта, применяемых специалистом в конкретной сфере и обеспечивающих эффективность осуществляемой деятельности. Под инклюзивной компетентностью в свою очередь понимают способности и умения, необходимые для успешного взаимодействия, обучения и работы с людьми с разными физическими и психологическими возможностями, особенностями, а также потребностями. Для педагога она проявляется в навыках, обеспечивающих эффективность процесса обучения, который бы удовлетворял образовательные потребности всех учеников.

Для лучшего понимания инклюзивной педагогической компетентности мы решили рассмотреть ее структурные компоненты, в частности, выделив ценностно-когнитивный аспект. Значимость ценностно-когнитивного компонента обусловлена несколькими условиями, а именно тем, как его составляющие влияют на социальный процессы. Когнитивный компонент способствует пониманию людьми принципов инклюзии, стандартов и норм поведения, а также благоприятствует адаптации разных групп населения, укрепляет социальную солидарность и справедливость. Ценностные ориентиры и убеждения, в свою очередь, формируют мировоззрение, мотивируют человека к созданию более совершенного общества. В то же время развитие ценностно-когнитивного компонента инклюзивной компетентности у учителей повышает эффективность образования.

Рассмотрим составляющие данного компонента инклюзивной компетентности педагога. И. А. Романовская и И. Н. Хафизуллина, кандидаты педагогических наук, в статье «Развитие инклюзивной компетентности учителя в процессе повышения квалификации» определяют когнитивную компетенцию «как способность педагогически мыслить на основе системы знаний и опыта познавательной деятельности, необходимых для осуществления инклюзивного образования» [1]. Иными словами, когнитивная компетенция для учителя – это способность анализировать, применять и сохранять необходимые знания и опыт для успешной реализации инклюзивного образования. Это означает, что педагог должен уметь эффективно использовать свои познавательные навыки для решения задач и ситуаций, возникающих в инклюзивной образовательной практике. Несколько иначе этот термин интерпретирует В. В. Хитрюк, говоря, что данная компетенция включает

в себе также и «знания, характеризующие познавательную деятельность и личность «особых» детей» [2]. Таким образом, когнитивный компонент инклюзивной компетентности педагога представляет собой комплекс знаний, навыков и умений, а также способность к их применению в контексте инклюзии. Он ориентирован на понимание, адаптацию и применение инклюзивных принципов для обеспечения равных возможностей образования всех (включая людей с ОВЗ, а также разнообразными физическими, когнитивными, социальными или эмоциональными потребностями). Когнитивный компонент состоит из следующих аспектов:

- понимание принципов и норм инклюзии;
- умение педагога применять и адаптировать свои навыки, в частности профессиональные, для обеспечения эффективного образовательного процесса в условиях инклюзии;
- развитие коммуникационных навыков (умение чувствовать ситуацию, создавать комфортную атмосферу и пр.);
- саморазвитие, обновление и расширение учителем своих знаний в области инклюзивного образования.

Ценностный компонент инклюзивной компетентности представляет собой систему убеждений, принципов и ценностей человека, которые ориентированы на признание и поддержку равенства прав, уважение людей с ограниченными возможностями, принятие их как полноправных членов общества. Ценности ориентируют человечество на создание общества, в котором все люди признаются важным и имеют равные возможности участия в образовательных, социальных и культурных сферах и мероприятиях.

Ценностный компонент может быть также представлен и рассмотрен в виде конкретных принципов:

1. Уважение и принятие. Задачей каждого в этом ключе является уважение и принятие различий в людях, их характеристик, потребностей и способностей, а также признание их ценности для общества. Этот аспект ценностной компетенции проявляется в понимании того, что каждый человек уникален и имеет право на уважение и признание независимо от своей индивидуальной идентичности. Открытость к разнообразным точкам зрения и культурным контекстам является показателем сформированности ценностных компетенций у человека. Для педагога же это уважение и признание уникальности каждого ученика. Уважение к каждой личности должно быть приоритетом, и свобода действий учеников должна быть обеспечена.

2. Равенство прав и возможностей всех людей. Данный аспект определяет право каждого человека на качественное достойное образование. Ценностные компетенции педагога в этом вопросе означают его умение подстроить учебный процесс под учеников с учетом их возможностей и искоренить любую дискриминацию в коллективе. Также важным показателем благоприятная безопасная среда, в которой каждый ученик будет чувствовать поддержку и уважение.

3. Социальная справедливость. Социальная справедливость может рассматриваться и как цель, преследуемую обществом, и как принцип, который, наоборот, должен задавать развитие социальных институтов. Ценностная составляющая рассматриваемого нами компонента непосредственно связана со стремлением к социальной справедливости, созданием общества без дискриминации и, что не менее важно в исследуемом вопросе, борьбой с неравенством в образовании. Педагог должен способствовать устранению и преодолению барьеров, содействовать инклюзивному подходу в обществе. Инклюзивное образование, в свою очередь, должно соответствовать принципам справедливости и равенства.

4. Профессиональная и личностная ответственность педагога. Этот аспект подразумевает готовность учителя к личной и профессиональной ответственности за создание необходимых условий. Причем ответственность за создание и поддержание

инклюзивной среды и практики, несут как учителя, так и другие участники процесса, например, родители, администрация школы и даже сами учащиеся.

5. Нравственное ориентирование на пользу. В данном контексте инклюзивное образование должно быть полезным для всех учащихся наравне с обычным образованием. При этом, образовательный процесс должен быть максимально эффективным и доступным для всех учеников в равной степени.

В рамках обучения детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), ценности играют важную роль как основополагающие и мотивационные понятия. Понимание этих ценностей является ключевым для всех участников образовательного процесса, включая школьников, родителей, учителей и администрацию школы, так как оно способствует правильной организации инклюзивного образования и его принятию в обществе.

Таким образом, ценностный компонент инклюзивной компетентности служит фундаментом для разработки образовательных практик и методик, а также ориентирует общество на принятие и вовлечение в социальные процессы всех людей – в том числе и с инвалидностью или ОВЗ, что в свою очередь способствует созданию более справедливого общества. Эта составляющая формирует подход педагога к образованию и взаимодействию с учащимися, способствует созданию инклюзивной образовательной среды, где каждый ученик имеет возможность раскрыть свой потенциал и достичь успеха.

Большинство авторов, изучавших данную тему, рассматривали ценностный и когнитивный компоненты инклюзивной компетентности отдельно друг от друга. Первый зачастую представляли в составе мотивационно-ценностного, ценностно-смыслового или мотивационно-когнитивного компонентов [3, 4, 5], а второй – когнитивно-информационного [6]. И. А. Романовская и И. Н. Хафизуллина не только рассматривали данные компоненты как несвязанные, но и относили их к разным уровням компетентностей. В их исследовании ценности выступают в качестве ключевых содержательных аспектов общечеловеческой и базовой профессиональной компетентностей педагога, а когнитивная компетенция относится к специальной и частной компетентностям. То есть ценностные ориентиры играют роль на этапах формирования взглядов человека и развития навыков на основе профессионального опыта педагога, а когнитивная компетенция применяется педагогом в рамках деятельности в конкретных условиях, для решения поставленных перед ним задач.

Нами же ценности и когнитивная компетенция учителя были выделены как единый элемент. Они рассматриваются вместе, так как тесно взаимосвязаны и взаимозависимы в формировании инклюзивной компетентности. Ценности определяет цели, мотивацию, отношение человека к инклюзии. Когнитивные компетенции помогают реализовать эти ценности в конкретные действия, адаптировать знания и навыки педагога к конкретным ситуациям. Когнитивные компетенции могут усилить ценностный аспект и, наоборот, сами совершенствоваться по мере развития человеком своей идеологии в данной сфере. Все это подчеркивает важность рассмотрения и развития ценностных и когнитивных компетенций в совокупности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романовская И.А., Хафизуллина И.Н. Развитие инклюзивной компетентности учителя в процессе повышения квалификации // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4.
2. Хитрюк В.В. Готовность педагогов к работе в условиях инклюзивного образования // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – №3. – С. 189–194.
3. Смирнова И.В. К вопросу об определении мотивационно-ценностного компонента готовности будущих педагогов к профессиональной деятельности в

условиях дошкольного инклюзивного образования // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2018. – №3. – С. 306–311.

4. Оралканова, И.А. Формирование готовности учителей начальных классов к работе в условиях инклюзивного образования [Текст]: дис. ... доктора филос. наук. / Оралканова Индира Адылкановна – Алматы. – 2014. – 125 с.

5. Шкутина Л.А., Рымханова А.Р., Мирза Н.В., Карманова Ж.А. Содержательная структура профессиональной компетентности педагогов в условиях инклюзивного образования // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2017. – № 3. – С. 130 –136;

6. Богданова Е.В. Структура инклюзивной компетентности студентов в информационно-образовательной среде вуза // Вестник Мининского университета. – 2016. – №3.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)

УДК 37.013.42

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_141

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ЦЕНТРОВ ПОМОЩИ ДЕТЯМ И ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ К ТРУДОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Залужная Мария Васильевна

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Социальная педагогика», факультета «Психология, педагогика и дефектология», Донской государственной технической университет

E-mail: zaluzhnaya.mari@mail.ru

Байер Елена Александровна

Доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Социальная педагогика», факультета «Психология, педагогика и дефектология», Донской государственной технической университет

Арутюнян Рузанна Леоновна

Руководитель Службы сопровождения выпускников
ГКУСО РО Азовского центра помощи детям

В статье исследуются основные особенности педагогической деятельности на базе центров помощи детям, направленной на трудоустройство выпускников. Уделяется внимание также и работе иных учреждений для детей-сирот, направленной на подготовку выпускников к самостоятельной жизни по окончании средних или средних специальных учебных заведений. Также рассматриваются проблемы, возникающие во время трудовой социализации выпускников рассматриваемых учреждений, вследствие достаточно позднего изъятия детей из неблагополучных семей, в которых родители могли подавать им исключительно примеры деструктивного асоциального поведения. Только оказавшись в системе государственной поддержки детства, такие дети получают возможность составить себе развернутое представление о позитивных моделях трудовой социализации, и следовать одной из наиболее приемлемых для каждого из них в процессе профессионального самоопределения. Неотъемлемой в процессе трудовой социализации выпускников является роль центров занятости населения, которые помогают выпускникам в их профессиональном самоопределении. Объединенные программы центров помощи детям, некоммерческих организаций и центров занятости, как правило, пользуются популярностью среди выпускников, что позволяет достичь максимально высоких результатов в дальнейшем трудоустройстве представителей данной целевой группы.

Ключевые слова: дети-сироты, выпускник, центр помощи детям, замещающая семья, социализация, центр занятости населения.

PEDAGOGICAL PROCESS OF PREPARING GRADUATES OF CHILD CARE CENTERS AND SUBSTITUTE FAMILIES FOR LABOR SOCIALIZATION

Zaluzhnaya Maria Vasilyevna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Pedagogy, Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University
E-mail: zaluzhnaya.mari@mail.ru

Bayer Elena Aleksandrovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Pedagogy, Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University

Harutyunyan Ruzanna Levonovna

Head of Graduate Support Service, GKUSO RO of the Azov Children's Aid Center

The article examines the main features of pedagogical activity on the basis of child care centers aimed at the employment of graduates. Attention is also paid to the work of other institutions for orphans aimed at preparing graduates for independent life after graduating from secondary or secondary specialized educational institutions. The problems arising during the labor socialization of graduates of the institutions in question are also considered, due to the rather late withdrawal of children from dysfunctional families in which parents could only give them examples of destructive antisocial behavior. Only when they find themselves in the system of state support for childhood, such children get the opportunity to form a detailed idea of positive models of labor socialization, and follow one of the most acceptable for each of them in the process of professional self-determination. Integral in the process of graduates' labor socialization is the role of employment centers that help graduates in their professional self-determination. Combined programs of child care centers, non-profit organizations and employment centers, as a rule, are popular among graduates, which allows achieving the highest possible results in the further employment of representatives of this target group.

Keywords: *orphans, graduate, child care center, substitute family, socialization, employment center.*

В данной статье, категория «выпускник» рассматривается в контексте постинтернатного сопровождения на базе центра помощи детям, осуществляемого с целевой группой выпускников организации для детей-сирот и выпускников замещающих семей.

Педагогическое сопровождение выпускников не может не включать в процесс их постинтернатной адаптации живых примеров личностей людей, достигших значительных успехов в своей профессии.

Сотрудник центра помощи детям, отвечающий за профессиональное самоопределение выпускников, должен внимательно изучить личное дело каждого выпускника, чтобы получить развернутое представление о том, какие присущие ему индивидуальные характеристики могут способствовать либо препятствовать профессиональной самореализации.

Принципиально важным обстоятельством является продуктивный постоянный контакт, который педагоги организации устанавливают и поддерживают с сотрудниками центра занятости населения.

При планировании алгоритма совместной профориентационной деятельности сотрудниками центра помощи детям должны учитываться возможности волонтеров, работающих в некоммерческих организациях муниципального, регионального или федерального уровня и соответствующего профиля.

Педагог организацией для детей-сирот может найти людей из числа волонтеров НКО, заинтересованных в том, чтобы каждый выпускник был трудоустроен исходя из его собственных предпочтений и реальных возможностей для этого одновременно.

В случае если у педагогов центра помощи детям пока ещё не сложился продуктивный контакт с сотрудниками центров занятости, им следует знать о том, что члены некоммерческих объединений имеют соответствующий уровень квалификации для того чтобы взять на себя полномочия своеобразных медиаторов.

Именно эти специалисты могут помочь установить наиболее плотный и результативный контакт между организацией для детей-сирот, которые в настоящий момент готовят к выпуску очередную группу воспитанников, а также руководителями тех предприятий, которые готовы работать с такими выпускниками.

Наиболее перспективным представляется то, что волонтеры всегда стремятся держать под строгим контролем как сам процесс трудоустройства каждого выпускника, так и характер их адаптации на рабочих местах, что позволяет контролировать возможность возникновения нештатных ситуаций во время адаптационного периода выпускника в трудовом коллективе.

Materials and methods (Материалы и методы).

К числу основных методов, которые применяются в процессе организации данного исследования, следует отнести анализ научной и научно-методической литературы, а также последовательное обобщение эмпирического опыта взаимодействия с педагогическими коллективами организаций для детей-сирот, содействующих их работе, некоммерческих организаций и центров занятости населения.

Материалом проводимого в данной работе исследования является процесс трудоустройства выпускников центров помощи детям и замещающих семей и их трудовой социализации в целом в рамках педагогического сопровождения данной целевой аудитории.

Discussion (Дискуссия, включающая анализ научной литературы по теме статьи).

Успешная реализация совместной программы организаций для детей-сирот и центров занятости населения, позволяет эффективно готовить выпускников к трудоустройству по окончании средних школ, техникумов и профтехучилищ [Макарова, 2017].

Для многих центров помощи детям, характерно тесное взаимодействие с некоммерческими организациями и органами муниципальной власти, в области трудовой социализации выпускников. Центры занятости населения помогают педагогическим коллективам организаций для детей-сирот в поиске наиболее приемлемых рабочих мест для выпускников.

Совместная деятельность организаций для детей-сирот, а также центров занятости населения, содействует существенному расширению спектра доступных для выпускников общественных работ [Пилюгина, 2017].

Прямая задача педагогов организации и сотрудников центров занятости - общими усилиями изучить рынок труда для правильного подбора выпускников именно на вакантные рабочие места, которые в наибольшей степени соответствуют их физическим и умственным возможностям [Свиридова, 2017].

Развернутое представление педагогов центров помощи детям о реальных возможностях своих выпускников, позволит целесообразно представить своим

коллегам из центра занятости, как оптимально подойти к проблемам своих бывших воспитанников таким образом, чтобы исключить возможность возникновения безработицы среди выпускников [Байер, 2017].

В этом случае выпускники организаций для детей-сирот будут своевременно находить при поддержке социальных педагогов, педагогов-психологов, воспитателей и сотрудников центров занятости предприятия, в трудовых коллективах которых они физически могли бы и желали работать [Капустина, 2017].

И. Дж. Баккен и его коллеги выражают глубокую убежденность в том, что принципиально важно продемонстрировать выпускнику, который чрезмерно доверяет иллюзиям виртуального мира, многообразие красок реальной жизни [Bakken et al., 2009], чего и позволяет достичь правильно организованная профориентация.

Полное согласие с данной группой ученых демонстрирует Н. Каревич и другие хорватские коллеги [Carević et al., 2014]. В искреннем внимании к выпускнику со стороны педагогов, волонтеров и сотрудников центров занятости заключается не только адекватном восприятии интернет-пространства, но и яркая демонстрация достойной реальной замены сетевым иллюзиям в виде профессионального становления.

Возникновение интернет-зависимости не должно становиться ощутимым препятствием для успешной социальной адаптации и устройства на работу выпускников, при условии заботливого отношения педагогов [Rumpf et al., 2014].

Д. Н. Гэмбл усматривает доминирующую роль «продвинутых» макрокомпетенций, которые могут преподноситься в высокой концентрации для практиков социальной работы, которые определяют уровень знаний, характер ценностей, суждений и навыков выпускника для его благополучия [Gamble, 2011].

Поскольку в задачу педагогов интернатных учреждений входит трудоустройство не только физически здоровых выпускников, большой интерес представляет совместная работа педагогов и представителей общественности в команде для поддержки выпускников группы риска и имеющих тяжелые формы инвалидности [Hunt et al., 2003].

Выровнять возможности выпускников перед лицом неожиданных вызовов взрослого мира позволит инклюзивное образование, которое предназначено изначально для детей, испытывающих особые трудности в обучении [Kavkler et al., 2015].

Именно с учетом данных кондиций и возможностей конкретной личности становится уместным выразить надежду на продуктивность подобного подхода в процессе организации подготовки выпускников в мировой практике.

Необходимо повышение осведомленности выпускников о широте круга профессий, из числа которых они могут делать свой выбор, и уровня понимания проблематики подбора подходящих специальностей при наличии особых возможностей здоровья [Pase, 2003].

Источники неравенства, которые могут возникать в системе образования у выпускников с физическими и интеллектуальными ограничениями, должны быть также учтены в процессе проведения профориентационной работы [Pesikan et al., 2016].

Убеждения и отношение специалистов в области психического здоровья выпускников интернатных учреждений свидетельствуют о том, что и при различных видах поведения с высоким риском социальная адаптация и профориентация становится возможной [Temcheff et al., 2014].

Results (Результаты).

Благоприятным обстоятельством для педагога центра помощи детям является то, что отдельные сотрудники некоммерческих организаций достаточно часто - ещё и работники тех предприятий, в коллективах которых стремятся адаптироваться недавно трудоустроенные выпускники.

В ряде случаев предприятия, выразившие готовность взять на себя ответственность за выпускников центров помощи детям и принять их на работу, представляют собой ещё и коллективные члены их попечительских советов.

Иногда также в качестве индивидуального члена попечительского совета функционирует руководитель учреждения или предприятия, в которое выпускники приняты на работу, и проходят ту или иную стадию адаптации к новым для них условиям.

Согласно статистическим данным, приводимым руководством центра занятости населения «Твоя карьера», в 2021 году 549, в 2022 – 487, в 2023 (на 1.09.2023) - 121 выпускников организаций для детей-сирот обратилось за содействием, которое могло помочь им в поиске подходящей работы [Рисунок 1].

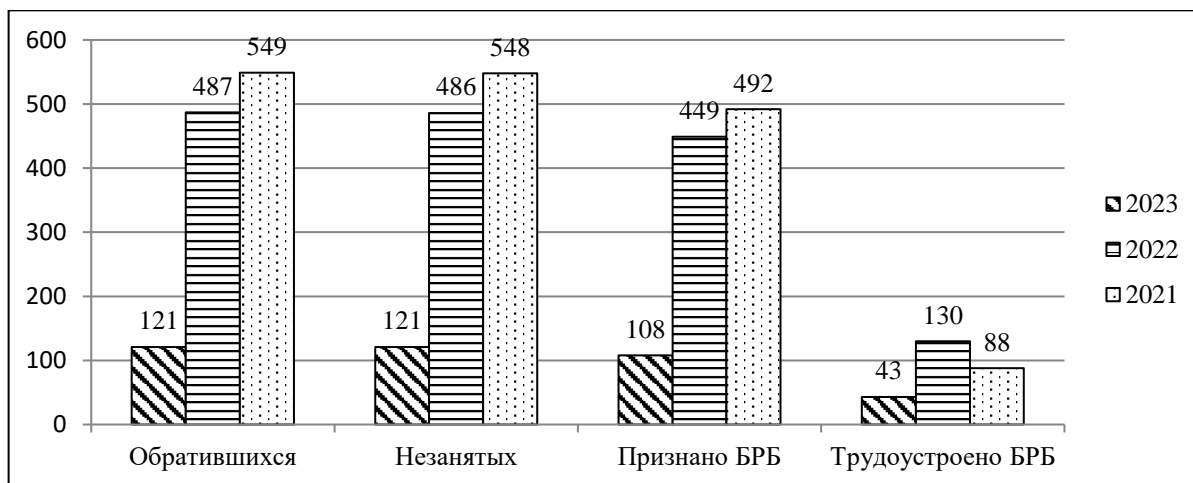

Рисунок 1 – Количество выпускников, которым оказана помощь сотрудниками центра занятости населения

Сотрудниками центра занятости населения была оказана помощь выпускникам в таких наиболее широко востребованных формах деятельности, как проведение курсов профессиональной ориентации. Этим смогли воспользоваться 548 юношей и девушек в 2021, 486 - в 2022, 121 - в 2023.

Наряду с этим, продолжительному ряду обратившихся была оказана психологическая поддержка, потребовавшаяся выпускникам, и ещё в большей степени - социальная адаптация, которую смогли пройти 186 выпускников за 2021-2023 гг.

И только 261 человек из их числа приобрели возможность трудоустройства по направлению центра занятости.

Отдельного внимания заслуживает момент, когда взявшее на работу выпускников, предприятие содействует совместной работе его педагогов и некоммерческой организации, помогающей доступными способами завершить процесс приобщения выпускников к труду до своего логического завершения.

Этим самым совместная работа педагогов, волонтеров и предпринимателей, в одинаковой степени заинтересованных в успехе решения вопросов трудоустройства и трудовой социализации выпускников, обретает принципиально новое звучание.

Профессиональная ориентация, как и в 2021 году, также стала центральным событием в процессе взаимодействия сотрудников центра занятости населения и выпускников, и в данном сезоне в ней приняло участие 157 юношей и девушек, а в 2023 году данный показатель снизился до уровня 122 выпускников [Рисунок 2].

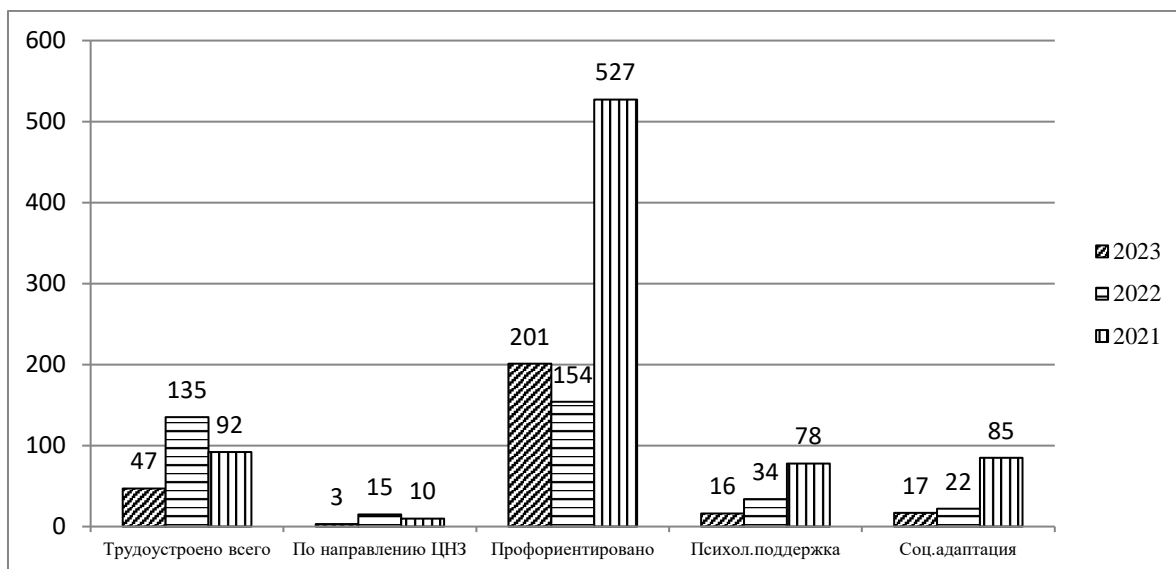

Рисунок 2 – Показатели работы центра занятости населения «Твоя карьера» с выпускниками

Приведённые выше данные могут свидетельствовать о том, что все большее количество выпускников центров помощи детям различных годов выпуска в полной мере получает внимание со стороны сотрудников центра занятости.

Поэтому в дальнейшем в услугах данного учреждения будет нуждаться, по всей вероятности, все меньшее количество выпускников, многим из которых смогут помочь и представители педагогических коллективов организаций для детей-сирот.

Conclusion (Заключение).

Руководство и коллективы сотрудников центров занятости населения, сотрудничающих с представителями многих педагогических коллективов центров помощи детям, стремятся заблаговременно разрабатывать наиболее приемлемый в данном случае комплекс мероприятий, направленных на эффективное вовлечение выпускников в профориентационную и социально-адаптационную деятельность.

Благодаря этому каждый выпускник, обратившийся в центр занятости населения за содействием, является уже не пассивным объектом внимания со стороны различных специалистов, а в полной мере погружается в процесс совместного поиска наиболее подходящей именно ему работы.

Это делается сообразно индивидуальным физическим и интеллектуальным данным, которыми располагает выпускник, и в ряде случаев его мечты занять то или рабочее место подвергаются тщательному анализу для того чтобы понять, насколько его желания сопадают с имеющимися у него возможностями.

Сотрудниками каждого сотрудничающего с организациями для детей-сирот центра занятости населения на безвозмездной основе оказывается помощь выпускникам, пока ещё не в достаточной степени информированным о характере предстоящей им работы.

При этом сотрудники центра исходят из понимания, что иногда выпускники выбирают себе профессию по первому эмоциональному порыву, руководствуясь исключительно сиюминутными соображениями о её внешней эффектности и привлекательности.

Чем более детально сможет ознакомиться выпускник с характером предстоящего ему труда, тем меньше ошибок и заведомо неверных решений будет принято им на пути к трудоустройству, чтобы сохранить его ресурсы времени, энергии и веры в себя.

Данная работа осуществляется сотрудниками центров занятости в таких востребованных формах совместной с выпускниками деятельности, как

профессиональная многоступенчатая ориентация, рассчитанная на последовательное формирование у юношей и девушек представлений о различных видах работы.

При этом понимается, что практически для всех юношей и девушек, которые в ближайшей перспективе готовятся вступить в самостоятельную жизнь, характерен завышенный уровень самооценки, также являющийся источником частых ошибок.

На данном основании сотрудники центров занятости стремятся оказать посильную психологическую поддержку большому количеству юношей и девушек, чтобы привести уровень их самооценки к приемлемому. Также важно сформировать у них реалистическое представление об окружающей их действительности.

Для этого каждому из обратившихся за помощью к сотрудникам центра занятости населения предоставляется возможность пройти карьерное консультирование, позволяющее выпускнику построить алгоритм знакомства с профессией.

В самых различных формах, прибегая к образовательным медиа ресурсам, экскурсиям на предприятия и в учреждения, организуя беседы с представителями интересных выпускникам профессий и предпринимая ещё многое другое, что требуется наибольшему количеству выпускников, педагоги и сотрудники центров достигают желаемого результата.

Следует отметить, что неотъемлемая в данном случае социальная адаптация, мероприятия по которой активно проводятся как в организациях для детей-сирот, так и в центре занятости, позволяет выпускникам лучше примениться к обычаям трудового коллектива.

К сожалению, сейчас ещё далеко не в каждой организации для детей-сирот работают только высококвалифицированные кадры, поэтому задача сотрудников центров занятости поддержать инициативу своих коллег, и помочь им достичь желаемого.

Представляется необходимым общими усилиями заблаговременно и в надлежащем объёме помочь буквально каждому выпускнику выстроить маршрут профессиональной ориентации таким образом, чтобы у него появился хороший выбор путей самореализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1.Капустина, Е. Н., Латышев, О. Ю. Работа социальной службы детского дома // Старт в науке. 2017. № 2. С. 237-242.
2. 2.Латышев, О. Ю., Байер, Е. А. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В ДЕТСКОМ ДОМЕ // Международный школьный научный вестник. 2017. № 2. С. 194-195.
3. 3.Латышев, О. Ю., Пилюгина, Е. В. СОВМЕСТНАЯ РАБОТА МУЗЕЯ И ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА В ШКОЛЕ ЮНОГО ЭКСКУРСОВОДА ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ // Международный школьный научный вестник. 2017. № 2. С. 196-197.
4. 4.Латышев, О. Ю., Макарова, Л. Н. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОСПИТАННИКОВ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА С УЧРЕЖДЕНИЯМИ НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ // URL: Международный школьный научный вестник. 2017. № 2. С. 182-184.
5. 5.Свиридова, А. Ю., Латышев, О. Ю. ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ В ШКОЛЕ-ИНТЕРНАТЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ // Международный школьный научный вестник. 2017. № 2. С. 187-188.
6. 6.Bakken, I. J., Wenzel, H. G., Göttestam, K. G., Johansson, A., Øren, A. Internet addiction among Norwegian adults: A stratified probability sample study. *Scandinavian Journal of Psychology* 2009; 50(2): 121-127.
7. 7.Carević, N., Mihalić, M., Sklepić, M. Ovisnost o internetu među srednjoškolicima. *Socijalna politika i socijalni rad* 2014; 2(1): 64–81.
8. 8.Gamble, D. N. Advanced Concentration Macro Competencies for Social Work Practitioners: Identifying Knowledge, Values, Judgement and Skills to Promote Human Well-Being. *Journal of Community Practice* 2011; 19: 369-402.

9. 9.Hunt, P., Soto, G., Maier, J., & Doering, K. Collaborative teaming to support students at risk and students with severe disabilities in general education classrooms. *Exceptional Children*, 2003. 69, 315-332.
10. 10.Kavkler, M., Kosak Babuder, M., Magajna, L. Inclusive education for children with specific learning difficulties. Analysis of opportunities and barriers in inclusive education in Slovenia. *CEPS Journal* 2015; 5 (1): 31-52.
11. 11.Pace, D. Increasing awareness and understanding of students with disabilities. *Academic Exchange Quarterly*, 2003. 6, 28-34.
12. 12.Pesikan, A., Ivic, I. The sources of inequity in the education system of Serbia and how to combat them. *CEPS Journal* 2016; 6(2): 101-124.
13. 13.Rumpf, H-J., Vermulst, A. A., Bischof, A., Kastirke, N., Gürtler, D., Bischof, G., Meerkerk, G-J., John, U., Meyer, C. Occurrence of Internet Addiction in a General Population Sample: A Latent Class Analysis. *European Addiction Research* 2014; 20(4): 159-166.
14. 14.Temcheff, C. E, Derevensky J. L, St-Pierre R. A., Gupta R., Martin I. Beliefs and Attitudes of Mental Health Professionals with Respect to Gambling and Other High Risk Behaviors in Schools. *International Journal of Mental Health and Addiction* 2014; 12(6): 716-729. doi: 10.1007/s11469-014-9499-9

УДК 37

DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_149

РАЗВИТИЕ ФОНЕМАТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ДИЗАРТРИЕЙ ПОСРЕДСТВОМ ЛОГОПЕДИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Кулезенина Екатерина Викторовна

Студент, Новосибирский государственный педагогический университет

E-mail: nosckowakaterina@yandex.ru

Ткаченко Елена Сергеевна

Научный руководитель

Канд. психол. наук, доцент кафедры логопедии и детской речи,

Новосибирский педагогический государственный университет

В статье рассматривается проблема развития фонематического восприятия детей старшего дошкольного возраста с дизартрией посредством логопедических занятий. Описаны основные виды нарушений, возникающих при стертой дизартрии у дошкольников, а также их влияние на состояние фонематического восприятия. Отмечено, что нарушения в фонематическом восприятии детей старшего дошкольного возраста со стертой дизартрией обусловлены нарушениями нервно-мышечной иннервации органов артикуляции. Автор считает, что логопедическая работа должна строиться на основе индивидуального и комплексного подходов. Комплексный подход организуется через медицинский (физическая реабилитация, массаж, применение лекарств); психолого-педагогический (развитие сенсорных функций, улучшение ВПФ, развитие графомоторных навыков) и собственно логопедический (индивидуальная работа по формированию фонематического восприятия). Для коррекции фонематического восприятия автор предлагает классическую схему, состоящую из пяти этапов: различение неречевых звуков, анализ высоты и силы голоса, различение сходных по составу слов, выделение гласных и согласных звуков в словах, определение одинаковых звуков в словах. В конце заключения статьи сделан вывод о том, что развитие фонематического восприятия у дошкольников со стертой дизартрией – сложный и многоэтапный процесс, требующий от ребенка и логопеда неустанной работы. Однако, правильный подход и систематическая работа помогут ребенку преодолеть речевые трудности и добиться положительного результата.

Ключевые слова: дизартрия, стертая дизартрия, фонематическое восприятие, логопедическое воздействие, индивидуальный подход, комплексный подход.

DEVELOPMENT OF PHONEMATIC PERCEPTION IN SENIOR PRESCHOOL CHILDREN WITH DYSARTHRIA THROUGH LOGO-PEDIC ACTIVITIES

Kulezenina Ekaterina Viktorovna

Student, Novosibirsk State Pedagogical University

E-mail: nosckowakaterina@yandex.ru

Tkachenko Elena Sergeevna

*Scientific supervisor, of the Candidate. Psychology, Associate Professor
of the Department of Speech Therapy and Children's Speech,
Novosibirsk Pedagogical State University*

The article examines the problem of developing phonemic perception in children of senior preschool age with dysarthria through speech therapy classes. The main types of disorders that occur with erased dysarthria in preschool children are described, as well as their impact on the state of phonematic perception. It is noted that disturbances in the phonemic perception of children of senior preschool age with erased dysarthria are caused by disturbances in the neuromuscular innervation of the organs of articulation. The author believes that speech therapy work should be based on individual and integrated approaches. An integrated approach is organized through medical (physical rehabilitation, massage, use of medications); psychological and pedagogical (development of sensory functions, improvement of HMF, development of graphomotor skills) and speech therapy itself (individual work on the formation of phonemic perception). To correct phonematic perception, the author proposes a classic scheme consisting of five stages: distinguishing non-speech sounds, analyzing the pitch and strength of the voice, distinguishing words with similar composition, identifying vowels and consonants in words, identifying identical sounds in words. At the end of the article, it is concluded that the development of phonemic perception in preschoolers with erased dysarthria is a complex and multi-stage process that requires tireless work from the child and the speech therapist. However, the right approach and systematic work will help the child overcome speech difficulties and achieve a positive result.

Keywords: *dysarthria, erased dysarthria, phonemic perception, speech therapy intervention, individual approach, integrated approach.*

Изучение родного языка в дошкольном учреждении и семье играет значительную роль в развитии речи ребенка, что способствует формированию грамматически правильного, богатого словарного запаса и четкой фонетики, которые являются важными элементами его развития.

Одной из главных задач речевого развития дошкольника является формирование фонематического восприятия, представляющего собой наличие способностей анализировать и различать речевые звуки. Для подготовки ребенка к школе необходимо заложить основы навыков чтения и письма, однако без сформированного фонематического восприятия это невозможно, что обуславливает необходимость целенаправленной логопедической работы с дошкольниками.

Трудности для развития фонематического восприятия представляют собой различные нарушения речи у детей, включая дизартрию.

Дизартрия представляет собой речевое расстройство, вызванное проблемами двигательных навыков и координации органов артикуляции (язык, губы, гортань, небо). Дети с дизартрией зачастую испытывают затруднения в произношении звуков, не могут контролировать скорость и ритм речи, интонацию и громкость голоса. Факторы возникновения дизартрии могут быть обусловлены различными причинами, это могут быть неврологические расстройства, различные травмы, а так дети другие физиологические проблемы. Главным последствием дизартрии является нарушение коммуникативного взаимодействия с другими людьми.

Дизартрия является распространенным речевым расстройством среди детей с общим недоразвитием речи и фонетико-фонематического развития. У детей дошкольного возраста с ОНР дизартрия составляет около 50%, в то время как у детей с ФФН она выявляется в 30-35% случаев.

Существует несколько классификаций дизартрии, в нашей статье мы представим классификацию форм в зависимости от степени выраженности. Самой тяжелой степенью дизартрии является анартрия, когда ребенок практически

полностью не может говорить. Другая форма, при которой речь имеется, но нарушено произношение звуков и слов – выраженная дизартрия. Еще одной формой, при которой нарушения в речи менее выражены, является стертая дизартрия.

В статье мы рассмотрим наиболее подробно проблему развития фонематического восприятия у старших дошкольников со стертой дизартрией.

Фонематическое восприятие представляет собой способность анализа и различения звуков – фонем. У детей со старой дизартрией зачастую проявляется нарушение в фонематическом восприятии, что обусловлено слабой и неустойчивой артикуляцией звуков. У дошкольников со старой дизартрией наблюдаются сложности в правильном произношении звуков, а также их анализе, что приводит к нечеткости и неровности речи. При этом довольно распространённым является нарушение контролирования и понимания голоса, дети не могут контролировать тон и громкость голоса, речь их монотонна и невыразительна.

В связи с тем, что дошкольники со стёртой дизартрией имеют проблемы с дыханием при произношении слов, то могут проявляться затруднения в понимании речи окружающих при произнесении слов на одном дыхании. Сложности представляют также непонимание мимики и выражения эмоций других людей, в связи с чем нарушается понимание интерпретации речи. Также у детей со стертой дизартрией часто наблюдается неправильная постановка ударений в словах, нарушена интонация высказываний, а также голосовое выделение ключевых слов в предложениях, что приводит к монотонности речи и непониманию данных особенностей в разговоре других людей.

Обобщая вышесказанное можно отметить, что нарушения в фонематическом восприятии детей старшего дошкольного возраста со стертой дизартрией обусловлены нарушениями нервно-мышечной иннервации органов артикуляции.

В старшем дошкольном возрасте закладываются основы подготовки к школе, а именно задатки навыков чтения и письма. Для формирования данных навыков у детей со стертой дизартрией недостаточно только коррекции звукопроизношения, необходимо определить уровень развития фонематического восприятия и только на основании этих результатов планировать логопедическую работу.

Одной из ключевых особенностей стертой дизартрии в дошкольном возрасте является нарушение не только фонематического, но и фонетического восприятия речи. Как известно, что фонематическое восприятие является основой правильного звукопроизношения, то есть ребенок, как слышит, так и говорит. Однако у дошкольников с дизартрией зачастую отсутствует способность различать между собой слова сходные по составу (квазионимы), нет навыков повторения серии слогов. При нарушении произношения дети с дизартрией стараются подобрать звуки в словах, которые более подходят к правильному варианту, однако при нарушенном фонематическом восприятии звуки искажаются и зачастую дети воспринимают неверный звук за правильный. Как утверждает Л. В. Лопатина, нарушение фонематического восприятия у детей со стертой дизартрией обусловлено отсутствием артикуляционных образов, что является причиной неправильного слухового восприятия и произношения [3, с.44].

Если человек произносит слова в условиях шума, то возникают помехи для правильного понимания звуков и слов. Информация в слуховой анализатор поступает от речедвигательного анализатора и при возникновении ошибок при произношении слов, слуховой анализатор не способен правильно воспринять и обработать информацию. Поэтому у детей со стертой дизартрией возникают проблемы не только с восприятием речи окружающих, но и с восприятием собственной речи. Данный факт еще раз доказывает зависимость фонематического восприятия и звукопроизношения.

Установлено, что у детей дошкольного возраста со стертой дизартрией наблюдаются следующие нарушения в фонематическом восприятии:

- трудности в выделении определенных звуков в словах;
- искажение восприятия слов с определенным звуком;

- слабая выраженность способности выделять слова с заданным звуком в предложениях;
- сложности в различении слов сходных по звуковому составу;
- нарушение умений определять количество гласных и согласных звуков в слове;
- недоразвитие навыков подбора слов, содержащих определенный заданный звук.

Для коррекции нарушений фонематического восприятия детей старшего дошкольного возраста необходимо проведение специальных логопедических занятий, которые будут способствовать развитию фонематического слуха и анализа. Логопедическая работа должна строиться на основе индивидуального и комплексного подходов.

Индивидуальный подход при проведении логопедических занятий по коррекции фонематического восприятия у дошкольников со стертой дизартрией предполагает учет индивидуальных особенностей и потребностей каждого ребенка. Речевые нарушения у каждого дошкольника индивидуальны, поэтому организовывать работу для всех одинаково нецелесообразно. Необходимо использовать различные методы, материалы, технологии, средства для достижения запланированной цели. Так же во время логопедических занятий ребенка необходимо заинтересовать, только в данном случае он будет мотивирован и работа принесет положительные результаты. Одним из наиболее эффективных методов повышения заинтересованности к логопедическим занятиям является их проведение в игровой форме.

Комплексный подход при развитии фонематического восприятия подразумевает интеграцию нескольких блоков: медицинский (физическая реабилитация, массаж, применение лекарств); психолого-педагогический (развитие сенсорных функций, улучшение ВПФ, развитие графомоторных навыков) и собственно логопедический (индивидуальная работа по формированию фонематического восприятия). Рассмотрим основные компоненты логопедической работы по коррекции фонематического восприятия детей старшего дошкольного возраста со стертой дизартрией.

Дети дошкольного возраста со стертой дизартрией имеют нарушения в моторной сфере, поэтому логопедическая работа должна начинаться именно с развития моторной сферы. Начинать занятия необходимо с развития мелкой моторики пальцев рук для чего использовать различные виды пальцевой гимнастики. Можно предложить детям упражнения на развитие мелкой моторики, например, переключивание мелких деталей, конструктор, перебирание бусин разного цвета. Можно использовать задания на штрихи, раскрашивание, рисование мелких деталей.

Следующим шагом по коррекции фонематического восприятия у дошкольников со стертой дизартрией является артикуляционная гимнастика. На данном этапе детям можно предложить упражнения на развитие артикуляционных навыков, например, «заборчик», «дудочка», «окно», «блинчик», «кошка сердится», «накажем непослушный язычок», «пароход», «чашечка» и другие.

Далее необходима работа по коррекции деятельности жевательных мышц. Для нормализации их работы можно использовать методику И. И. Ермаковой на основе выполнения ортофонических упражнений. В качестве примера таких упражнений можно предложить следующие: открывание и закрывание рта, выдвигание вперед нижней челюсти и т.д [2, с.55].

Для развития функций мышц губ и щек у детей со стертой дизартрией рекомендуется методика Е. Ф. Архиповой, в соответствии с которой используются такие упражнения, как надувание обоих щек, втягивание щек. упражнение «Прополощи рот» и другие [1, с.74].

Собственно, логопедическая работа по развитию фонематических процессов у детей старшего дошкольного возраста включает пять взаимосвязанных этапов.

Первый этап направлен на проведение работы по выработке умений различать неречевые звуки. Детям можно предложить к прослушиванию записи неречевых звуков, например, звуки дождя, шум листьев, звон колокольчика и другие. У дошкольников будет формироваться способность к анализу, дифференциации и распознаванию звуковых образов.

Задачей второго этапа является развитие умений анализировать и дифференцировать звуки по силе, высоте, тембру. Для этого используются разнообразные упражнения, например, можно предложить произнести различные слова тихо и громко, высоким голосом и низким. Данное упражнение будет способствовать не только развитию умений определять силу голоса, но и навыков контроля собственного голоса.

Третий этап развития фонематического восприятия предполагает развитие умений различения сходных по составу слов. На данном этапе используется следующее упражнение: детям предлагаются картинки с изображением предметов, сходных по звуковому составу, например, суп-зуб, мошка-кошка, коса-коза и т.д. Логопед называет четко слово, а ребенок должен показать на картинке слово с заданным звуком.

На четвертом этапе осуществляется работа по развитию умений различать и выделять гласные и согласные звуки в словах. Для развития данного навыка используется комплекс упражнений по перечислению слогов с общей согласной, но разными гласными или наоборот. Данное задание также способствует развитию правильного восприятия слов, умению анализировать их структуру, формирует навыки правильного произношения и понимания речи окружающих.

Пятый этап направлен на формирование умений определять одинаковые звуки в словах. Детям предлагается ряд слов, содержащих один общий звук, например, мышь-кошка-шуба. Ребенок должен назвать правильный звук, который имеется во всех словах. Данное упражнение направлено на формирование фонематического слуха и анализа.

На каждом этапе логопедической работы по формированию фонематического восприятия для того чтобы привить интерес и сделать процесс наиболее интересным должны использоваться различные методы и технологии обучения: игровые, кейс-технологии, проектные технологии, проблемное обучение и т

Таким образом, развитие фонематического восприятия у дошкольников со стертой дизартрией – сложный и многоэтапный процесс, требующий от ребенка и логопеда неустанной работы. Однако, правильный подход и систематическая работа помогут ребенку преодолеть речевые трудности и добиться положительного результата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова, Е.Ф. Коррекционно-логопедическая работа по преодолению стертой дизартрии у детей / Е.В. Архипова. – М.: АСТ, 2008. – 254 с.
2. Ермакова, И.И. Коррекция речи и голоса у детей и подростков: Кн. для логопеда / И. И. Ермакова. – М.: Просвещение, 1996. – 141 с.
3. Лопатина, Л.В. Преодоление речевых нарушений у дошкольников (коррекция стертой дизартрии): учебное пособие. / Л.В. Лопатина, Серебрякова Н.В. – Спб.: Изд-во «СОЮЗ», 2000. – 192 с.
4. Кораблев А.А. Логопедический практикум. Подготовка к школе / А.А. Кораблев. – М.: Прогресс, 2021. – 378 с.
5. Эльконин Д.Б. Развитие речи в дошкольном возрасте: краткий очерк / Д.Б. Эльконин. – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1958. – 116с.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статья, направляемая в журнал «ЖИВАЯ ПСИХОЛОГИЯ», предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word по e-mail: VAK-info@yandex.ru

Файл с текстом статьи должен иметь расширение *.doc или *.docx. Разметка страницы: поля со всех сторон 2 см, ориентация книжная, формат А4. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер (кегель) 14, абзацный отступ 1,25 см, межстрочный интервал полуторный с использованием автоматической расстановки переносов. Аннотация (от 100 до 150 слов); ключевые слова на русском языке (от 8 до 15 слов). Название статьи, аннотация, ключевые слова, сведения об авторах должны быть переведены на английский язык.

Исключить громоздкие цифровые и формульные таблицы, а также рисунки, более, чем на 0,5 страницы. Все таблицы и рисунки должны быть в тексте, подписаны, ссылки на них по тексту обязательны.

Список использованной литературы составляется по алфавиту в конце статьи в соответствии с ГОСТ. Источников литературы не менее 10, не более 15 источников. Ссылки на литературу в тексте отмечаются арабскими цифрами в квадратных скобках.

В статье должны быть указаны следующие сведения о каждом авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); место работы и должность; ученая степень; домашний адрес (если необходимо почтовый экземпляр); контактный телефон; адрес электронной почты. Название ВУЗов полностью, без сокращений.

Пример оформления статьи:

<http://nauka-vak.ru/wp-content/uploads/2022/07/Пример-оформления-статьи.doc>

ВАЖНО!!!

Все статьи проверяются на ПЛАГИАТ. Процент авторского текста должен составлять не менее 75%. Цитирования не более 25%.

Все поступающие в редакцию материалы должны быть проверены на наличие заимствований из открытых источников (попросту – плагиат), проверка выполняется с помощью системы AntiPlagiat.ru.

Редакция предупреждает авторов, незаконно заимствующих объекты интеллектуальной собственности, об ответственности, предусмотренной в Статье 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав». Процент авторского текста должен составлять не менее 75%.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство «Манускрипт».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство серия ПИ № ФС77-83669 от 05 августа 2022 г.

Адрес: 344114, РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, Г.О. ГОРОД РОСТОВ-НА-ДОНУ, Г РОСТОВ-НА-ДОНУ, УЛ БОРЯНА, Д. 20, 24. Тел. +7 951 528 22 82 **E-mail:** VAK-info@yandex.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «Манускрипт»

Подписано в печать 05.10.2023. Выход в свет 08.10. 2023г.

Тираж 400 экз. Заказ № 23-40-1 РСТ-Зк. Цена свободная